

Сергей
МИНУТИН

Никто мне
ничего не обещал

Сергей Минутин

**Никто мне ничего не обещал.
Дневниковые записи последнего
офицера Советского Союза**

«Минутин Сергей»

2009

УДК 821. 161. 1-7
ББК 84 (2 Рос=Рус) - 44

Минутин С. А.

Никто мне ничего не обещал. Дневниковые записи последнего офицера Советского Союза / С. А. Минутин — «Минутин Сергей», 2009

ISBN 978-5-902390-18-3

Никого не желая обидеть. Бессмертие – естественное состояние жизни. Наши поступки – это причины каких-то будущих следствий. Скверные поступки – скверные следствия. Люди не верят в своё бессмертие и потому творят мыслимые и немыслимые безобразия, уповая на то, что смерть всё спишет. Но смерти нет. Верующие знают суровое предупреждение Евангелия: «Не обольщайтесь. Бог поругаем не бывает». Книга представляет собой размышления на эту тему.

УДК 821. 161. 1-7
ББК 84 (2 Рос=Рус) - 44

ISBN 978-5-902390-18-3

© Минутин С. А., 2009
© Минутин Сергей, 2009

Содержание

Никто мне ничего не обещал	6
Часть первая. Последние годы Советского Союза	7
Глава 1. Дети	7
Глава 2. Курсанты	23
Глава 3. Господа офицеры	30
Часть вторая. Будни СССР	70
Глава 4. Армейские будни	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Сергей Минутин
Никто мне ничего не обещал.
Дневниковые записи последнего
офицера Советского Союза

© Минутин С.А. 2009 год

Никто мне ничего не обещал

*В тот чудный миг свершившегося факта.
Родился я. И, знаю, что контракта
Со мной творец тогда не заключал.*

*Никто мне не сулил беспечных лет,
Любви, достатка, славы или чина.
Мне просто подарили этот свет,
А с ним простое звание – мужчина.*

*И как бы я порою не ворчал,
Безумный мир оценивая строго,
Что будет беззаботною дорога,
Никто мне никогда не обещал!*

Сергей Сергеев

Часть первая. Последние годы Советского Союза

Человек всегда идёт туда, где оставляет свой зов, притягивающий магнитом совершенствования того, кто оставил этот зов впереди себя для новых своих воплощений.

«Калагия» Наумкин А.П.

Глава 1. Дети

Нет ничего нового в происходящем. Оно произошло, следовательно, уже было. Не все это видят, так как не наблюдательны.

Его рождение ждали. Его будущая мама вслушивалась в биение двух сердец: своего и будущего малыша. Она улавливала любые его желания. Ему, а значит, и ей бесконечно хотелось солёных огурцов и чего-нибудь горького. Мама была очень осторожна по отношению к нему, ведь он многое забыл о том мире, в который возвращался. Она разговаривала с ним о солёном и горьком, перечисляя все возможные варианты продуктов, и прислушивалась к тому, что он ей отвечает:

- Горчица, – он не подавал никаких признаков заинтересованности.
- Хрен, – он продолжал дремать.
- Спирт, – он так восторжен, что её чуть не вырвало.
- Сигареты, – ей послышалось: «Ну что ты всё о гадостях, да о гадостях».

Её сильно тошнило и даже рвало, если её малышу что-то не нравилось. Это было так часто, что она отчаялась угадать, что же ему надо.

Но тут пришёл отец. Отец ждал рождения малыша ещё больше, чем его мама. Он был уверен в том, что будет сын, и это чувство переполняло его всего.

Он старался угадать и уловить любое желание своей избранницы и своего сына и только удивлялся их скромности. Удивлялся тому, что они хотят картошку, капусту, кашу и солёные огурцы. Вот если бы он носил их сына, то они бы ели «вкусненькое».

Отец пришёл радостный и счастливый. Он чмокнул маму в обе щёки, приложил ухо к её такому необычно большому животу и поставил на стол бутылку пива и выложил большую почти прозрачную солёную рыбу.

Малыш заметно оживился и даже начал двигаться. Мама задумалась: «Что же он увидел её глазами и что он хочет?» Она поочередно смотрела то на пиво, то на рыбу и слушала. Рыба малыша не вдохновляла. При взгляде на пиво её вселенная оживала, малыш начинал подавать сигналы и признаки того, что и у него теперь есть своя вселенная, которой необходима «горечь познания».

Она налила себе большой стакан пива и выпила его, подумав о себе и о нём: «Может, он, мой малыш, прав. Мир, в котором он скоро окажется, и солён, и горек. Хотя, – она посмотрела на его отца, – не только».

Они оба уже очень любили своего будущего малыша. Они уже придумали ему имя Сергей, в честь своего общего друга, мотогонщика, который разбился на одной из своих «сумасшедших» гонок. Судьба долго хранила его, ломая ему руки и ноги, но он, как замороженный, стремился догнать её на огромной скорости.

Давая своему малышу это имя, они думали, что так будет лучше. Возможно, что кроме родителей здесь он получит и доброго ангела-хранителя там. Ангела, который будет удерживать их сына на виражах жизни. Они верили в бессмертие и в жизнь на небесах. Они верили, а маленький Сергей знал и поэтому не спешил покидать мамин животик.

Но все установленные природой сроки прошли, и он родился. Он вышел из мамы в большом пузыре. Набожная медсестра запричитала: «Надо же, в рубашке родился» и быстро-быстро очистила ему розовый носик и ротик. Но он уже успел чуть – чуть задохнуться, глаза его перепугано вращались, личико было синеватого цвета, а вся его маленькая голова, покрытая редкими чёрными волосиками, выглядела весьма сморщенно. Малыш глотнул воздуха. Маленькое тельце ожило, и родильное помещение наполнилось громким детским криком.

О чём кричал малыш – знал только он сам. Но едва ли он орал от радости, очутившись в помещении с кафельными стенами, яркими лампами и большим столом. Помещение могло быть и родильной палатой, и операционной, и моргом одновременно. Это к старости человек начинает верить в загробный мир, а младенцы из него приходят. Это старик думает о большом тоннеле, по которому он пойдёт на страшный суд, под Божьи очи, а малыш приходит оттуда. Как тут не заорать, очутившись в плотном и весьма агрессивном материальном мире. Среди ярких ламп и кафельных стен. Будущих детей частенько ещё в момент зачатия охватывает ужас. Тоннель-то ведёт в оба конца, но божественный свет – только с одной стороны. Вот малыши и орут, и хотят обратно.

Сергея приняла на руки набожная акушерка. Она много-много раз его перекрестила и показала сына совсем ослабевшей маме. Мама, до этого момента никогда не видевшая новорождённых детей, машинально спросила: «Это кто?». Акушерка радостно доложила, что это её сын.

Часы показывали семь часов утра.

Сергей орал не переставая. Он «продувал» свои маленькие лёгкие, пробовал на крепость командный голос и утверждал своё: «Я есть». Он требовал к себе внимания и докладывал, что он вполне жив и здоров. Глаза перестали вращаться, личико порозовело, и мама успокоилась.

Набожная сестричка сказала маме, чтобы та не сильно реагировала на крик малыша. Она говорила, что малыш своим криком многое говорит взрослым о своей прежней жизни, но они не понимают его. В этом возрасте малыши взрослее своих родителей, они ищут только то, что им по-настоящему нужно. Они даже не ищут, они по-настоящему знают, что им нужна мама и её грудь. А ещё они верят в то, что это им дал Бог.

Набожная сестра знала всё о малышах, о мамах и даже о папах. Малыши, выходявшие из-под её рук, были крепкими и какими-то светлыми и смышлёнными. Она окружала всех в этом далёком роддоме, стоящем на берегу реки Плющухи в далёком сибирском краю, своей всеобъемлющей любовью. Эта любовь передавалась всем родным и близким рожениц и их детям.

Сергей сразу стал центром всеобщего внимания и заботы. Для отца – первый сын, которого надо учить. Для мамы – пока единственный ребёнок и самое любимое существо, которое надо баловать. Для бабушки и дедушки – первый внук. Сергей ползал, где хотел и делал что хотел. За все его проказы перед бабушкой и дедушкой отчитывались родители, но бывало и наоборот. Только Серёжка ни в чём не был повинен.

Когда он в ключья изорвал все папины документы, то ругали и папу, ибо документы надо прятать лучше. А когда они, мама и папа, пошли погулять, оставив своего сына спящим за закрытыми на ключ дверьми, а он тут же проснулся и начал орать, им обоим досталось от деда: «Ребёнка одного оставили... Не нагулялись...»

Однажды он всех сильно перепугал тем, что, ползая по полу, вдруг пропал. Его искали минут тридцать, пока не обнаружили спящим под своей же кроватью.

Отец всё время носил его на руках. Поэтому из всех слов, которые он быстро выучил и которые постоянно произносил, были: «мама», «папа», «баба», «деда» и «на ручки». Остальные слова, которые ему говорили, он не запоминал.

Дедушка говорил, что его внук гений, и за каждую проделку награждал его куском сала. Сало с чесноком внук любил до самозабвения. Дедушка просто таял от такой любви внука к салу, так как видел во внуке главного ценителя своего труда.

С Сергеем все разговаривали, но больше всех, конечно, отец. Он его не учил частностям. Он показывал ему мир целиком, и Сергей жадно впитывал всё то, что видел сам, и что ему показывал отец.

В школу он пошёл в семь лет. Он не умел ни читать, ни писать. Но он уже умел главное: видеть и понимать.

«Подумаешь, «Букварь»», – по-взрослому размышлял он. Буквы – это частности в сравнении с тем, что он проделал в пять лет, отправившись на поиски мамы, которая, как он слышал, работает в книжном магазине. И он её нашёл. Он шёл по городу и просил всех прохожих подряд читать ему надписи на зданиях.

– Подумаешь, цифры. Это вообще ерунда.

Он вспомнил, как в четыре года, важно сопя, залазил в поезд, подсаживаемый отцом, и устремлялся на поиски своего купе. Он моментально находил своё купе, папину полку и своё место на ней. У него были свои, совершенно определённые представления о назначении римских и арабских цифр.

Одним словом, с буквами и цифрами он разобрался быстро. Лучше всех стал читать и считать и... заскучал, ибо закончилась его вольная жизнь, а школьная «неволя» ничего нового уже не давала. К однообразию он готов не был.

Мама и папа быстро заметили скуку, которая овладела их ребёнком, и, не мешая ему скучать, подарили ему, торжественно подарили, несколько взрослых книг Жуль Верна, Джека Лондона, Киплинга и Стивенсона. При этом они сказали ему, что эти книги расширят горизонты его сознания.

Книги по форме напоминали учебники и никакого энтузиазма в Серёжке не вызывали.

Тогда на семейном совете было установлено время и место чтения книг. Был определён целый час перед сном. Книги стали читать вслух. Сначала читал папа, затем мама. Сергей был слушателем.

Хватило недели, чтобы Сергей понял, что скука – явление проходящее, и что горизонты познания школой не ограничиваются. Даже наоборот, школа к знаниям никакого отношения не имеет. Знания – это нечто иное. Например, войти в образ литературного героя и прожить сюжет его жизни. Это и значит получить знание. И он зашагал по жизни путями, уже пройденными литературными героями. Пути литературных героев были абсолютно не совместимы с путями, которыми вела его школа. Школа его воспитывала, а он искал новые образы и свой путь.

Он откровенно «дрых» на уроках, ковырял в носу и читал книги. Его никто не контролировал и никто не проверял его дневник. Ему, ещё малышу, объяснили, что это его жизнь, а задача мамы и папы как его родителей, дать ему всё необходимое для познания той среды обитания, в которой он будет жить. В этом их ответственность перед ним. А дальше он всё должен делать сам. И он успешно познавал свою среду обитания, пока не попал в школу. В школе же он сразу пришёл к неутешительному выводу о том, что в ней познают не среду его обитания, а её частные формы. Но как можно учиться на постоянно изменяющихся формах, не объясняя при этом, почему именно они меняются. Он как мог сопротивлялся впахиванию себя в эти школьные формы и чужие рамки.

Учительница литературы бубнила произведения классиков прошлых веков. И из её слов выходило, что древние классики о его сегодняшней среде обитания знали больше, чем он ныне живущий, и что это замечательно, так как дальше над своей жизнью можно не думать, а следовать примеру классиков, стремясь быть похожим на их положительных героев.

На уроках химии, физики, математики ссылались на ещё более древних предков, чем на уроках литературы.

От истории человеческих отношений и общественных наук он вообще впадал в тоску. На этих уроках всё время звучала мысль о том, что как плохо было в древние и не совсем древние времена, и как хорошо сейчас. Но эти выводы полностью противоречили всем остальным урокам.

«Ничего себе, плохо, – думал он, – если в то время литературных и иных классиков народилось столько, что их до сих пор ни забыть, ни перечитать не могут».

В знаниях, которые давали ему школьные учителя, не было чего-то самого главного. Он чувствовал, что чего-то не хватает, но чего – не знал, и поэтому душа его металась. Плохая учёба, сон на уроках и пропуски занятий были лишь защитной реакцией на то, что давным-давно было определено как «не брать лишнего в голову, а тяжёлого в руки».

Единственный школьный урок, который не давал Сергею впадать в тоску, назывался «начальной военной подготовкой». Тосковать там было некогда. Урок вёл мудрый ветеран военно-морского флота, капитан третьего ранга в отставке. Его морская форма бодрила сама по себе. А многие армейские атрибуты, которые он показывал на своих уроках, больше нигде нельзя было увидеть. Автомат и противогаз, ОЗК и дозиметры, мелкокалиберные винтовки и приборы химической разведки полностью захватывали внимание Сергея. А рассказы об агрессивном блоке НАТО и успешном сопротивлении ему стран Варшавского договора грели его детскую душу. Сергей отметил для себя ещё одну особенность офицера-педагога. Он всё время был один. Он не заходил в учительскую. У него был свой мир, в который доступ имели не многие. Как редки были уроки начальной военной подготовки, так же редки были и друзья капитана третьего ранга. Сергей тоже чаще был один. Отец часто говорил куда-то в пространство: «Кто одинок – тот не будет покинут». Поэтому Сергей не видел в одиночестве ничего плохого. Ещё отец, будучи в хорошем настроении, часто напевал песенку: «Ковыряй, ковыряй, ковыряй. Суй туда палец весь. Только ты этим пальцем в душу ко мне не лезь». Так выходило, что только одиночество даёт душевный покой. Поэтому школьная скука и тоска над Сергеем не довели. Ему всегда было чем заняться. И друзья у него были абсолютно самодостаточны. Им тоже никогда не было скучно, они не стремились собраться в толпу и пойти куда-нибудь «побалдеть». Всех вместе их собирали только праздники, например, дни рождения или какая-нибудь необходимость. Такую же жизнь Сергей наблюдал и у единственного в школе офицера запаса. Поэтому он начал считать, что армия – это именно то, что ему надо. Одиночество в окружении себе подобных.

После школы он углублялся в поиск знаний и смысла жизни. Он уже знал, что русские классики в тесных рамках школьной программы, как и учителя, трактующие их труды, помочь ему ничем не могут. Они «бубнят» каждый день одно и то же: «Годы трудные ушли, годы трудные пришли», при этом совершенно не видя своего места в этих трудных годах. Они давным-давно смирились с тем, что являются той самой «пищей», которая эти трудные годы кормит. Классики – поэты и прозаики, хоть и выделялись из ряда учителей своими могучими умами, но ребятишки были ещё те... С приходом «трудного» возраста Сергей перестал верить и учителям, и классикам.

У Сергея осталась одна мама, отец умер. Никакой ущербности Сергей не ощутил, таких, как он, полусирот, было более половины класса. Отцы уходили из жизни детей по-разному: одни умирали от болезней, как отец Сергея, другие сами расставались с жизнью, оставляя по несколько детей своим жёнам. Кто поймёт эту загадочную мужскую душу? И почему в стране развитого социализма и всеобъемлющей социальной защиты здоровенный мужик лезет в петлю или из ружья вышибает себе мозги вместе с верхней частью черепной кости?

Отец говорил маленькому Серёжке, что смысл жизни в постоянном поиске новых знаний. Сергей решил, что тем, кто сам убивает себя, просто уже нечего искать. Решив так, он обнаружил роковые «козни» классиков. Классики, исчерпав все сюжеты, пустили всех по замкнутому кругу повторяющихся событий. Бег человечества по кругу, заданному классиками, оказался

очень прибыльным для вождей. Так и пошло: народы бегают по кругу, а вожди и разная «приблуда» стоят на страже границ этого круга.

Сергей не раз убеждался, что классики, особенно русские классики, описывая свою собственную среду обитания, вгоняли народ в жуткую тоску, а главное – в массовое противоречие по поводу и его, народа, жизни. Описывая российскую действительность, они, эти классики, всех донимали одними и теми же вопросами: «Кому там жить хорошо? Так хорошо, что даже не знаете, кто виноват и что делать? Ну, тогда попутешествуйте из Петербурга в Москву, а лучше сразу до Сахалина и обратно». И действительно, те, кому было жить хорошо, сразу задумывались: «А от чего, собственно, хорошо?», а те, кому и без вопросов было плохо, узнавали о том, что кому-то хорошо, и это было особенно невыносимо сознавать. Чтобы усыпить сознание народа, вожди постоянно отыскивали новых «классиков», которые гипнотизировали народы старыми сюжетами от путешествий «Москва – Петушки» до «Солдата Ивана Чонкина».

Эти знания, которые вкладывали в Сергея на школьных уроках, он бы даже считал занятыми и весёлыми, если бы школьные учителя постоянно не акцентировали его внимание на том, что классики – они потому и классики, что описывают вечные сюжеты. А раз сюжеты вечны, следовательно, мы и сегодня живём по этим сюжетам, и никуда нам от них не деться. А если кому-то охота жить по другим сюжетам, оторваться от земли и взлететь, то тому нужно ещё раз прочитать классиков. И тут же учитель истории для закрепления опыта классиков и убийства мечты, которая могла, по недосмотру, зародиться в ребёнке, ему рассказывал о некоторых «лётчиках»: о Прометее, решившем огонь развести, о Спартаке, проявившем излишний оптимизм, о Сизифе. Впрочем, о Сизифе не рассказывал, рассказывал лишь о его труде, ибо рассказ о Сизифе сразу приводил к рассказу о жизни и классиков, и политиков, и самих учителей.

Сергей решил всё постичь сам. Он обратился к первоисточникам. Русских классиков он не понимал, хотя красота и образность текстов его завораживали. Он пытался сопротивляться, но переболел и Обломовым, и Чацким, и Безуховым, и Волконским, и даже тургеневской «Бабой с мозгом». Он даже примерял на себя участь Анны Карениной, чувствуя в глубине души, что все персонажи русской литературы – это, в сущности, Анны Каренины, и Лев Толстой по этой причине – самый большой и великий русский классик.

Когда в девятом классе он впервые положил соседке по парте руку на коленку, а она вся покраснела и перестала дышать, его охватила совершенно беспричинная радость познания вперемежку с лёгкой иронией. Он очень умно, как ему казалось, произнёс: «Любовь бывает на два тома, как «Анна Каренина», а бывает на всю жизнь». После этой тирады он получил «по уху», а заодно получил и просветление, что любовь бывает и короче, а поезд с рельсами – это, возможно, и даже очень, единственное проявление большого чувства в России, заметное всем. Ухо «горело», а Сергей продолжал размышлять о российской духовности. Он думал: «Какая же Россия духовная страна и где она скрыта это русская душа, если, что ни классик, то трагедия, иначе душу не рассмотришь, а без трагедии на тебя, в общем-то, всем абсолютно наплевать».

Он уже многое знал. Например, что первая любовь, как её и описывают в книгах, должна быть сильной и несчастной. Если она не сильная и не несчастная, значит, она уже не первая.

А первая любовь у Сергея была сильная. Пришла она поздно, в конце школьного обучения, и захватила его всего. При мысли о своей «первой любви» через него от макушки до пяток «прокатывался» большой сияющий и тёплый «шар». Он бесконечно чистил зубы, ходил не переставая по комнате, сочинял стихи. Он думал только о ней. Другие мысли просто исчезли. Для него это было совершенно новое чувство, не поддающееся осмыслению, не вмещающееся в школьные учебники. Это чувство «первой Любви» для Сергея вообще было первым чувством, которое пришло непонятно откуда и захватило его всего. К его приходу он уже испытал множество переживаний: любовь к родителям, в основе которой лежал недетский ужас от скорого расставания с ними; жалость к матери, потерявшей своего мужа и его отца; потеря дру-

гих близких ему людей, которые стали быстро умирать сразу после того, как Никита Хрущёв начал взрывать атомные бомбы в районе Семипалатинска, а многочисленным советским учёным было абсолютно наплевать на то, что рядом с этим полигоном находится целый ряд крупных городов, таких как Новосибирск. Весь этот научный каганат, слившись в экстазе, «защищал» советский народ, определив ему лучшим убежищем – кладбище. Нильс Бор не сильно ошибся, когда заявил, что научное сообщество хуже криминального.

Сергей уже знал, что такое чувства. Но все чувства, которые приходили к нему, являли собой продолжение его жизни. Они приходили постепенно, в определённой очередности. Всплакнула мама, расстроился отец, а он почувствовал беду. Пришла болезнь, пришло ожидание смерти. Всё это было не похоже на «первую любовь». Она пришла сразу и захватила его всего. И было совершенно непонятно: откуда пришла и куда поведёт дальше.

Два месяца он жил словно в бреду. Конечно, это было заметно. Над ним не смеялись, но ему сочувствовали. Победил ум. Так Сергей впервые понял, что с чувствами можно совладать. Этому, как и многому другому, с дуру учила школа. В стране был атеизм. Из всех религиозных учений о любви дети знали только одно: «Ромео и Джульетта» Шекспира. Может быть, к счастью, а может быть, и нет, кто знает замыслы божьи, но барышня в Сергея также сильно, как он в неё, влюблена не была. Серёжкина любовь закончилась длинным сочинением, описывающим его чувства. Концовка сочинения была весьма оригинальна. В ней уже начинал просматриваться будущий офицер – философ – циник: «Любимые мои девушки, какие вы все разные. Для одних из вас поэты сочиняют гимн «Аве Мария», другим посвящают вульгарную песню «Мурка». Хотя это два полюса проявления одного и того же чувства не к вам, а к самому себе, к своей ипостаси, хоть и вашей сущности, но это прекрасно характеризует именно вас. А дальше просто: либо ты остаёшься рядом с «муркой», либо ты стремишься к Богу».

У Сергея всё было, как у классиков. Как и они, он сильно вник в формы проявления несчастий от своей первой любви. Дальше по сценарию русских классиков его должны были либо засадить в острог, либо он должен был успеть смыться на Запад и удариться там в путешествие, лечя искалеченную душу. К счастью, он ничего не написал для прочтения цензорам, а границы на Запад были закрыты для всего советского пролетариата и его младшего брата крестьянства наглухо. Поэтому Сергею оставалось лишь сразу же углубиться в зарубежную литературу.

Надо заметить, что его мама прекрасно знала, какие чувства и за какими последуют у её ребёнке. В этом мире она жила не первый день и ходила в те же школы. Мама подарила Серёжке зарубежных классиков: Гёте, Гейне, Байрона и других. Эти классики излагали своё понимание жизни, хоть и не так изысканно, как русские, но зато просто и прямо. По их учению выходило так, что без чувств нет действий, но если чувство пришло, поднимай «свою задницу» и совершай действие, иначе следующим чувством будет только уныние. На этом унынии жизнь и остановится, и будешь бегать по кругу до самого смертного часа. Дальше по их учению выходило так, что материальный мир нужен исключительно для познания духа, и, более того, существовать друг без друга они не могут.

Это открытие примирило Сергея с русскими классиками. Он вдруг понял, что все классики говорят об одном и том же, но среда творчества у всех разная. У русских она более материальна и агрессивна и вся убирается в промежуток между цензурой и анафемой.

В таких рамках «русскому духу» только и остаётся либо тосковать, либо баловать. Потом через много лет после падения СССР Сергей почувствовал пробел в своём образовании через свет Русской Православной Церкви. Обнаружив этот пробел, он был чрезвычайно удивлён тому, как учителя умудрялись преподавать православных классиков, сильно верящих в Бога, в стране с режимом атеизма!

Сергею, правда, несколько повезло. Он родился в момент, когда в стране атеистической цензуры уже не было, а анафема ещё не пришла. Страна переживала кризис, который назвали

«застоем». Слово было мудрёное. Сергей его воспринимал своеобразно. Застоем он обозначал свою проблемность для учителей. Он всё время удивлялся, почему для мамы он проблему не представляет, а для школьных учителей представляет. Мама о нём заботится и растит его, а учителя его «вгоняют в рамки». В эти рамки «застоя» укладывалось всё: школа, учителя и сами «рамки». Не укладывался только он сам и его заботливая мама. Дома, читая по вечерам книги, запрещённые до «застоя», он понимал, что на граждан его страны снизошло счастье, но, выйдя из дома, он видел, что счастья своего, собственно как об этом и писали русские классики, они опять не заметили.

В городке, в котором он рос, кроме военрука, было ещё несколько офицеров. Все они служили на местном заводе в военной приёмке. Большинство рабочих этого завода считало их бездельниками. Завод делал моторы для автомобилей и другой спецтехники. Задача военных сводилась к постановке специального клейма на тот или иной двигатель или отдельную деталь. Но в стране был «застой», и все им пользовались как могли и насколько позволяла должность. Должность военпреда на заводе позволяла очень много. Для гражданской администрации завода каждая военная партия двигателей стоила очень много. Приходилось рассчитывать с военными краской, досками, линолеумом для их нужд, квартир и дач. Но гражданские контролёры принаровились. Они тайно изготовили свои клейма, аналогичные военным, и ставили их, часто даже не посвящая военную приёмку в отправку той или иной партии двигателей.

В этом не было никакого обмана. Родина во главе с партийными вождями боролась с казнокрадством и за коммунизм во всём мире. Поэтому заводской администрации легче было изготовить клейма, чем раздавать казённое имущество «господам офицерам». Так они и жили в полном неуважении друг к другу. Терпели. На этом заводском фронте лозунг «народ и армия едины» не работал. Офицеров военпредов не любили за жадность и глупость.

Ещё больше, чем их самих, не любили их жён, которых вынужденно, по закону приходилось пристраивать на тот же завод на «блатные» места. Из-за этого шло постоянное увеличение «блатных» мест, занятых сплошь дурами и дураками. Здесь заводское начальство и военное представительство сливались в экстазе, усугубляя «застой».

Все горожане знали эту сторону жизни завода. Городок был невелик, завод в нём был один, поэтому сплетни и слухи были главным развлечением.

Сергей тоже знал, но форма, погоны, звёзды завораживали. Пусть их жёны дуры, но рядом со своими мужьями они прекрасно смотрелись. Они были ухожены. Они не были похожи на полуглухих и вздрагивающих баб из цеха штампованных деталей или на женщин с пустыми глазами из цеха сборки. Этим женщинам уже давно всё опостылело, а особенно завод и его руководство, но деваться им было абсолютно некуда.

Сергей как-то пошутил на уроке истории, что дай местному пролетариату в руки серп и молот, они разнесут весь завод. Учительница оторопела. Она только что говорила то же самое, но о другом, капиталистическом мире, об их зверином лике империализма. И вдруг прямая аналогия с местными условиями. В школу вызвали маму. К счастью, был «застой». В городе Горьком уже жил ссыльный академик Сахаров. Чекисты, хоть и караулили его, но вполне были согласны с его теорией конвергенции (сближением социализма с капитализмом), оставалось разобраться в деталях этого сближения: кто и к кому первым должен броситься в объятия, кому и как рушить, до основания или по уму.

Поэтому за «серп и молот» маму поругали, но выразили молчаливое сочувствие и согласие. Так выходило, что не только Сергей понимал наступление последней черты, как и то, что, чтобы за неё не перейти, надо было разнести аппарат партхозноменклатуры, а заодно и военных в пух и перья. От них исходила только нищета, пустые полки магазинов и липовая мощь. Чекисты были в курсе всех скорбных дел в своей стране.

Школьная жизнь периода «застоя» – едва ли не лучшие годы в жизни детей СССР. Детей учили на обломках идеологии. К середине 70-х годов XX века просто не осталось учителей, которые бы хоть что-нибудь знали о марксистско-ленинской теории. Не осталось таких людей и в политбюро ЦК КПСС.

Сергей вёл дневник школьной жизни. Он дал ему двойное название: «Терра инкогнита» и «Дежа вю». В дневнике он писал: «Дети – это терра инкогнита (непознанная земля) для взрослых. Вся проявляемая забота о детях в итоге сводится выросшими детьми к новым войнам и революциям. На этих примерах обучаются уже новые дети. И так шаг за шагом, виток за витком».

Да, именно в детстве закладывается вся наша последующая жизнь. А потом начинается тоска и скука, которая выражается в направлениях «развития» взрослого общества. Это когда один у станка стоит, другой в сбербанке сидит, третий наукой себя изводит и т. п. У каждого направления есть свой вождь, свой начальник, который и ведёт куда-то, порой плохо зная куда. И только общий вождь «в курсе того, куда надо». Главное в этом процессе то, чтобы те, кого ведут «куда надо», не стали бы думать над тем, «а надо ли им это всё». Но, к сожалению, шагать в толпе легче. Господь предупреждал: «Не себе сотвори кумира», ибо автоматически становишься холуём, но кто слышит Господа? Он предупреждал с Неба, но на Земле поняли всё не так – и началось: «А на левой груди профиль Сталина, а на правой – Маринка, анфас». Додумались вожди поставить себя вровень с мужской любовью к женщине. А влюблённый, как бычок, бредёт не думая. Но одно дело «за юбкой». Это не навсегда, а до удовлетворения. И совсем другое – за вождём. Это навсегда.

Во многом правдивый учебник истории замечательно описывает историю вождей и холуёв. Бегали по земле дикие племена, свободно бегали, пока не возглавили их вожди. Затем из среды вождей, путём естественного отбора, методом обыкновенной поножовщины, выделились князья. Но потом и среди князей, свободно бегавших, проявился самый хитрый и стал у них царём. Затем народились буржуи, и уже в их среде появились самые хитрые, которые стали организовывать демократические правительства во главе с собой и «мочить» царей со всей их дворней. Ещё более хитрые взрослые, осмотревшись, кого бы ещё возглавить, увидели пролетариат и обалдели от того, что огромная толпа здоровых мужиков и баб гуляет сама по себе, и возглавили её, начав «кошмарить» всех подряд. А сколько разного взрослого сброда было между ними? Декабристы, анархисты, октябристы, левые, правые, центристы, социалисты, коммунисты, капиталисты, империалисты, «ястребы», «голуби» и даже соколы, профсоюзы, «буйволы» и «медведи» и прочие «глисты», которые паразитировали и паразитируют на детях.

Дети в массе своей не рвутся к власти, не пишут законов и манифестов. Именно дети ближе всего к народу, так как именно для детей народные мудрецы пишут народные сказки. Эх, если бы сказками всё и ограничивалось, но появляются учебники по истории, обществоведению, и природное время развития человека останавливается. Дитя встаёт в строй взрослых и шагает к очередному концу очередной взрослой утопии.

Самое интересное, что из детства всё это хорошо видно. Если взять детское творчество на свободную тему, то волосы встают дыбом оттого, что ты такой взрослый и умный виден детишкам, как под микроскопом. Что тебе уже дали кличку, которая полностью соответствует твоему взрослому миру.

Наших учителей пугает детский максимализм своей простотой, честностью, искренностью, и они начинают его ограничивать законом, нравственностью, моралью. Тыкать дитё «мордой» об парту и громко покрикивать на него, такого непослушного. Им, взрослым, крайне неудобно уживаться с детским максимализмом. Они начинают готовить детей к тому, чтобы в скором времени их опять возглавил какой-нибудь урод и завёл их в очередное «светлое будущее». Дети сопротивляются, как умеют. Они ещё не холуи, им понятен престол, они ничего не

имеют даже против царского трона. Но им не понятны те, кто его занимает, если они не видят в них Бога. Пишут грустные стихи, лепят из глины смерть с косой. Иногда, к несчастью, расстаются с жизнью, ещё детской, не желая себе жизни взрослой. Но это не заставляет взрослых задуматься над тем, что если детей не «кошмарить» в рамках очередной утопии, очередного вождя, то, возможно, они из своего «светлого настоящего» никогда бы и не выходили. И всё было бы хорошо.

Очень редко взрослые понимают, что первично, а что вторично, где причина, а где следствие. Взрослые передают эстафету своих недостатков другим подрастающим взрослым, отличившимся на ниве кривды детям, и последние продолжают калечить детей дальше, щедро надевая их всеми взрослыми пороками.

Только став стариками, некоторые взрослые по долгу гладят своих внуков и внучек по мягким волосам без слов, без назиданий, молча. Они передают через свои шершавые руки детям свою любовь и свою мудрость, до которой дожили только к старости. Но это редко. Чаще и старики, ощущая свою возрастную солидарность со своим «бессмертным» вождём, организуются в колонны и идут оправдывать свою взрослую жизнь. И если вождём был фюрер, то вообще хана.

В этом случае опять самые хитрые начинают вертеть головами и высматривать, кого бы опять возглавить и повести. И им на глаза попадают дети, и сразу этим детям можно дать определение «пропащие дети», ибо их уже повели другие. Не могу сказать, что это плохо, когда только что родившемуся ребёнку дают медаль новорождённого, затем выдают значок «октябрёнка» и барабан, потом – комсомольский значок и горн, затем партийный значок и первую медаль, это то, что называется стабильностью. Стабильность – это, конечно, скука, если она перерастает в привычку, но это и стадо, а в стаде легче живётся.

Страшно оказаться на стыках времён. Это когда в самом низу уже решили, что так больше жить нельзя, а до самого верха команда ещё не дошла. Мы, родившиеся в 60-х годах XX века, в этот стык угодили. Нас учат одним правилам, а жить приходится по другим. Мы любим свою школу. И не только потому, что нас к этому призывают. Мы любим своих учителей, распознавая душой своих, или ненавидим своих учителей, но по чувству детской наивности и максимализма.

Мир уже меняется, а на уроках истории нам рассказывали о классах, прослойках и антагонизме между ними. Учительница истории никак не может понять, что, будучи интеллигенцией, она всего лишь «прослойка». Так выходит, что она сама на себя наговаривает, объявляя о присущих прослойкам антагонизмах. Она сама ничего не понимает, что уж тогда говорить о нас. Мы замыкаемся и становимся спорщиками внутри себя, ибо всё, что выходит из нас наружу, беспощадно подавляется. Мы протестуем – нас наказывают. Хорошо хоть не сажают. Эксперимент по возвращению классовой ненависти ещё продолжается.

Хотя нам повезло с уроками литературы, особенно с А.С. Пушкиным. Настоящий, профессиональный литератор может найти в Пушкине основы и начала буквально всему, в том числе и азам педагогической деятельности. Пушкин написал: «Нас всех учили понемногу чему-нибудь и как-нибудь». И это высшая педагогическая наука и справедливость. Дети любят тех, кто их не мучает, кто даёт им направление для роста и отпускает их в свободное плавание.

Уроки литературы компенсируют уроки истории, благодаря чему многие из нас не станут истериками и дураками. Хотя это удастся не всем. Те, кому не удастся, видимо, придут опять в школу воспитывать других истериков.

Мы угодили в стык. Это и счастье, и несчастье одновременно. Счастье ожидания, а несчастье от несбывшихся надежд...

Итак, наш 10 «А» класс. «28 Душ, 28 характеров, 28 пауков в банке, 28 знающих всё и не знающих ничего, 28 всё умеющих и не умеющих ничего».

А интересно, что я смогу написать о своих школьных годах лет эдак через тридцать? Наверное, так: «По мере выпадения волос и зубов, скрипа в суставах и увеличения живого «боевого» веса, всё больше и больше хочется вспоминать и писать о детстве. О своём детстве. Случается, что люди из детства так никогда и не выходят. Сначала они проживают свою детскую жизнь, а затем живут детской жизнью своих детей, которую омрачает только вынужденная обязанность ходить на работу, ибо дитя надо одевать, кормить, растить, а потом наступает полное счастье – это когда «аист» приносит внуков. Это счастье, когда всё именно так».

В такой жизни, разница между своим детством, переросшим в детски – старческий маразм, и детством внуков стирается полностью. Такое завершение жизни можно считать пиком земного счастья, ибо откуда пришли, туда и вернулись, и самое главное – в прежнем, счастливом состоянии. И это без всякой иронии.

А пока, стихи:

*Наш класс – единый организм,
И наш закон – коллективизм,
Привычка есть у нас одна,
(Чтоб ни покрывки ей не дна):
Всё делаем колоннами.*

*Организованно стоим,
Сидим, поём, едим и спим,
И на прогулку мы идём,
И за бутылкой в гастроном,
Всегда идём, всегда идём колоннами.*

*Давно идём за рядом ряд,
А под ногами камни спят,
Идём мы словно на парад,
Шагаем словно детский сад,
Который год уже подряд, колоннами.*

*Синхронность наша, чёрт возьми,
С ума сведёт меня, поди!
Но одному сойти с ума?
Нет, ни за что и никогда,
Уж лучше все свихнёмся мы колоннами.*

Да, колоннами. Чтобы колонну изучить, надо в ней оказаться.

Сергей влекла военная служба. Он хотел стать офицером. Зачем? Он ответить не мог.

– Родину защищать? Слов на этот счёт произносилось много, но рядом не было ни одного человека, кто бы был убеждён в необходимости этого. Все давились в очередях за товарами потенциальных врагов. Кроме того, в учении марксизма – ленинизма ни слова не было ни о Родине, ни о её защите от внешних врагов. В этом учении враги были сплошь классовые, а следовательно – внутренние.

– От армии «откосить»? Пожалуй, да. Зарплаты матери не хватало на взятку военному. Можно было дальше не учиться, а сразу пойти на завод. Но рабочий класс уважением уже не пользовался. Круг его жизни был очерчен весьма примитивно: утром гайки, вечером рюмки. Поступит в институт? Это ещё несколько лет на шее у матери. В этих условиях военное училище был лучшим вариантом.

– Романтика? Он не знал такого слова. Он мог войти в образ литературного героя или полковника. Увлечётся его жизнью и увлечёт этой жизнью других, но он не считал это романтикой.

Так получалось, что в военной службе его устраивал чисто практический аспект. Лучше военных в стране жили только чиновники и воры, что уже давно перестали разделять. Всё явно летело ко всем чертям. Стабильность просматривалась только в армии. Выбор был сделан.

Конечно, на выбор оказало влияние и школьное воспитание. Отношение к учёбе учителя выстраивали исходя из того, что если учишься на «двойки» и «тройки», то шагаешь прямо на моторный завод. Там таких дураков ждут. И действительно, там ощущалась острая нехватка рабочей силы. Если учишься на «четыре» и «пять», то институт и далее, как повезёт, но всё равно «не гайки крутить». Это было честно, хоть и цинично.

Поколение Сергея «попало на образование». В этом поколении было полно правдолюбцев и искателей правды. Этому поколению всё-таки ближе был ОБХСС, чем теневой маклер. Гуманитарные педагоги «вывихнули» мозги этому поколению в полном соответствии с задачами партии и правительства. Оно «попало». Пока партийная номенклатура «тащила и тырила» всё, что только могла, их правильно учили. Учили правильно, но научиться понимать что-либо они могли, только читая какой-нибудь самиздат. Там кое-что писали о том, как «падлы» (власть) эксплуатируют в условиях развитого социализма «быдло» (народ).

Их учили и воспитывали. В возрасте 15-16 лет всех школьников водили на экскурсии на моторный завод, чтобы они лучше учились.

На моторный завод экскурсии были не популярны. Там работало большинство родителей, и ничего хорошего от встречи с этим заводом дети не ожидали. Моторный завод вызывал в них тихий ужас. Грязные, промасленные полы цехов, по которым можно было кататься, как на коньках. Запах эмульсии и масла. Чёрные промасленные робы рабочих. Видимо, гуманитарные учителя, водившие школьников на эти экскурсии, хотели показать в цветах и красках роман А.М.Горького «Мать» и его рабочих. Но, несомненно, экскурсии на завод повышали тягу к получению хороших оценок и желанию поступить в ВУЗ.

После такого похода у Сергея родился очередной стишок.

*Постойте, погодите,
Конвейер остановите,
Дайте мне немного отдохнуть.
Постойте, погодите,
Немного отойдите,
Дайте мне побольше
Воздуха глотнуть.
Постойте, погодите,
Немного помогите,
Но сил уж больше нету,
Уносят меня в Ад.
В аду система та же,
Потоком идут трупы,
И черти просят Бога:
«Останови конвейер».
Но, Бог мольбам не внимлет,
Он счёт ведёт поштучно,
И к плану годовому
Опять даёт прирост.
А черти изнывают,*

*Исходят черти потом,
И с каждым годом
Пот всё сильней.*

Устами младенцев глаголет истина, и это истинная правда. Если бы взрослые прислушались к тому, что говорят и пишут дети, возможно, Россия не оказывалась бы так часто в полном «дерьме». Не в том «дерьме», о котором обычно говорят денег нет, грязь кругом, чиновники зажрались. Везде примерно одинаково, и всюду власть никогда о народе не думала, ни до древнего мира, ни после. Дерьмо есть только одно – отсутствие души. А из народа духовный стержень «вышибли» почти полностью. Дети пребывают в тоске не по своей вине. Просто, куда ни глянь в прошлое, то Анна Каренина бросается под поезд, то Раскольников бьёт старушку топором по голове, то влюблённая барышня бросается с обрыва в Волгу. В лучшем случае, барышня, как пушкинская Татьяна страдает от того, что другому отдана, а в худшем, всё тот же общественный гнёт. И «падлы» её, бедную, гнетут и «быдлы».

Счастливы те дети и их родители, которые никогда и ничего не стремились понять из объясняемого им учителями. Но, каким должен быть учитель, который бы смог ребёнку на совершенно противоположных примерах объяснить истину, чтобы дитя сделало выбор между обрывом, рельсами, топором и ответом: «А пошли вы все...». Конечно, такой учитель должен быть великим.

Сергей пытался понять.

Его дневник пестрил стихами своими и чужими:

*Когда поэты наших дней,
Вдруг оборзев от впечатлений,
Готовы настроить тома
Своих неискренних творений,
Когда под гром рукоплесканий,
Под вопли дикие толпы
Теряют головы другие,
Вновь, как и прежде, скромн ты.
О, светоч мудрости!
О, скромности светило!
О, гений чистоты!
Не зря тебя Земля растила,
Ты лучше всех,
Ты, это Ты.*

*Конечно, скромн ты,
И это вслух не скажешь,
Но, буду я кричать,
Неведомый твой друг,
Пускай ты даже вида не покажешь,
Но все поймут, кто лучше всех вокруг.
А если не поймут?
Народу волю дай!
Он пустит по ветру останки наши,
Творения сожжёт в костре святом,
А пепел выбросит в парашу.
Я появился, чтоб в строю едином*

*Не дать цивилизации заглухнуть,
Но не родился я таким кретином,
Чтоб просто за неё подохнуть.*

*И в зеркалах, и в окнах, и в воде
Своё я отраженье вижу всюду.
Я есть и там, и тут, я есть везде,
Я был всегда, я есть, всегда я буду.
А без меня цветы бы не цвели,
Икру бы не метала рыба,
Я соль, я просто пуп Земли,
Все люди – пыль, а я над ними – глыба.
Я и в микроструктурах бытия
Своею мыслью воплощён извечно,
В номенклатурном состоянье я,
Застыл, как памятник, навечно.
Пока живу я, цело мирозданье,
Галактики летят куда попало,
Весь этот мир лишь рук моих создание,
И для простора мне вселенной мало.
И как бы люди жили без меня?
Мгновенно б встало производство,
Не стало бы ни хлеба, ни тряпья,
Ни плановых процентов роста.
Но я живу, свои следы
На Гималаях я оставил,
Я Атлантиду утопил,
На Пасхе чуел понаставил...*

Время шло, он окончил школу и поехал из маленького волжского городка на Урал поступать в военное училище. С поступлением в училище особых проблем для него не должно было быть. В науках он хоть и не дерзал, но все экзаменационные предметы знал на твёрдые «четвёрки». Он уверенно набирал проходной бал. Но чем ближе была мандатная комиссия, тем понятнее становилось, что это не главное. Многие абитуриенты, ещё не сдав ни одного экзамена, знали, что они уже курсанты. Это были многочисленные внуки ветеранов Великой Отечественной войны, конечно, ветеранов живых, которые и привезли в училище своих внуков. Не менее многочисленными были и ряды детей действующих офицеров. Эти ребята были веселы и утешали «залётных» провинциалов частушками на тему «хочешь жни, а хочешь куй, всё равно получишь...».

Сергей понял, что направление он выбрал верное, а вот училище – нет. Училище было военно-политическим. Сергей поразился откровенному хамству и какой-то патологической ненависти к Родине со стороны этих людей. Кто-то где-то опять слукавил, описывая историю политического корпуса. Возможно, что замполитов расстреливали первыми, но были они в последней шеренге и всегда сыты и пьяны. Большинство из них выжило и теперь делало карьеру своим внукам. А внуки к семнадцати годам уже набрались от дедов и отцов знаний о номенклатурной жизни и «борзели», ничего и никого не стесняясь. Сергей ничего не знал о «золотой молодёжи» до поступления в училище. И лучше бы не знал и дальше. «Героические» деды, став после войны номенклатурой, вовсе не стремились прожить жизнь честно в памяти о своих погибших товарищах. Они передавали своим внукам совершенно иной опыт. Опыт

хамства и стяжательства. Так выходило, что призванные в Красную армию 8 мая 1945 года, эти ветераны к 9 мая 1945 года, ничего не увидели, не поняли так и не смогли, но партийному активу нужны были «герои». Они ими и стали. А те, кто погиб или был взят в плен, начиная с 1941 года, считался либо без вести пропавшим, либо предателем, но семьи и тех, и других были изгоями в государстве СССР.

Конечно, вчерашние мальчишки – провинциалы, воспитанные такими же провинциальными учителями на пионерских линейках, сборах металлолома и макулатуры, в этой внучатой среде чувствовали себя отворачиваясь. Всё было лживо насквозь. Человек с открытой и честной душой просто не мог поступить в военно-политическое училище страны атеизма. Это бы просто нарушило все законы природы и божьи заповеди. Бог не фразер, и уж точно не генеральный секретарь, он готовит и бережёт свои кадры. А если ребёнок дорос до юноши и смотрит на мир открытыми глазами, значит это его, Бога, кадровый резерв.

Но Сергей хотел поступить в военное училище. На одном из вступительных экзаменов он чем-то «зацепил» гражданского педагога-экзаменатора. Какой-то фразой. Ему поставили «хорошо». А после экзаменов преподаватель сказал Сергею, что его место не в этом училище. Здесь его форма существования всегда будет находиться в противоречии с самим существованием. Есть другое военное училище – училище тыла. Там всё честно. Там никто не закатывает глаза к небу, рассуждая о советской власти и её светлом будущем. Там всё устроено так же, как и во всём СССР. Те же взятки, те же детки, тот же «блат», но это по определению и название училища не вступает в противоречие с нравственностью. Политическое училище готовит «проститутки» и «сутенёров», а училище тыла «авантюристов» и «пройдох». От проститутки удовольствие кратковременное и сомнительное, а авантюристы развивают этот мир вечно.

Сергей запомнил этот разговор.

Весь следующий год он усердно готовился, чтобы взять это училище «в лоб» и искал обходные пути, чтобы взять его и «с тылу».

Год прошёл в тяжёлом труде на местном заводе. Все слухи и сплетни подтверждались ежедневно. Оказалось, что действительно, лучше всех на заводе жила группа офицеров из военной приёмки. У них был самый что ни на есть здоровый образ жизни. Три раза в неделю физическая подготовка на местном стадионе и бассейне, три раза в неделю политподготовка и прочие занятия. Дистанция от них до гегемона Советской власти была огромна.

Завод сделал руки Сергея жилистыми, а глаза злыми. Цех чугунных деталей превращался во вторую смену в пьяный бедлам. Грязные, зачуханные работяги, в ряды которых влился и Сергей, сначала гнали план, кое-как шлифуя диски сцепления. Главным было количество в обход всех технологий. Последний плановый диск плавно перетекал в первый налитый стакан. Пили быстро, почти не закусывая, затем все падали возле своих станков и спали до утра прямо на грязном, промасленном железном полу. Это был рукотворный ад, который открылся Сергею после того, как у него до локтей облезла кожа с рук. Он грешил на заводскую эмульсию, но оказалось, что она была сильно разбавлена мочой. Работягам было лень ходить в туалет, и они ссали прямо в станки.

Россия переживала не только «застой», но и очередной пик платоновского социализма в его знаменитой формулировке: «элита, армия, рабы».

Элита и армия рабов знать не хотела. По случаю развития цивилизации рабы именовались не просто пролетариатом и крестьянством, а гегемоном. Хотя некоторый местный колорит был и у элиты с армией. «Рабы» пили, но не дурили. Элита пила и дурила. Директор завода, Герой Социалистического Труда, на очередной гулянке с девками потерял партийный билет. Парторг завода ни в какую не хотел поменять формулировку потери партбилета с «по халатности» на «украли». Принципиальный попался. Рабочие смеялись. Парторг откровенно решил вознестись пусть и над блудливым, но профессионалом.

– Ну, ну, – говорили рабочие, – а кто план будет давать? Парторг с мозгами, вывихнутыми партией?

Всем было интересно знать, чья возьмёт: власть капитала и Госплана или теория марксизма-ленинизма в лице КПСС. Победил капитал, парторга убрали. Директору выписали новый партийный билет и записали выговор.

С заводской элитой частенько путались и жёны офицеров, поддерживая и продолжая карьерный рост своих мужей. Хлеб надо было отрабатывать и им, а так как в конструкторских отделах толку от них не было никакого, то приходилось радовать глаз в других местах.

Ничего нового в той жизни, которую вела партийно-хозяйственная номенклатура, сливаясь в экстазе с армейской элитой, не было. Точно так же, как в начале XX века, имперский бордель развёл российский царь, и в пламени этого борделя гибли русские солдаты на войне с японцами, потом с немцами, а потом и друг с другом, точно также в конце XX века такой же бордель развёл российский генеральный секретарь, и точно также в пламени этого борделя гибли русские солдаты в афганской войне.

Сергея удивляло огромное количество бездельников, слонявшихся по заводу. Партийные деятели, комсомольские деятели, профсоюзные деятели, спортсмены, никогда не видевшие станков, к которым были приписаны, и такие же артисты художественной самодеятельности.

Уместно заметить, что у Сергея очень рано проявился дар разведчика. Он мог совершенно спокойно проникать в любую среду. Он для всех был своим, так как молчал и слушал. Из откровенных разговоров разного рода начальников так выходило, что в СССР развели целые стада льготников. Льготами пользовались ветераны Великой Отечественной войны, ветераны КПСС, ветераны труда, Заслуженные деятели культуры, Заслуженные артисты и т. д. Эти стада сметали всё: путёвки в санатории, квартиры, автомобили, гаражи, садовые участки и конечно продукты, ещё до их появления на прилавках магазинов, и все прочие товары. Льготников было много, а у них были дети, внуки, родственники. Родину эта социально защищённая часть населения не любила, так как считала, что она им всё равно должна больше, чем даёт. Но партия и правительство их усиленно откармливали, так как видели в этих льготниках мобилизующий фактор. Во время «Ч» они должны были, если не увлечь своим примером (зря что ли хлеб ели), то хотя бы помочь партии и правительству отмобилизовать другую часть населения. Другая часть населения, не пользовалась ничем, но именно она обеспечивала все социальные льготы. Эту часть населения составляли люди, которым не повезло, которых отмобилизовали на призывах партии: «на борьбу...», «на битву...» и которых никто и никогда не защищал, не щадил и не берёт.

Сергей, бывая у своих бабушек, задумывался над тем, откуда происходит нищета, в которой они живут. Один дед начал воевать ещё с японцами, затем продолжил с финнами, потом в первых рядах Красной Армии вступил в бой с немцами. Он ещё до Великой Отечественной войны навоювался до «одури», и всё время в первых рядах. Даже если бы он захотел дожить до внуков – всё равно бы не успел. Первые ряды чаще становятся покойниками, а не льготниками. Деду по своему повезло. В конце 1941 года он попал в плен. Потом целая череда немецких концентрационных лагерей. В 1945 году – освобождение. При росте 1,82 метра в нём осталось весу 46 кг вместе с вшами. Но он был жив. Родина отправила его в Новокузнецкие шахты, где было много ветеранов, начинавших воевать ещё в Испании. Потом на шахте произошёл взрыв, а взрывы на шахтах происходили ежедневно. Жёны шахтёров залазили на крыши домов, чтобы увидеть на какой именно шахте произошла авария. Администрация шахт сначала подавала протяжный гудок, а потом вывешивала флаг, мол ваши мужья, там внизу, бегом бегите.... А бабы смотрели, та ли это шахта, и их ли «очередь» подошла бежать.... Словом, деда засыпало угольком.

У второго деда судьба была похожая. А бабушки и в свои семьдесят, а потом и восемьдесят лет всё продолжали ходить на работу. Что-то где-то мыли, что-то где-то сторожили. Вожде-

ленной мечтой маленького Сергея было желание овладеть одноствольным ружьём, выданным 74 – летней бабе Мане для охраны одной из заводских проходных. Мир не без добрых людей. Минимальная пенсия, взрослые дети, у которых по факту проживания в стране социализма были безграничные возможности, а по факту безотцовщины – никаких.

Рядом с ними была весёлая жизнь победителей, начавших воевать, как правило, в конце войны, а то и не воевавших вовсе, с трофеями, со связями. Им периодически вручали медали за не их подвиги. А у вдов и их детей на горизонте маячила одна тяжёлая работа, без всякой надежды на светлое будущее. Эти люди были социалистической, коммунистической или просто лагерной пылью.

Об этих людях родина не заботилась совсем. Она их кошмарила, мочила и обугливала. В итоге «родина-мать» добила своего, с конца 70-х годов XX века всё более и более стали проявляться следы «трупа». Родина Сергея тихо умирала, обглоданная до костей льготниками, мародёрами и просто партийными дармоедами.

Началась война в Афганистане. Родители мальчишек призывного возраста «впали» в тоску. Убитых на этой войне привозили тайно. Хоронили без панихид. Салютов над могилами не давали. Солдаты – мальчишки были в основном рождены как раз от «лагерной пыли» и выросли в нищете. Родина даже не накапливала здоровье этих детей, чтобы потом забрать его разом. Она их просто забирала и убивала. Родина откармливала внучат льготников, детей партхозноменклатуры. Для чего и кому нужны были эти внуки-дети, Сергей ещё не понимал. Но мудрые люди уже говорили, что «просрать» можно всё, даже империю. Для этого надо просто вырастить прожорливых свиней.

Конечно, ни один нормальный родитель при таком раскладе отдавать своего сына в армию не хотел. Родители не очень понимали, что именно должны защищать их дети. Их, родителей, нищету? При этом погибнуть и лишиться их вообще всякой надежды? Речам членов политбюро уже никто не верил. Да и как было верить, если сыновей привозили в цинковых гробах со стеклянными окошками, в которых был виден только нос, и хоронить приказывали тихо, как воров. Всё было поставлено с ног на голову. Воры громко торжествовали, а героев тихо хоронили. Все убеждения в непогрешимости курса партии, правительства рассыпались, как пепел на ветру. А без убеждений работать, а тем более служить Родине, невозможно.

Сергей не был исключением. Он не хотел в солдаты, но он был не прочь посмотреть изнутри жизнь советского офицера. Этот вычитанный лозунг: «элита, армия, рабы» – не давал ему покоя. Армия была посередине, как и в другом лозунге: «вера, царь, отечество».

Время шло, он влился в ряды тех, с кого собственно начинались все великие шалопаи и авантюристы всех стран мира. Он стал военным.

Глава 2. Курсанты

Исходный «материал» в лице Сергея для любого военного училища был превосходный. Думать он умел, но без нужды не особенно хотел. Та взрослая жизнь, в которую он окунулся сразу после школы, научила его правилу: «меньше знаешь, крепче спишь». Сравнивая вновь приобретённое знание с полученным из учебников истории школьным опытом, он однажды понял, что в России думать вообще вредно. За знания всегда приходится расплачиваться. Эту истину до него донесли в политическом училище. Одни страны расплачиваются временем, растягивая знания, дающие некоторую свободу своему народу на века. Другие, которые не хотят ни чем расплачиваться, просто исчезают. Особняком стоит лишь Россия. Она расплачивается за вновь приобретаемые знания своим здоровьем. Каждый новый российский вождь, едва поумнев, начинает прореживать и вырубать ряды тех, кто не успел поумнеть вслед за вождём. Прореживать – это хорошо. Быть прореженным – плохо. По крайней мере, Сергею было страшно обидно, когда его «завернули» из военно-политического училища при всех сданных экзаменах обратно. Проредили.

Но он был настырный. Он без всяких эмоций, шёл к цели и в лоб, и с тылу.

Пригодились оба варианта. Как его и напутствовал гражданский педагог в военно-политическом училище, в училище тыла всё было честно. Там никто особо не скрывал, что и дать надо и взять есть кому. Что толку строить из себя «целку», если вся страна уже знала, что большинство детишек членов политбюро ЦК КПСС, включая и детей наиболее ретивых генеральных секретарей, живёт на Западе, в основном в США. На эту тему даже смеялись. Да и как было не смеяться, если упакованные и сытые детки меняли Москву, столицу и город – герой своей Родины, на американскую провинцию. Странно было только то, почему ни один ребёнок американских президентов, министров и клерков поменьше за всё существование советской власти, так и не захотел перебраться жить в Россию.

В училище тыла лукавства не было. Сергей «пёр» как танк. Он прекрасно понимал, что здесь все такие. Проходной бал в это училище был выше, чем в военно-политическое. А на инженерный факультет, на который поступал Сергей, шли в основном медалисты, отличники Советской Армии и ребята, окончившие техникумы. Мальчишки с медалями – это существа значительно умнее, чем девчонки с медалями.

Экзамен по математике показал, что он готовился и готовил почву не зря. Вредный полковник, никакого отношения не имеющий к математике, что тоже честно, зачем мучить педагогов, если почти всё решено заранее, строго начал выговаривать Сергею: «Молодой человек, вы хотите на инженерный факультет, чтобы подольше поучиться и поменьше послужить?». Сергей подумал про себя: «Оратор, ничего, мы пуганые, и бодро ответил, что как раз наоборот, чтобы как можно лучше служить Родине». Видимо, у полковника что-то не складывалось, деньги взял с кого-то за инжфак, а придётся пристраивать на другую специальность. Он бы с радостью поставил Сергею оценку ниже заслуженной, но Сергей проявил рвение и ещё раз, прямо при нём, решил все задачи экзаменационного билета уровнем выше школьного, и шепнул полковнику, чтобы не отвлекать остальных абитуриентов: «Листочек останется!».

Он поступил, и впервые в жизни был вполне счастлив. Его радовало всё: даже вылинявшая и заношенная форма, выданная всем курсантам с чужого плеча очередного выпуска, для прохождения курса молодого бойца.

Учебный центр, куда их загнали для проверки выносливости и параллельного «отсева» слюнтяев и нытиков, назывался «Бугры». После моторного завода Сергей попал в санаторий. Вместо жужжания токарных станков – щебетание птиц, вместо грохота кузнечных станков – стук дятла. Ночное бдение на тумбочке дневального? Да сколько угодно, ни одной пьяной рожи рядом, только звёзды над головой, только комары – кровопийцы, да проверяющий офицер –

почти родной отец. Он понял, что не ошибся с выбором. Природа, свежий воздух и здоровый образ жизни. То бегаешь, то маршируешь с песнями. И песни были очень душевные. Раньше Сергей таких песен не пел и не знал. Старшина, назначенный из отличников Советской Армии, Костя Сорокин, командовал: «Песня «Прожектор». За-пе-вай». И все запевали, оглашая лес звонкими голосами: «Прожектор шарит осторожно по пригорку, и жизнь от этого становится светлей...». «Куда уж светлей?», – думал Сергей. Но выдерживали эти санаторные условия не все. Некоторых, после слёз и соплей, родители всё-таки забирали. Были и такие, о которых была проявлена особая забота и которых освободили от курса молодого бойца. Трудность была одна единственная. Лето было холодное и дождливое. Но во взводе, куда попал Сергей, оказались ребята, уже имевшие опыт выживания и в холоде, и сырости. Спали бок о бок, укрывшись всеми одеялами сразу, форму и портянки сушили под простынями, на которых спали. Утром выбегали на зарядку сухие и выспавшиеся. Повезло и с командиром, капитаном Колбеневым Н.М. Все курсанты знали, что офицеры всю ночь «режутся» в карты. Кто проигрывает, то поднимает свою роту по тревоге. Их роту не поднимали ни разу.

Среда, в которой Сергей оказался, его вполне устраивала. В друзья никто не набивался, но и в помощи друг другу никто не отказывал. Последнее было особенно приятно.

Время шло, закончился курс молодого бойца. Дальше начался, вообще, рай. Всё по порядку. Что может быть лучше жизни в очерченных рамках, причём рамках здоровых. Но к хорошему быстро привыкаешь и начинаешь присматриваться.

Сергей быстро выяснил, что из всех офицеров училища достойными можно считать только офицеров, окончивших московское училище им. Верховного Совета, или как его называли «Верховку». Такой подготовке можно было только завидовать. Они всё знали, никогда не ныли и не уставали. Это были настоящие педагоги. Но их было очень мало. В основном все места в училище занимали офицеры «по блату», часто выпускники этого же училища, совершенно не обученные ни приёмам воспитания, ни приёмам иным. Кастовых офицеров была маленькая горстка. К училищу тыла, как и к его курсантам, они относились с иронией, не понимая, как такое училище вообще могло возникнуть, и что им, военным аксакалам, надо делать. В училище не учили ни стрелять, ни водить боевую технику, ни прыгать с парашютом, ни выживать в любых суровых условиях. Но Сергей и не стремился в «боевики». Он познавал жизнь. А это знание училище тыла давало в избытке.

Преподаватели, в основном, были нытиками. Готовых в любой момент пасть за Родину не было. Хотя один всё-таки был. Его звали Юрий Иванович. Он был единственным источником вдохновения и подражания для курсантов всего училища. Каждое утро он пересекал плац, ведя за собой на поводке маленькую лопухую и необычайно длинную суку – таксу, по кличке Лариска, приводя всех, особенно первокурсников, в восторг. Он знал, что делал. Нытики – офицеры вечно скулили о священности плаца и устраивали целые расследования, если кто-то пересекал плац в одиночку и шагом.

А тут, у них под носом, изо дня в день прогулка с сучкой. «Голубая» кровь Юрия Ивановича раздражала многих. Кроме того, он никого и ничего не боялся. Жил весело и был так предан Советскому Союзу, что даже начальник училища, прозванный курсантами за маленький рост и громкий голос «Метр злости», рядом с ним был «врагом народа», не говоря уже о начальнике политотдела, по прозвищу «Гебельс», ибо все знали, что они дураки и воры.

Офицеров – дураков было меньше, чем нытиков, но им было отдано «на откуп» командование училищем. Теперь представьте себе: на занятиях, вместо обучения очередной нытик рассказывает, как хорошо он служил, но потом от него избавились и сослали на преподавательскую работу, на этот жалкий оклад. А в казарме офицер-дурак являет собой пример этой самой «хорошей» службы. И больше никаких примеров от старших «товарищей».

Иногда доходили слухи о подвигах в Афганистане и о «подвигах» на мирной ниве, особенно о драках с «ментами», но в училище этим подвигам не за что было зацепиться, чтобы стать легендарной традицией. Хотя драки на стороне поощрялись, ругали за то, что попались.

Юрий Иванович здесь был для всех примером. Кроме выгуливания Лариски, игры в карты, занятий боксом, он часто бывал в командировках. Но он был один на всё училище. Остальные ныли, либо с дуру делали совсем не то, что от них требовала Родина.

С лёгкой руки «Гебельса», чтобы совсем не загубить будущих защитников Отечества, командованием активно поощрялись культпоходы в медицинское и педагогическое училища. Это было разумно, жена офицера должна быть дурой, чтобы он так никогда и не начал думать. Но в то время даже «Гебельс» не знал, что у его выпускников ничего, кроме жён – дур не будет. Ни денег, ни квартир, ни блеска, а это всё – финиш – «Перестройка». Но это всё будет в будущем. В настоящем же командование прикладывало массу усилий, чтобы все курсанты к выпуску были женаты и увезли своих счастливых жён-дур куда-нибудь подальше с их глаз, ибо ряды барышень осаждали КПП с утра и до глубокой ночи.

Все разговоры в казармах были только о женщинах. Здоровый образ жизни просто не давал думать ни о чём другом. В борьбе с «дурными» мыслями курсантов командование постоянно устраивало кроссы, спортивные праздники, трудовые повинности на благо города, но всё это только удваивало силы и желания. Хотя был один предмет курсантской среды, который полностью удовлетворял все потребности. Это была «машка» – здоровенная чугунная платформа с шарнирной ручкой и щётками внизу для натирания паркетных полов. Вес «машки» мог достигать 70 килограммов. В сочетании с бесконечными казарменными полами она давала совершенно поразительных эффект. Курсанты ей так «наигрывались», что другие Машки не снились даже во сне. Но в интимные отношения с «машкой» вступали только во время нарядов, а остальное время все думы возвращались к женщинам.

В училище всё было честно. Кормили, по большей части, отвратительно. В училищной столовой, видимо, втихаря проходили стажировку «тёмные силы» всего многовекового коллектива умерших поваров общепита. Когда Сергей впервые увидел в своей тарелке кусок свиной кожи со щетиной, он испытал лёгкий испуг, такого блюда не подавали даже на его любимом заводе, боясь восстания пролетариата даже больше, чем его диктатуры. Здесь же его братья по оружию, думающие только «о бабах», быстро окрестили это блюдо «куском пиз-ти-ны» и нежно в течение пяти лет сдвигали его на край тарелки.

Все всё прекрасно понимали. И то, что мяса всем всё равно не хватит, и то, что на собственном хозяйстве свиней разделять некому, ну и про живой вес, и как его можно увеличивать и уменьшать тоже. Этому учили. На всё, что касалось их будущей профессии, самими же курсантами было наложено табу на всякого рода возмущения. Советская Армия была огромна, а училище тыла одно, и скоро они, должны были эту армию обеспечивать. А в армии огромное количество разных «приблудных» профессий, так зачем же раньше времени портить нервы. Кроме того, лёгкий голод был постоянным поводом сбегать в «самоход» к любимой – «поест».

Был единственный случай прямого недовольства тылом в военном училище тыла. Внуку курсанту какого-то очень заслуженного человека, говорили маршала, на вещевом складе выдали фуражку, которая ему сильно не нравилась. Внучек был так возмущён, что позвонил бабушке. Бабушка пожаловалась дедушке. Дедушка позвонил начальнику училища и задал ему простой вопрос: «Не слишком ли тяжелы погоны на твоих плечах?». Начальнику училища пришлось быстро соображать, по какому поводу такой наезд. Ну а дальше досталось всем. Крайним сделали прапорщика – начальника вещевого склада. Но и внука в скором времени бабушка с дедушкой, видимо поняв, что военного из него не выйдет, перевели в академию им. Плеханова. Не пропадать же кровиночке, тем более такой талантливой. Над этой историей смеялось всё училище, кроме, конечно, его начальника и несчастного прапорщика.

В училище тыла всё было правильно. Вся система обучения и воспитания должна была показать курсанту, что в человеческой иерархии надо быть чьим-то, что курсант – сын офицера на голову выше курсанта с улицы. Папа за него уже думает. Это называется династией. Сергей ничего не имел против династий, но только заводских, когда папа лучший токарь, слесарь, металлург, и сын тянется за ним. Но в среде военных – позвольте. Он прекрасно знал, чьих детей привозят из Афганистана в цинковых гробах. Это часто приводило к конфликтам с «отцами-командирами» и, конечно, к нарушению воинской дисциплины. Если вы уж, выращиваете элиту вооружённых сил, то будьте любезны кошмарить всех одинаково. А то даже из школьных учебников по истории так выходило, что после 1812 года ваши династии не выиграли ни одной войны, а, напротив, все их «просрали». Войны выигрывали отмобилизованные самородки из крестьян и рабочих ценой огромных жертв. Пока ваши династические щелкоперы впадали в полную прострацию от малейшей опасности.

Но это было училище тыла, и в нём было всё правильно. Даже предельно тупые взводные командиры, вчерашние выпускники этого же училища, были подобраны с большим смыслом. Во-первых, их оставляли «по благу», а значит, сохраняли или налаживали связи с внешним миром, необходимым для жизнеобеспечения училища и решения своих личных проблем. Во-вторых, будущие офицеры должны быть готовы к худшим представителям офицерского корпуса в качестве начальства над собой. Их ведь готовят не для яростного боя, а для его обеспечения.

Взводным офицером у Сергея был именно такой, подобранный для показа всей возможной армейской глупости, кадр. Его оставили потому, что его отец возглавлял военную кафедру одного из местных вузов. А так как у больших начальников рождаются не только мальчики, но и девочки, стремящиеся к высшему образованию, то почему бы и не помочь хорошему человеку. В училище никто не скрывал, что весь мир держится на личных связях. И если на весах свой дурак и чужой гений, предпочтение всегда будет отдано своему дураку, пусть и ценой гибели империи. На её обломках всё останется точно также: свои дураки и чужие гении. Но выживать надо. И это понимание, что «надо», развивало мозги лучше всего. Здесь даже допускались протесты. Когда одних курсантов отпускали домой на несколько дней в увольнительные, а других не отпускали даже на КПП, протесты неизбежны. Оказалось, что и оценки на экзаменах ставят по такому же принципу: «свой, ничей, вообще чужой».

Табу было наложено только на проблемы с тыловым обеспечением. Курсанты терпели всё: воровство, небольшие задержки с выдачей обмундирования, почти всегда полусырое бельё, выдаваемое в банях, и его серый цвет, который по определению должен был быть белым. В этой части своей жизни курсанты терпели всё. Здесь они постигали, насколько трудно обеспечивать воинскую часть, если даже на самом верху «тыла» так трудно навести порядок. Из того, почему трудно, секретов тоже не делали. Училище постоянно посещали высшие командные чины. Это походило на затяжной марш маразматиков. Перед этим «маршем» курсантов снимали с занятий на несколько дней, а то и недель. Они всё драили, красили, ремонтировали. Затем была «картина Репина «Приплыли». Приезжал какой-нибудь древний, давно желавший покоя генерал, а вместе с ним колонна поваров, массажисток, адъютантов и прочих нахлебников. Надо улаживать.

Поэтому всё то, что касалось «отцов-командиров», подвергалось критике постоянно, но, всё что касалось тыла – молчок.

Постигая науку командования тылом, Сергей часто ловил себя на мысли, что на весах Бога их замкомвзвода из числа курсантов заслуживший в армии звание старшины Вася Церуш значительно выше их комвзвода, старшего лейтенанта Кибкалы. Вася прошёл и «Крым и Рым». Без Васи к третьему курсу взвод уже был бы неуправляем. А о взводнике открыто говорили: «Король говна, мочи и кала – его фамилия...» и совершенно его не уважали. Оказалось, что глаженных сапог и бравого внешнего вида не достаточно для авторитета. Для авторитета необ-

ходимо уметь некоторые убеждения и что-то уметь делать самому, а не твердить, делайте, как я говорю. Вася не имел бравого вида. Он имел вид ровно такой, чтобы к нему не приставали на строевых смотрах. Вася являл собой пример мудрости. Все курсанты нутром чуяли, что если они пойдут в бой с Кибкалой, то «как один умрут», а эта... спрячется за них, а если с Васей, то уцелеют все. Всей военной премудрости взвод Сергея был всецело обязан Васе Церушу. Все курсанты, благодаря Васе, понимали, что они, может быть и умнее, (они уже окончили и техникумы, а некоторые успели поучиться и в вузах), но в военных, даже не в боевых условиях, куда бы они ни сунулись, им везде «оторвут яйца». Их ум эту военную среду абсолютно не интересовал. Здесь была необходима мудрость, которую давала выслуга, причём выслуга снизу в поте армейского труда. Каждый пункт алгоритма выживания должен был вбит в голову практикой. Вася ещё до училища многие пункты прошёл на собственном опыте. Он научился даже менять мотивации. Например, когда взвод охватывала беспричинная тоска, а причиной могло быть отсутствие долгое время хоть какого-нибудь отдыха, Вася неизменно говорил: «Для солдата повестка в военкомат – это зов в новую жизнь, и главное рассматривать эту новость именно с этой стороны», и неизменно кого-то откомандировывали за водкой.

Это были золотые годы. Сергей много раз задумывался над тем, что хорошее образование можно получить только в закрытом вузе. Вузе, по типу военных училищ. Закрытые учебные заведения прежде всего учат жить в коллективе. Именно этим они и ценны. Выпускники закрытых вузов не только военных училищ, но и гражданских: речных, авиационных, морских и т. д. являются лучшими представителями любого общества, так как имеют точные представления об этом обществе. В таких вузах даётся культура длительного автономного индивидуального и коллективного пребывания в определённой среде: в море, в окопах на войне, в своей и чужой стране.

Более того, закрытый вуз учит пониманию и различению «моряков от салаг». Сергей в начале своего обучения в училище просто упивался командами: «Товарищи курсанты», «Смирно, равнение на...» и т. д., которые подавались при входе офицеров, в казарму, в курилку, в класс. Но по прошествию нескольких месяцев, он очень ясно понял, что офицер должен появляться под ясные очи солдат и курсантов, если ему по-настоящему есть что сказать. Если тебе сказать нечего, то и не лезь в их жизнь. Подавать команду «Товарищи курсанты» офицеру, который просто так погулять вышел, это означало стать продолжением анекдота: «служи дурачок – заработаешь значок».

В любой профессии люди вынуждены очень долгое время находиться друг с другом бок о бок, и здесь всё может случиться, и надо быть к этому готовым. Именно закрытый вуз даёт навыки такого общежития, прививает принципы автономной жизни в коллективе. Учит порядку, чистоте, опрятности, честности. Надо понимать, что серьёзных дел без подготовленных кадров не бывает. Открытые вузы, например, геологические, железнодорожные фактически используют этот же приём через частые экспедиции, производственные практики. Сергей по этому поводу часто вспоминал свой родной завод, где самым главным объединяющим фактором была «пол-литра». Хотя, именно завод лишил его всяческого страха перед любой службой. Читая стихи, которыми были исписаны все подушки в казарме о трудностях службы, вроде таких: «Без фанфар и процессий// В солдатской шинели//, Сбросив капельки пота// С непросохших усов//, Я сапёрной лопатой//, Сдержав выкрики в горле//, Закопал свою юность// У Приокских холмов», Сергей часто думал, а слабо, сдать пропуск на заводской проходной и оказаться за колючей проволокой на целую смену, и так каждый день. Там тоже командиры, только злее. Видимо, поэтому рабочие дружины и укатали белую армию в семнадцатом году.

На войсковую стажировку Сергей поехал в Крым. Был выбор. Наиболее ретивые курсанты рвались в войска, чтобы, так сказать, познать службу по полной программе. Это были те, кто хорошо учился, и кого это не испортило. Они не поняли даже главной заповеди: «Храбрый в бой, умный в тыл». Сергей хотел к морю. «Храбрые» поехали в войсковые части, располо-

женные вдоль Байкало – амурской магистрали. Вернувшись оттуда, у них был точно такой же вид, какой был у Сергея в первый день работы на заводе, а у многих ещё хуже. Они обнаружили там, что «дикие племена солдат» часто не имеют даже ложек, не говоря уже о тарелках. Но самым главным было наблюдение того, что без тарелок жить, в принципе, можно, а вот без ложек – никак. Нечем вычёсывать вшей. Хотя и здесь наш солдат приспособился, он лопал самогон под ёлками, и пьяные вши осыпались с него вшивым дождём. Одним словом, Серёжкины однокурсники побывали в «Париже, времён Людовика IV» и сильно призадумались над своей дальнейшей жизнью...

А тут ещё умер Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Курсанты эту новость встретили весьма печально. Книги Леонида Ильича «Малая земля» и «Целина» они уже законспектировали, но эти конспекты одновременно утратили всякий вес в глазах политотдела училища. Это значит, что с приходом нового вождя нужно будет конспектировать новые эпохальные, героические, исторические документы. Все мечтали о том, чтобы на трон Генсека пробился кто угодно, только не писатель.

Где-то с недельку после похорон Генсека ничего не менялось в жизни училища. Но через день, после назначения Андропова Юрия Владимировича Генеральным секретарём, всё училище было построено на плацу и простояло в ожидании начальника училища часа два, чтобы лучше прочувствовать историзм и важность момента. Когда начальник училища поднялся на трибуну, все облегчённо вздохнули, решив, что осталось стоять недолго. Начальник училища сказал, что до этого дня курсанты жили «как попало», командование допускало слабинку по отношению к ним, но в этот исторический день пришла бумага с требованием ужесточить дисциплину. Слово «ужесточить» он повторил несколько раз.

Уже на другой день жить стало значительно интересней. В городе начались проверки документов на предмет, где вы должны быть в это время: на каком заводе, фабрике, и почему вас там нет? Это стало пугающей неожиданностью, грозящей большими неприятностями. Замком-взвод Вася Церуш собрал наиболее оголтелых самоходчиков и сказал примерно следующее: «Я понимаю, что тот ритм службы, к которому мы привыкли, изменить нельзя, но и проблемы, тем более ваши, мне на мою родную задницу абсолютно не нужны. Поэтому делаем так. Ты ищешь лопаты и веники, ты место рядом с училищем, где всё это мы будем хранить. Никаких спортивных костюмов, никакой гражданской одежды. Все самоходы в повседневной форме с лопатой или метлой на плече. При задержании бодро отвечать: «Меня послали мести, копать, при этом доставать из кармана белый носовой платок и помахать им, вытирая пот». До Васиных слов, мы как-то не замечали, что всем курсантам выдавали белые носовые платки. Так выходило, что выдавали неспроста. Политработники учили: «Делай, как мы говорим», а командиры намекали: «В случае шухера, чем махать у вас есть». Одним словом, приноравлились, причём быстрее офицеров.

Полиотделу училища слово «ужесточить» чрезвычайно импонировало. Этот отдел вообще любил разного рода правительственные кампании. Они буквально устроили облаву на офицеров – преподавателей, любителей выпить после трудового дня на своей кафедре. Кафедры проверялись ежедневно, чёрные списки составлялись ежечасно. Оказалось, что самыми пьющими в училище оказались офицеры, плохо скрывающие свои еврейские корни и самое страшное свои профессиональные навыки. Многих отправили в войска. На их место пришли другие. Глупости стало ещё больше. Политотдел напоминал Сергею взаимоотношения из своего детства, когда мальчишки сбивались в группу и шли хулиганить, пряча свою безответственность в общей толпе. Именно эта безответственность и служила тягой к созданию группировки, толпы. Но так было на гражданке. Гражданский люд именно так нарушал закон. В военном училище стремление «сбиться» в толпу воспринималось как верх глупости. Здесь за всё, что совершалось с тобой и вокруг тебя, отвечал только ты. Здесь тоже можно было нарушать и законы, и уставы, но в одиночестве. Сила была в одиночестве. Одиночество было

главным законом. Два человека, идущие вместе в «самоход», если второй не был преданным другом, приходили к неприятностям, которые по малости назывались «залётом» и приводили к нарядам на службу, а по великости к «вылету» из училища. Школа была довольно жёсткая. Но так оказывалось, что есть в армии особая каста групповщины – политработники. Вторая сторона тыла. Но если тыловики были сродни разведчикам, то политбойцы сродни сутенёрам и проституткам, так как легко меняли принципы и всегда были готовы продать всё, даже Родину-мать, так как ни за что в ней, конкретно не отвечали. Именно в училище Сергей понял, кого именно подпирали и подгоняли штыками во время атак заградительные отряды НКВД.

Вскоре умер и Ю.В. Андропов. Его сменил Черненко. Колесо закрутилось обратно. Началась новая кампания. Политработники и к ней приноровились и принялись грабить недограбленное. Это история радовала курсантов-старшекурсников лишь одним аспектом, раз «дерутся за ресурс и место», значит, есть что делить, может и нам что-нибудь останется. Нам, офицерам! Широка и богата страна Россия, много в ней лесов, полей и рек.

Всё было...

Сергей получил свои первые «золотые погоны».

Глава 3. Господа офицеры

Военных округов в СССР было много, но весь золотой фонд Вооружённых сил, его офицерский корпус служить хотел в Краснознаменном Киевском военном округе. Защищать рубежи в других местах никто особенно не рвался. После войсковой стажировки в училище все хотели «На Берлин»! За место под «солнцем» шла самая настоящая война как между родителями будущих лейтенантов, так и между ними самими. Выигрывали в этой борьбе те, кто хорошо учился и главное тому, чему «инкогнито» и должно было научить училище тыла. Доходило до маразма. Курсанты, которых в течение пяти лет командование приближало к себе за желание «стучать», вдруг поняли, что на их распределении это не скажется никак. Кто же помогает предателям. Их используют, только пока они нужны. Но в мозгах у этих олухов накануне распределения происходило нечто необъяснимое, они считали, что в очередной раз «настучав» на своего собрата курсанта, они получают хорошее место службы. Такое стремление некоторых курсантов привело Сергея накануне выпуска в канцелярию ротного в одних трусах. Следом за ним семенил младший сержант Семёнов, неся в руках его, Сергея, одежду. Семёнов бодро начал докладывать ротному, что поймал Сергея сразу по возвращению его из самовольной отлучки... Ротный с тоской смотрел на эту картину. Утром был выпуск, уже все ходили в форме офицеров. Сергею он сказал: «Забери у него форму и иди спать».

Сергей поехал служить в Киевский военный округ. На флюиды ненависти своих недоброжелателей ему было абсолютно наплевать. Если бы он рвался в бой, он бы пошёл в десант. Но флюиды ненависти и в стране были уже сильны. Произошла авария на Чернобыльской АЭС. Все «ломанулись» обратно в Россию, хоть в Забво, хоть в Дальво, хоть в Сибво, хоть туда, где «Макар телят не пас», лишь бы подальше от ККВО. Сергея же устраивало на Украине всё.

Служить по специальности инженера – механика, которой его учили, Сергей не попал. На всех военных заводах выпускающих технику тыла, был полный комплект. Он был направлен на должность начальника продовольственной службы отдельного батальона аэродромно-технического обеспечения. Сокращённо это звучало как ОБАТО. Всё хорошее в его службе сводилось к тому, что это было рядом с Киевом, остальное походило на вечный бой. Хоть как-то упорядочить службу в ОБАТО не было никакой реальной возможности. Назначение на любую должность в ОБАТО было сродни проводам в «последний путь». Но кто выдерживал в ОБАТО, пару лет не боялся уже вообще ничего, и дальше делал хорошую военную карьеру, либо спивался к «чёртовой матери». Офицеры шутили, что в мире есть только три агрессивных блока: НАТО, СЕНТО и ОБАТО. Причём последний самый агрессивный.

ОБАТО занимался обеспечением полётов лётного полка. Лётчики летали постоянно: и днём, и ночью. Их нужно было кормить, следить за тем, чтобы в окна столовой не дуло, так как любую простуду они сразу списывали на плохую заботу о них со стороны ОБАТО. Нужно было успокаивать официанток и поварих, которые всю вели охоту на лётчиков и даже авиационных техников, что всегда заканчивалось слезами и бабьими войнами вплоть до того, что повариха могла кинуться драться на официантку, вооружившись тёркой. Девчонки были красивые. Сергей им всем желал счастья, но службу это легче не делало.

К этому прибавлялось постоянно желание всего обслуживающего персонала без исключения, а особенно заведующих столовых, а их было целых три, унести из столовой свежие продукты, а еду готовить из тех, что остались с прошедшего дня. Периодически это приводило к массовым отравлениям, так как не у всех дур хватало мозгов, хотя бы все просроченные продукты прокипятить и прожарить. Это был рукотворный ад. Но было не скучно. Не скучно настолько, что Сергею было некогда даже задуматься над тем, где я, кто я, что я?

Батальон собрать было невозможно. Все солдаты по штатному расписанию болтались кто где хотел. Именно болтались, так как согласованности в действиях комбата и комполка

практически никогда не было. Видимо, порядок был в воздухе, а на земле был полный бедлам. К основному аэродрому придатком добавлялся ещё запасной. Бойцы там жили, как лесные братья.

Это был вечный, круглосуточный бой. Сергей даже ночевал в кабинете, там он хоть высыпался, ибо офицерское общежитие, куда его поселили, тоже представляло из себя большой бордель в период заката Римской империи. Авиационный полк летал на «МИГах – 25», их называли «летающими гастрономами». Спирт, которым промывались двигатели самолётов, промывал и кишки всего воинского братства. Он был везде: в ваннах, в вёдрах, в трёхлитровых банках, в вазах из-под цветов, в бутылках. Ёмкость тары соответствовала близости её владельца к самолёту.

В соседях с Сергеем был дикорастущий старлей Вася Савицкий из политотдела дивизии, со средним образованием авиационного техника, который постоянно учил Сергея жизни, говоря: «Хочешь расти, пол-оклада отдавай кадровику. Я уже через год старший лейтенант, «окучивающий» комсомол, а по-иному бегал бы с гаечным ключом за реактивным самолётом...». В Васе всё было хорошо. Но он был бабник. Причём приводил на редкость красивых и ухоженных девчонок. Сергею видеть их было невыносимо. Такая красота – и почти под порогом.

Пока Вася спаивал очередную жертву, Сергей, думая, куда бы ему из мужской солидарности пойти перекантоваться, сочинял стихи и дарил их падшим барышням:

*Милая, прикрой лицо руками,
Твою улыбку видят столько глаз,
Боюсь, не затоптали бы ногами,
Плохих так много среди нас.
Ты улыбайся, будь нежна, игрива,
Но перед зеркалом, сама с собой.
Тогда, возможно, злая сила,
Тебя не видя, минет стороной.
Но как нежна твоя улыбка,
Что я совсем тебе чужой,
Тебя увидел – и влюблён.*

Возможно, что стихи Сергея оказывали на барышень оздоровительный эффект. По крайней мере, ни одну из них Сергей не видел дважды.

А стишки его гуляли по гарнизону:

*«Не люби, любить уже поздно,
Любовь меня, уже, не найдёт,
Вспоминай, вспоминать ещё можно,
И меня, и наш гвардейский полк.*

Вторым соседом был прапорщик – парашютист, Заслуженный мастер спорта. Он уходил рано утром, почти ночью, когда Сергей ещё спал. С парашютом он прыгал рано утром, до начала полётов. Приходя вечером, Сергей всегда его заставлял сидющим на кровати, в позе лотоса с аэрофлотовской пиалой в руках и с крепко удерживаемой ногами трёхлитровой банкой со спиртом.

Сергей всякий раз, увидев мутный осадок на дне банки, состоящий из остатков сгоревшего авиационного керосина, говорил: «Валера, ты бы хоть процедил его, что ли».

Валера всякий раз отвечал: «Тех, кто цедил, давно смели вениками в мешок». Лицо у Валеры было синеватого цвета, всё в мелких точках. Как объяснял сам парашютист – это следы прыжков с большой высоты. Валера был не женат. Как понял Сергей, девушка, которая ему нравилась, разбилась лет 10 назад. Это его странным образом успокоило. Так выходило, что у него всё уже было: и любовь и жена – и что теперь он вдовец с пиалой в руках и трёхлитровой банкой со спиртом в ногах, с пустым сердцем и потухшими глазами.

Обслуга гостиницы, извлекала из пьянства офицеров немалую прибыль. Ведёшь барышню в номер гостиницы, отведи глаза кастелянши, хотя бы «трёшкой». Но, были и жадные.

Напротив номера Сергея обитали штурмана. Возглавлял их Миша Хоменко. Миша был очень хороший парень и уже капитан. Собираясь на свидание, он без стука врвался в номер Сергея и спрашивал: «Есть чистая рубашка?». Ему всякий раз отвечали: «Возьми в шифоньере». В шифоньере валялось грязное бельё. Миша всё вываливал на пол и выбирал наиболее чистую и не мятую, иногда прихватывал и носки. Миша откровенно не признавал ни кастелянш, ни расточительства некоторых офицеров. Зачем переплачивать, если гостиница одноэтажная. И в ней кроме дверей, есть ещё окна. Иногда Мише эти номера удавались, но это было редко. Военская часть была древняя, для кастелянш секретов в ней не было. Они сами лет тридцать назад растягивали пружины этих же кроватей. Они чуяли нутром, как мимо них проплывает положенный за «тайну» гешефт.

Дежурная бабулька в любое время ночи могла встать под Мишиной дверью и заголосить: «Миша, я знаю у тебя женщины». Миша начинал ругаться, его подруга хихикать. Бабулька продолжала голосить и будить всю гостиницу: «Миша, я сейчас позову начальника политотдела». Миша ей говорил: «Зови хоть всех начальников». Эти переговоры могли длиться и час, и два, но бабки всякий раз побеждали. Сергей несколько раз, чтобы выспаться с 50 % скидкой расплачивался за Мишу. Бабулек такой вариант тоже устраивал.

Молодость была ключом, сперматозоиды играли, как мальки в озере. Всем было весело: и бабулькам – кастеляншам, и барышням, и офицерам.

Помимо человеческого фактора Сергей обнаружил, что голуби на Украине воркуют громче российских, хоть и тельцем помельче. Эти сизые бестии начинали ворковать с 4-х часов утра. Вся эта суматоха была каждую ночь. Это тоже был своеобразный порядок, ритм жизни, но вывернутый наизнанку. Поэтому Сергей отсыпался на аэродроме.

Спасало ещё большое количество командировок. Фактически каждый месяц он куда-то летал. Самой продолжительно и трудной была командировка в Узбекистан.

Время шло, место службы у Сергея было хоть и трудное, но предельно «блатное». Киев – отец городов Русских. Кроме того, кадровые отделы внимательно следили, чтобы дипломы офицеров соответствовали хотя бы их званиям. У Сергея был диплом инженера, и подошло время присвоения очередного воинского звания. Ему предложили перейти точно на такую же должность только из батальона в зенитно-ракетный полк, но за 200 километров от Киева. Сергей согласился. Конечно, после ОБАТО он попал в рай.

Страной уже вовсю «рулил» новый Генсек Михаил Сергеевич Горбачёв. Он открыл все тайны партийной номенклатуры, и из затхлых шлюзов пошла сильная вонь. Оказалось, что дети партхозноменклатуры давно уже укрепляли агрессивный блок НАТО, да и сам он туда зачастил. Сергею новый Генсек нравился. В некотором роде он сильно облегчил его, Сергея, службу, объявив борьбу с пьянством. Представление у офицеров о дисциплине в Советской армии ещё оставалось, хотя Варшавский военный блок разворовывался с разбойничьим свистом, но пить стало опасно. Из армии можно было вылететь, а куда приземляться было не совсем понятно. У тех, кто служил на Украине, особенно до аварии на Чернобыльской АЭС, желаний и ожиданий от службы уже не было. Квартиры получены, сады и гаражи построены. Чего ещё желать? Многие только ради этой материальной мечты и служили. Кроме того, такого

ассортимента товаров, который был на полках украинских магазинов, Сергей не видел в России нигде, даже в Москве.

Борьба с пьянством сильно облегчила работу всего тыла ВС СССР. Меньше крали, но орали на подчинённых больше. Обиды друг на друга копились, а выхода они не находили.

Сергей, с постоянно трезвой головой, сразу же обнаружил некоторые странности в званиях и должностях. Так выходило, что начальник физической, инженерной, химической служб для армии были значительно нужней, чем все офицеры тыла вместе взятые. У всех офицеров тыла, начальников служб, были капитанские должности, а у остальных майорские. Старшие товарищи ему объяснили, что такова стратегия развитого социализма. «Спортсмену» и самому взять нечего и негде, да и от него никто ничего не хочет, как и от «химика», разве что ОЗК для рыбалки, поэтому их поощряют «диким» ростом. А тыловикам есть что взять и есть где, но главное, что их все пытаются обобрать, поэтому каждое звание надо «выкупать». На пьяную голову все равны и все братья, а на трезвую – все «разводки» и умозаключения политбюро ЦК КПСС становились обидными, непонятными, и вся их вредность проявлялась, как на фотобумаге в ванночке с проявителем.

В борьбе с пьянством политработники почувствовали возвращение к андроповскому ужесточению. Сказывались дефекты их образования. Остальные офицеры были склонны рассматривать горбачёвские проекты как борьбу с политотделами. Но пока все полковые политначальники вели себя чрезвычайно развязно. Они крепко перекрывали все материальные средства, входя в какие-то лавочные комиссии по распределению товаров народного потребления через военторги, в какие – то комиссии по распределению квартир и т. д. Более вредного порождения на теле государства невозможно было и представить. Начальник политотдела, как правило, был просто отфильтрованным и кристаллизованным куском змеиного яда. А в полку Сергея он был ещё и дурак. Будучи сыном какого-то члена военного совета, он крал и тащил буквально всё. Это была редкая сволочь, постоянно повторявшая: «Я как начальник политотдела, коммунист могу требовать...». Офицеры мстили, но по одному возможному варианту: крали то, что осталось.

И тут Сергей обнаружил странную особенность своих души и тела. В его подчинении была целая служба и штат прапорщиков, начальников складов. Только вору, только мсти «лучшим представителям» советской власти. Но стоило ему взять на складе хоть банку консервов, его «расшибала» какая-нибудь болезнь. Фактически это означало полную должностную непригодность. Его Родина культивировала только одну профессию, – профессию вора. А тут такой кошмар: находишься при материальных средствах и ничего не можешь украсть. Полная профнепригодность. Его словно заговорили на давно забытой заповеди: «Не укради». Но кто это сделал, если Сергей в церкви был один раз, и то не по своей воле, а только в день своего младенческого крещения.

Жизнь шла своим чередом. Политработники увлеклись борьбой с пьянством, «ужесточением», дележом и воровством. Действующая армия протрезвела настолько, что в центре Москвы, чуть ли ни на Красную площадь приземлился немецкий спортивный самолёт с гражданином ФРГ, лётчиком Рустом, прилетевшим прямо из – за «бугра». Это было позорно и обидно, ибо этот лётчик просто так «полетать решил» и пролетел пол – России. А параллельно с ним над территорией СССР резвились ещё два истребителя из Турции, и тоже совершенно безнаказанно.

Сухой закон отменили, но перестройку продолжили.

Михаил Сергеич с таким же энтузиазмом, с каким рвался к высшим постам в СССР, теперь этот СССР разваливал. В войсках это проявлялась весьма своеобразно. Генсек, он же первый президент СССР, найдёт какой-нибудь недостаток в советской системе, озвучит его народу, а уж народ из этого недостатка вывернет целый пласт. Пролетарии стали припоминать, что их «стахановцы», на которых они трудились целыми бригадами, так и не «проставились».

«Стахановцы» твердили, что эти трудовые подвиги были нужны партии и стране, но пролетарии делали уточнение, что не стране и партии, а местным парторгам, и потому «проставиться» придётся. Доярки сразу вспомнили, как сливали молоко в одно ведро самой передовой доярке и пошло, поехало.

В армии ситуация была идентичной. Заныли даже политработники, так выходило что сразу же после Великой Отечественной войны они стали не нужны, но продолжали паразитировать на теле армии, а во время войны от них было больше вреда, чем пользы. Начальник политотдела рвач, карьерист и скотина ходил по полку и пытался войти в доверие к тем, на кого ещё вчера орал. Свою речь он начинал со слов, как хорошо было раньше, хотя бы во времена Хрущёва: «Одел каракулевую шапку на голову и ты вождь, или рядом с вождём, одел цигейковую шапку – мелкий начальник...». Но страх у офицеров перед политорганами проходил, в открытый конфликт не вступали только те, кто ещё мечтал уехать в какую-нибудь «банановую» страну военспецом и зависел от подписи начпо. Остальные иронично замечали, что хрущёвские «пидарки» и сегодня прекрасно бы смотрелась на головах политработников. Пока политработники ходили и ныли цитатами из учения марксизма-ленинизма о том, что верхи не могут, а низы не хотят, отцы – командиры, как умели пытались спасти вооружённые силы.

Командиры и себя не жалели и другим старались спуску не давать, так как боевую готовность никто не отменял. Видение ситуации у боевых офицеров и политработников было совершенно разным. Первые родину защищали, вторые считали что чем хуже тем лучше, так как, тогда, когда станет совсем худо им дадут власть по наведению порядка. Командиров полков, такое поведение их загов по политчасти сильно раздражало. Стали происходить странные вещи. Начальник политотдела в годовщину 70-летия Великого Октября с синяком под глазом угодил в медвытрезвитель, что сильно укрепило дисциплину в полку и придало веру в верный курс партии и правительства. Всех мучил единственный вопрос: «Отмажут его от справедливого наказания или нет». Офицеры тыла за всеми этими процессами наблюдали со стороны. Им было абсолютно всё равно, так как все носители «вихрей» со всех сторон продолжали есть и пить. И правые и левые, и почвенники и западники, и командиры и политработники аппетита не потеряли. Тыл продолжал кормить всех. На него перестройка не распространялась. Хотя некоторое облегчение было, появились явные противоречия между разными группировками, и усилился контроль за тем, что бы «противник» не хапнул больше чем положено. Да и хапать становилось нечего. Склады катастрофически пустели.

Горбачёв, всюду утверждал что «процесс пошёл». К сожалению, Михаилу Сергеевичу было абсолютно наплевать на конечный результат процесса, но он и самим процессом не жил, он любовался собой и конечно Раечкой. Любимой народной поговоркой стало высказывание: «По России мчится тройка: Мишка, Райка, Перестройка».

Но, для многих офицеров далёких от армии и понимания механизма её слаженной работы такое понимание жизни пришлось по душе. Делай что хочешь. А в армии определённость положения – наиважнейшее условие. Пусть завтра война, но сегодня ты видишь перспективу. И вдруг всё рухнуло. Поговаривали о новой присяге. Правительство и его руководящий орган КПСС оценивали своё управление процессом высоко, но народ уже оценивал и само правительство и его авангард чрезвычайно низко. Шёл процесс перестройки и формирования «нового мышления». Молодой генеральный секретарь взялся обучать «старых обезьян» новым трюкам, которым сам совсем недавно научился у своих западных коллег. Но «старые обезьяны» прекрасно понимали что если СССР потеряет своё имперское место в мировой оси координат, то его быстренько займут другие. Те кто понимал, особенно из рядов ВПК и КГБ даже роптали, но армия молчала. Военным надоело в империи буквально всё: кадровый беспредел, квартирный вопрос, вечная суматоха и хаос.

Обиженные офицеры, кто по глупости, кто от лукавого, стали писать письма в Министерство обороны. В письмах они «беспощадно» вскрывали все нарушения и недостатки в своих

частях. Попадание начальника политотдела в медвытрезвитель явилось спусковым крючком и для вала писем от офицеров воинской части Сергея. Начальник службы вооружения, которому начпо препятствовал в выезде за границы, так и писал Министру обороны: «Начальники политотдела алкоголик, военторг на территории части продаёт товары «своим да нашим», кадровая политика нарушается, создана система пожирания принципиальных офицеров», и как вывод: «Полк, в последние два года не заслужил ни одной из полученных оценок». С последним пунктом он, конечно, перебрал. Полк был просто героический и гвардейский. Сначала авиационный, в котором начинали летать два будущих космонавта, одним из которых был человек с большим чувством юмора и громадным творческим потенциалом, Алексей Леонов. А затем зенитно-ракетный, но и в этом качестве, быстро прославившийся тем, что сбил разведывательный аппарат противника пересёкшего границу СССР на воздушном шаре попаданием ракетой в трос. Полку доверяли очень сложные задачи и на него приходилось самое большое в стране количество дивизионов. Но «бедного» майора достали. Он тоже был из «блатных». Карьеру начал женившись на дочери генерала, но потом «развод» и как все. А как все он уже не мог.

Тем не менее большинство офицеров были на его стороне. Все пламенные речи командования полка о придании его анафеме не действовали. Наоборот, этого майора, никогда особенным уважением не пользовавшегося стали уважать. Тогда командование под предлогом последнего пункта его письма: «полк не заслужил ни одной из полученных оценок», решило снять с офицеров очередную «шкуру», чтобы отвести их взгляд от всех остальных пунктов.

– Иезуиты, ё-моё, – думал Сергей.

Но было уже поздно. В полк приехала комиссия по проверке фактов, изложенных в письме.

Вела себя комиссия необычно. Водку, как обычно, не жрала, девок не требовала. Эту необычность поведения приписывали не горбачёвской перестройке, а откуда ни возьмись появившемуся правдорубу Ельцину Б.Н. Он уже успел, обругать и обвинить всех и во всех грехах, и потому был снят с должности, но оставлен в рядах политбюро ЦК КПСС.

Для тыла наступили райские дни. Обычная практика обирания полка вышестоящими чинами на время замерла. Всех офицеров собирали в клубе, где члены комиссии выпускали из них пар, клеймя позором допущенные со стороны командования просчёты.

Сидеть на этих многочасовых посиделках для Сергея было невыносимо. Он вновь начал писать стишки:

*Вот стены клуба полкового,
Вот кресло, где и я сижу,
Сижу гляжу, какую «москали»
Мораль нам привезли.*

*Вот наш военный магазин,
Любому сердцу очень мил,
Торгует с часу до семи,
Волнует разные умы.*

*Начпо ваи рубит мясо там,
Себе бекон, а кости нам.
Для всех един, для всех один,
Наш милый сердцу магазин.*

Ничего нового на этих разоблачительных конференциях офицеры не узнавали. Но было интересно услышать из уст больших начальников упреки в адрес начальника политотдела,

начальника режима, который за некоторые услуги, лично для себя, пропускал на территорию части гражданских лиц в «наш милый сердцу магазин». Оказалось, что майор написал помаленьку обо всех. Досталось и тылу. Но кого ругать в тылу, начальство так и не смогло понять. О том, что начпрод не ворует и не потому, что не хочет, а потому что у него что-то не в порядке с головой, знали все. О том, что зампотыл не ворует, потому что он кореец по национальности, а у них там какая-то странная вера, тоже все знали. Можно было обрушить гнев на прапорщиков. Но собрания были офицерскими.

Начальник политотдела изворачивался, как мог. Нашёл лжесвидетелей, которые подтверждали, что он трезвая жертва «пьяного» нападения злых милиционеров, подкупленных некоторыми офицерами полка. Отыскали даже какую-то бабёнку, которая видела, как «начпо» дали кулаком в глаз, и которая даже кричала: «Помогите, убивать!». Она так и сказала: «убивать!», видимо с перепугу, увидев перед собой так много людей в погонах. Кричала она не очень громко, в полку её никто не услышал, а то бы непременно помогли.

Всё-таки начпо отмазали, хоть из части и убрали, отправили на повышение в Дальво, как близкую родню ЧВС. Эти детёныши ЧВС, «райских групп», были абсолютными хамами. Видимо орденосные ветераны, давая им протекцию в большие командиры, учили их массовому истреблению пролетариата, считая его, если не за муравьёв, то за мух, которых на российском навозе всегда полно. Периодически эти наказания проскальзывали в разговорах: «При осуществлении военной задачи должны быть жертвы, тогда это будет героизм. Жертвуют обычно менее ценными. Чем больше их принесено в жертву, тем выше героизм и заслуга командиров. Жертвы свидетельствуют об ответственности командиров, об их нелёгком выборе в принимаемых решениях. Главное, решить задачу за счёт менее ценных, а дальше победителей не судят, а сволочей ещё пришлют. Для внешнего зрителя героизм командира остаётся в чистом виде, как и «красный орден» на груди, а над внутренним зрителем смыкается земля, над которой гордо будет стоять памятник со звездой и даже светить вечный огонь. Конечно, холуёв надо попрідержать от гибели, чтобы было кому славить подвиги командования».

К советской власти полк утратил всякое доверие. Протекционизм разросся до невиданных размеров, вплоть до придумывания новых, ничем не обоснованных должностей для своих людей. На головах профессионалов сидела масса дармоедов. Это плохо. Профессионалы к власти не рвутся, дармоеды всегда. При таком раскладе, когда отмазывают явных вредителей и негодяев, авторитет теряют все. Даже приличные люди становятся падлами, а быдло идёт в разнос. Лучше бы начпо расстреляли на заднем дворе части и укрепили дисциплину.

Шёл 1988, високосный год.

Большинство офицеров понимали, что нового 1917 года не будет. Страну предали всё те же, сильно разжиревшие чиновники, что и в 17 году. Но в конце XX века, большей части офицеров в той стране, которую разрушали, защищать было абсолютно нечего, разве что нищету своих родителей. И в том, что нет выступлений, кровавых и беспощадных погромов, нет абсолютно никакой заслуги ни генералитета, ни других партийных и хозяйственных кадров.

Перестройка набирала ход. Часто стали отключать свет. Для Сергея отключение света стало большой проблемой, ибо как только в его голове появлялись мысли, гас свет, как только мысли голову покидали, свет включали. В полку уже начался полный бардак. Караулы не менялись сутками. О заступлении на дежурство можно было узнать меньше, чем за час, поэтому начальник штаба лично бегал по части и «ловил» офицеров, не успевших «спрятаться».

Тут произошла новая напасть. XIX партийная конференция. На этой конференции присутствовали начальники политотделов дивизий и выше. Набравшись на ней ума, они ехали в войска. Кто, как обычно, воровать, кто с «новым мышлением». Пока они пересказывали «старые песни на новый лад», их водители опустошали продовольственные и вещевые склады. Всё выглядело весьма и весьма гнусно. Коммунисты паразитировали на «теле» рабочих и крестьян,

а само это «тело» только и смотрело, чтобы ещё стырить у государства. Вроде бы все крутились, суетились, доставали, продавали, а на выходе всегда оставался «нуль».

Вновь приходящие молодые офицеры смотрели на своих командиров не как на товарищей, которые будут вникать в их нужды, подсказывать и учить, а как на врагов, которые и без того их гнусную жизнь сделают ещё более гнусной. Это означало, что и в военных училищах «процесс пошёл».

Полки магазинов пустели на глазах. Сергей постоянно думал, как бы обмануть свой организм и хоть что-то брать на продовольственном складе. Он уговаривал себя: «Пайки бывают партийные и беспартийные, и желательно, чтобы калорийность первых была равна калорийности вторых. Ты беспартийный, следовательно, воровство от нужды – это не воровство, а нужда, так как взять больше нигде». Не помогало. Украл – заболел. Ему, в принципе, всего хватало, но он уже был женат.

Год был более, чем високосный. В Армении произошло землетрясение. В СССР был объявлен всенародный траур. Уже сильно расслабленный политотдел с трудом отыскивал красные флаги, а к ним и чёрные траурные ленты. Политработники опять начали мельтешить по полку, изображая деятельность. Почти одновременно произошли два взрыв с многочисленными жертвами в Арзамасе и Свердловске. В Черновцах стали лысеть дети и т. д.

В полку не унывал только доктор. Он окончил Военную медицинскую академию, и по всему выходило, что это было единственное военное учреждение, где курсанты не столько думали о женщинах, сколько учились с ними обращаться. Доктор был старым капитаном. Но он по-прежнему настолько увлекался процессом изучения женщин, что выявлял венерические болезни в городке опытным путём. Сам находил, сам себя и лечил. Доктор был безобиден, всеми любим и, главное, холост: гулёна, пьяница и бабник. Он был далёк от всех политических вихрей. Командир – астматик его озадачивал поиском таблеток. Каждому своё. Кому женщины, а кому таблетки.

Новый 1989 год ничего хорошего тоже не сулил. Началось массовое сокращение армии, военных училищ, вузов. В стране оставались в целости, как все шутили – обком, райком и исполком. Но и там чуяли, что ненадолго. Командиры полка стали меняться каждые полгода. Вновь пришедший «вождь» получал квартиру, выбивал себе машину, строил дачу с гаражом и уходил. Если не успевал, то это были его проблемы. В этом были и плюсы. В полку затеяли стройку. И строить начали не больше не меньше как новый командный пункт. Это уже было не просто воровство, это был грабёж, но ещё не разбойный. Плюс был в том, что офицеры хоть и знали, что из стройматериалов, отпущенных на КП, всё верхнее начальство строит себе гаражи и дачи, но и солдаты были заняты. Для них с утра до вечера звучала «лагерная команда: «Арбайтэн», и они «шуршали». Дисциплина кое-как поддерживалась. Конечно, не без эксцессов. Когда грабят командиры, остальным усидеть трудно. Поэтому солдаты были самыми главными посредниками между офицерами, прапорщиками и местным населением. Все были заняты тем, как бы что-нибудь украсть и кому-нибудь продать.

Сергей воспользовался суматохой и построил в полку летнюю столовую из «ничего». Начальник политотдела долго «промывал» ему мозги, так как видел и брус, и швеллер, и шифер и ещё много чего, но не мог понять, откуда, хотя и подозревал, что это у него «украли». Командир оказался умнее. Он вызвал начфина. Они всё это быстро оприходовали, начфин побегал по магазинам за «липовыми» отчётными квитанциями. Командир вскоре купил себе «Жигули», у начфина машина уже была. Сергей в этой истории был наблюдателем. Он просто поддерживал воинскую дисциплину среди своего личного состава, а заодно и прививал им навыки обустройства в полевых условиях.

Из магазинов исчезло всё, даже хлеб.

Из штаба армии в полк прислали машину и забрали из полка на «общий» тыл несколько тонн овощей. Забрали даром. Сергей негодовал: «Если с каждого полка даром тонну картошки,

то этих, вышестоящих жуликов, наш Миша Горбачёв, пламенный борец с номенклатурой, никогда не сократит». В Чернобыль увозили последние продукты со складов НЗ.

Направленность всех вышестоящих штабов и местных командиров на стяжательство разложила армию полностью.

На заборах стали появляться листовки с обращениями к гражданам Украины: «Власть тормозит перестройку, даешь украинский народ вместо советского». Листовки были не обезличены, а подписаны народными депутатами. Одни газеты, видимо, правого крыла КПСС ругали двух юристов: Гдляна и Иванова, другие наоборот их хвалили. Всё смешалось.

Наступил 1990 год. В Азербайджане началась гражданская война. Гласность слегка «придушили» и стали формировать команды для отправки в Азербайджан.

Чтобы взбодрить парторганы, им повысили заработную плату сразу в два раза. На фоне всеобщего дефицита всех товаров народного потребления и исключительно «блатного» распределения дать главным ворами и делителям ещё и денег было верхом глупости ЦК КПСС. Сразу же ожили все националистические организации на Украине, особенно РУХ. Призывы были простыми и поддерживаемыми всеми национальностями: «Бороться против партийного аппарата». К этому же призывали и народные депутаты. Народ это повышение зарплаты обозлило чрезвычайно. Никто не мог понять, почему Горбачёв, борясь с коррупцией, постоянно увеличивает её носителям льготы.

Поговаривали, что это страх. Просто, будучи мальцом, маленький Миша оказался на оккупированной немцами территории. Ему доверяли ощипывать гусей, а для скорости давали подзатыльников и пинков. Он стал услужлив и боязлив. А кто бы не стал? Тем более, что обе родственные партии КПСС и НСДАП, руководившие государственными машинами «коммунизма» и «фашизма», давали пинки и подзатыльники совершенно идентично. Вопрос, зачем, зная всё это из своего босоного детства, лезть во власть?

Народ начинал злиться и на армию. От людей в погонах ждали действий, направленных на наведение порядка. Власть во избежание этих действий начала замену офицеров: азербайджанцев из Азербайджана переводили на Украину, а с Украины украинцев в Азербайджан, и так во всех республиках. Командующий округом генерал Громов издал приказ, разрешающий носить в служебное время гражданскую одежду вне воинских частей и призывающий командование развозить офицеров в крупных городах домой на автобусах, дабы не провоцировать население. Военную форму становилось носить опасно. В общем-то, офицеры форму снимали без сожаления. Здесь наметилось коренное отличие «белой» армии от «красной» в период краха.

На Украине больше всех были напуганы евреи. Их томило ожидание и вопрос, когда же Михаил Сергеевич откроет границы и даст право на свободный выезд из СССР, о чём давно ходили слухи. Они хотели успеть до «погромов». РУХ вывешивал плакаты с перечислением окладов партийного аппарата и призывами к народу не поддаваться на провокации, которые этот аппарат готовит.

Начался XVIII съезд ЦК КПСС. Речи всё те же. Ура КПСС! Ура обновлению рядов! Но рядом шахтёрские забастовки. За шесть лет перестройки страна дошла до политических забастовок. Шахтёры, следуя примеру Аннушки Карениной, дружно легли на рельсы. Появились новые партии. Даже в маленьких украинских городках стали проходить митинги, проводимые РУХом и недавно созданной республиканской партией. Призывы были более чем скромны: переизбрать депутатов в местные советы, сделать жизнь местной партхозноменклатуры прозрачной и одинаковой со всем остальным народом. Для сбора народа на митинги сначала выпускали хор. Поют украинцы прекрасно. Конечно, народ собирается послушать украинские песни. По мере сбора толпы на сцену выходит оратор и начинает втюхивать «светлые» мысли.

Сергей писал в своём дневнике: «А Россия, по-моему, начинает хулиганить. Там ребята пошмыслёней. По всем телеканалам поёт Маша Распутина. Хороша, бестия. Бодрит.

В полку бардак. Грызусь с командиром. Полтора месяца назад мне присвоили звание капитана. Погоны не меняю, жду, когда их мне вручит лично командир и перед всем строем. А то эти «верхи» заболтали уже и армию, и все её традиции, оставив одну – мздоимство. Ничего, дождусь. Состояние странное. Спасибо, Михаил Сергеевич, ибо нет тыла – нет проблем. Нет проблем – легче служба. Украли всё, новое взять негде. В округе списали и увезли из части куда – то даже чугунные котлы для варки пищи в полевых условиях. Наверное, на чью-нибудь дачу варить корм для свиней.

Все начальники служб в основном ведут нудные и длинные разговоры. У них тоже всё украли. У начвещи унесли последний бильярдный стол, у инженера – последние лопаты, у начхима – все ОЗК, у начальника службы вооружений не осталось ни капли зелёной краски, у начфиза забрали штангу и т. д. Начальник инженерной службы, Саша Абраменков обратил внимание на две вещи: во-первых, дети перестали играть в детские игры. Они даже не знают такие игры, как прятки, догонялки, битки, лапта, фантики и прочее. Во-вторых, львиная доля мирового культурного наследия и человеческой цивилизации, известной нам, принадлежит русским и немцам, где-то рядом бродят англичане. С другой стороны, и немцы, и русские в XX веке варварски уничтожали свою культуру. Но мы этим занялись в XX веке во второй раз.

Потом пошли в баню, парились и пили коньяк. Евреи как обычно «подкалывали» хохлов. В этот раз победили евреи.

Миша Глейзер начал издали заирать Колоднейчука:

– Уже помылся?

– Помылся, – расслабленно отвечает Колоднейчук.

– А всё тело помыл – то? – продолжил расспросы Миша.

– Всё, – не замечая подвоха отвечает Колоднейчук.

– А я никогда всё тело не мою, на другую баню оставляю, – заканчивает расспросы Миша.

Все хохочут. Конечно, эти ребята друг друга стоят. Лучше всех это известно памятнику Котовскому. Евреи у него шашку отпиливают, хохлы приваривают на место, и так из года в год.

Главным и самым нужным атрибутом армейской жизни для Сергея стала фуражка. Он их завёл две. Одна постоянно висела в кабинете и означала, что он где-то в штабе, в другой он ходил в город, в баню, в кино. Словом, служил. Вторую фуражку он тоже не любил носить на голове. Однажды его остановил и пристал с расспросами замкомандира полка п/п-к Бокарев, которого Сергей считал большим умницей и с которым устраивал стихотворные баталии.

– Серёжа, ты почему носишь фуражку под мышкой?

– На мозги давит, думать не даёт, – ответил Сергей.

– Никому не говори, что ты умный, – сделал заключение Бокарев.

Соседний полк, видимо, в целях взбодрить офицеров решил провести учение. Засидевшиеся без дела танкисты устроили на танках гонки по колхозным полям. Прокатились они и по подсобному хозяйству Сергея. Этому факту он был чрезвычайно рад. Дело было весной, семена ещё «оклемаются» и взойдут. А пока появился хороший рычаг для возмещения убытков. Так Сергей познакомился с комбатом танкового батальона. Он стал постоянным «банным» спутником Сергея. Они оба радовались возможности смыться из части для решения важных, судебных дел. Комбат был боевой. Он воевал сначала во Вьетнаме, потом в Палестине, был очень невысокого мнения и об американцах, и о палестинцах, и о евреях. Американцы его достали тем, что начиная нести потери в живой силе они переставали воевать. Им было не жалко технику, но солдат они берегли. Это резко контрастировало с нашей концепцией войны. Было обидно. О евреях у него тоже было весьма резкое суждение. Он был уверен, что именно советские евреи вооружали армию Израиля, что именно они втихаря собирали деньги и отправляли их на закупку вооружений... Евреи ломали напролом, но грамотно. За шесть дней укатали всех арабов. К арабам комбат относился с нисхождением, ибо не был уверен в том, что они хоть когда-то воевали. А если нет опыта войн, то чего от них ждать.

Сергею было чрезвычайно интересно с ним общаться. Про поле, потравленное танками, они вообще забыли. Сергея не интересовала война, его интересовал быт банановых стран. Михаил с большим юмором, сидя на самом верху парной, рассказывал, что во Вьетнаме самым большим удовольствием было опустить свои яйца в таз с холодной водой. А в Палестине он где-то подхватил лихорадку и теперь его постоянно трясёт. Но самое скверное в том, что он согревается только в бане. А на улице, даже в 30 градусную жару, ему было холодно в кителе. Так они дружили. Процесс шёл, бюрократия работала, а бюрократия в СССР все вопросы рассматривает долго. В этом её качестве Сергей и комбат ощутили несомненную пользу. Так прошло лето.

Сергей писал в дневнике: «Завтра приезжает жена. Надо сдать бутылки и купить цветов. Где-то я просмотрел свою любовь. А всё Андрияша Рец: «Офицер должен жениться или на враче, или на учительнице, но лучше на враче, это всё равно, что приобрести и машину «Волгу», и взять десять тысяч приданого». Уговорил, зараза. А тут такая инфляция. Но уже никому ничего не вернёшь.

С этого места Серёжа сильно обижался на всех евреев. Других причин не любить евреев у него не было. Совет-то вроде правильный был, но требовал разъяснения. Не на враче, а на медсестре, а если на учительнице, то начальных классов. Чтобы жена не задирала планку на высоту, которую муж не сможет перепрыгнуть. Чтобы никакой другой мечты, кроме как стать генеральшей, у неё не было. Одним словом, совет не помог, Серёжа обиделся на Андрияшу, а много лет спустя вместе с обидой на него разобиделся и на всех евреев. С женой развёлся.

А в дневнике он писал: «Опять поменялся командир полка. Это хорошо не кончится. Совсем не обязательно оканчивать военную академию, чтобы видеть ужасающие последствия такого кадрового бардака. Хочешь разрушить армию, создай неопределённость положения среди её офицеров, лиши их перспективы. Присылай им новых командиров. Новый полковдец, изобразил из себя демократа. К нам попал чуть ли не прямо из Военной академии стран Варшавского договора. Оказывается, для своих и такие есть. А мы и не знали.

Этот демократ, видимо, на тамошний манер, зря что ли учили, всех построил и стал задавать дурные вопросы: «На что жалуетесь?». Я, конечно, пожаловался на то, что в нашем гвардейском полку уже второй месяц командир, а теперь это он, не может вручить мне погоны капитана. В обед вручили. Пошли обмывать погоны, звание обмыли уже давно. Завтра будем шлифовать то, что обмыли давно и обмываем сегодня.

А что ещё остаётся? Отсутствие службы, как и её чрезмерное присутствие ведёт к снижению боеготовности, но её отсутствие – особенно. Ничем не занятые офицеры начинают либо пить, либо ныть. Говорят, что гениальные полководцы это прекрасно понимали. И занимали своих офицеров либо балами с дамами, если воевать было не с кем. Это позволяло держать и форму, и лоск не «засаленных» погон. Либо занимали офицеров службой, если было с кем воевать. Тогда офицеры были чуть пьяны, до синевы выбриты и бесконечно преданы Родине.

А сегодня, лишённые всего, мы предались пьянству и анализу. Это опасно, особенно второе. Офицеры, склонные к анализу, особенно на стыке времён становятся разведчиками либо прошлого, либо будущего. Но в любом случае они становятся бесчувственными циниками.

Молодым офицерам перестали давать жильё. Часто меняющиеся командиры хотят получать многокомнатные квартиры непременно в центре города. Городская власть идёт на это, но даёт одну квартиру вместо 5-6. А «полководцам» всё равно. Имперский бордель катится к чёрту. Грабь, пока можно. А им можно.

Но эти сволочи стали вбивать клин между молодыми и старыми. Молодых офицеров подселают в коммуналки к пенсионерам. Мол, старики помрут скоро, всё будет ваше. Вот сволочи. Стравливают всех, как на петушиных боях.

Жёны «скрипят» и ругаются у всех. Их лишили товаров народного потребления. Образовался ничем не заполненный вакуум. Этот вакуум вместо того, чтобы всосать офицеров в

домашнее хозяйство, наоборот, вытолкнул их. Странное дело, службы не стало почти никакой, но большинство офицеров проводят в части и субботы, и воскресенья. Армия разрушается с огромной быстротой. К счастью, на тыле это не сказывается никак. Жрать офицеры и солдаты, внезапно став тунеядцами, по-прежнему хотят. Но остальные подразделения деградируют очень быстро. Их лишили рутинных обязанностей, нудных, каждодневных, но цементирующих армию. Не стало даже утренних построений всего полка. Народ бродит абсолютно ничем не занятый. Все бы давно разбежались, но деньги ещё платят.

Закрутил роман с актрисами. В город приехал русский театр из Эстонии «У виадука» на гастроли. Пошёл. Посмотрел. Спектакль «Ромул Великий». Сцена застолья. Перед «Ромулом Великим» чашка с муляжами куриных яиц и всё. Зал прямо так и чувствовал голод артиста, играющего римского цезаря Ромула. Видимо, у Рима тоже остались застарелые проблемы. Да и где им, этим артистам, взять продукты, если их теперь выдают по «купонам». Актрисы какие-то тощие. Пытаются показывать стриптиз, но после украинских то женщин с их стратегическим запасом сала и на теле, и в погребках... Стало жалко, особенно самую молодую. Она весь спектакль показывала своё тощие тело, раскрывая полы туники. Запомнился синяк на ноге, сильно выше колена. Но какие глаза... Решил подкормить и ещё раз посмотреть на синяк, но вблизи.

Вечером, после спектакля, заявился в гостиницу в лётной форме, оставшейся в наследство с прежнего места службы, ящиком продуктов из воинской части и коньяком. Когда собирал этот ящик, думал, что гром и молния испепелят меня прямо у стеллажа, но Бог простил. Видимо, артисты из Эстонии так оголодали, что Господь на моё воровство закрыл глаза. Может быть, он откроет их на воровство моих прапорщиков. Хотя, чёрт их знает, может быть, они всё, что воруют, отправляют голодающим Поволжья.

От моего прихода все обалдели. Мужички, даже стали выказывать некоторую ревность. Но когда обнаружили выпивку и закуска, отношения быстро наладились. Это же русский театр из Эстонии, а не наоборот. Какие тут женщины, какая тут ревность, когда зовут пить «горилку»».

Сергея начали расспрашивать о лётных буднях. О лётчиках Сергей знал мало, так как в «общаге» по прежнему месту службы жили в основном штурмана, и единственный друг у Сергея тоже был штурман. О лётчиках он отзывался иронично: «Лётчики, на пиз-у налётчики». Этим афоризмом лётная тема себя и исчерпала.

Попав к артистам, Сергей стремился доказать, что и он артист, хоть и на другой должности. Он начал петь песню: «И вот расстилается город Берлин//, Он снова проверил расчёты//, И вдруг замечает, что снизу под ним// Немецкие бьют пулемёты//. Удар и машина объята огнём//, И штурман с сиденья свалился//, Но крепкое сердце работало в нём//, Он встал, за гашетки схватился».

Сергей зафиксировал в дневнике: «Наташа, Светлана, Галя. Всех, кто набежал «послушать», не помню. Начали галдеть: «Мы на диете. Мы мясо не едим». Я им тоже ответил: «И мы не едим, пока не пьём». И началось и длилось две недели. Вечером спектакль. «Ромул Великий» хоть стал похож на человека, округлился, и начал уплетать яйца с салом, прямо на сцене. Интересно, было ли в Риме сало? А ночью гулянки при луне?».

Артисты явно ожили. Такие спектакли, как «Мудромер», «Азалия», а особенно «Утешитель вдов» прошли с оглушительным успехом. А ночные концерты в гостинице приводили всех проживающих в «умиление», особенно когда Ромул Великий, он же Римский цезарь, вместе с Сергеем пел песню, которую в разных вариантах знает вся Россия: «И дорогая не узнает//, Какой танкиста был конец». Про «конец» они пели особенно выразительно. Потом пели про моряков: «На палубу вышел, спасенья уж нет//, В глазах его всё помутилось//, Увидел в дали ослепительный свет//, Упал, сердце больше не билось». Затем о лётчиках: «Увидел составы с горячим вдали и бомбы как град полетели».

Гостиничные кастелянши терпели жалобы постояльцев. У них с Сергеем были взаимовыгодные отношения – единство армии и народа.

Красавицы уехали, поклонники остались.

А в это время его родная страна решила победить инфляцию по одному возможному варианту: изъять все деньги у населения. Народ начал давиться, даже по ночам, в очередях в обменные пункты. Меняли 50 и 100 рублёвые банкноты. Нищие радовались. Остальные почти рыдали. Начался 1991 год.

Сергей писал: «Похоже, что нашему обществу светлое будущее не угрожает. Аппарат сжирает всё, народу ни хрена не остаётся. В будущее смотрю с тоской. Народ вгоняют в какие-то отношения, называемые рыночными. Всех хотят сделать прапорщиками, то есть преступниками».

СССР еле дышит. Для народа придумали развлечение в виде референдума. Ну-ну. Понятно, что нервозность в народе растёт, что пар надо выпускать (в своё время и у «красноармейской будёновки» были дырки на уровне ушей). Но весь народ скопом можно только угробить.

Подаю документы на поступление в военную академию. Надо успеть, пока ещё армия едина. Начальник штаба приказывает их забрать, мол, ещё молод. На всякий случай написал мне выговор. Как же, забери! Пошёл к кадровику, взял у него пачку служебных карточек, на всех написал свою фамилию и всем раздал, начиная с командира и кончая всеми замами со словами: «У нас по городу ходит женщина метрового роста, с горбом и усами. Это трагедия, но эта женщина всегда весёлая. Можете писать мне выговоры хоть каждый день. Я вас покину всё равно». Я понимаю, что это, ребята, называется бардак. Я даже понимаю, что способствую этому бардаку. Но когда у атамана нет «золотого запаса», казаки либо сбиваются в шайку и идут грабить соседей, либо расходятся до поумнения атамана и растрясаят накопившийся жир. Я выбираю второе.

Купил десятилитровую бутылку коньяку, разлил его в бутылки. Завтра еду в округ, узнавать, когда следует убыть в академию. Боюсь, что местные отцы-командиры спрячут от меня и номер приказа, и моё предписание.

Так и вышло, в академии я должен был быть ещё вчера. Быстро сматываю удочки.

Вот он Питер. Ай – яй! Питер – это не Киев.

*Меня долго по свету носило,
Занесло, наконец, в Петербург,
В Петербурге тоскливо и сыро,
Петербург – это город одях!*

*Пётр Первый столицу здесь строил,
Иностранцев сюда зазывал,
И пока они жили тут, мысль «фосфорила»,
А теперь – это город одях.*

Вторая столица в жутком состоянии. В магазины длинные очереди. Бедные петербуржцы. Ленинградом этот серый город никто не называет. Украина – Родина. И Россия – Родина.

Повезло, успел. Прибыл прямо в день сдачи первого экзамена. До меня тут ребята уже насиделись. Знакомые всё лица. Злятся, думают, что я шибко блатной, раз приехал в последний день. Они, бедолаги, тут уже неделю лагерь разворачивают, кровати таскают, матрасы выбивают... Ну, извините. Я вот водки привёз.

Первый экзамен сдал. Сдали все, но радости нет ни у кого. Если я в академию рвался, то почти все, приехавшие из групп советских войск, были присланы в неё насильно. Они в полном

«сраче» подсчитывают, сколько и чего там без них сопрут. Вывод войск идёт полным ходом. Они открыто возмущаются, что им поставили положительные оценки, и рвутся обратно.

Все экзамены сданы. Все ждут мандатную комиссию. По лагерю ходит какой-то слух о государственном перевороте. Живём тут, комаров кормим, а что в стране происходит, совсем не знаем. Объявили общее построение. Стоим, ждём. Вышел начальник академии. Сообщил, что все поступили, и мандатной комиссии не будет. Затем сурово сказал, что в стране создано ГКЧП. Слухи подтвердились.

Стоящий рядом со мной начальник продовольственной службы из псковской дивизии ВДВ могучим басом мне на ухо прошептал: «Наши уже в воздухе». Я отшутился: «А наши уже давно прилетели». Он юмора не понял.

Заметно оживились офицеры из группы советских войск в Германии. Они просто чуть ли не прыгали от радости. Все экзамены они упорно «заваливали», а им упорно ставили положительные оценки. А теперь у них есть все шансы стать «героями», то есть вернуться в свои части для продолжения грабежа материальных средств. Тут же, на месте, они стали писать рапорта на тему «Родина в опасности, и в это трудное для Родины время их место в войсках». Пристаю с вопросом к Славке: «Славик, ты уже поступил, три года слушателем. Объясни». Объясняет: «Понимаешь, Серёжа, рядом с нашей частью немецкая свалка автомобилей. У них, загнивающих, износ автопок рышек допускается до 7 мм, а у нас до 2, но в принципе до полного «облысения». То есть, там у меня целая свалка новых покрышек. На одном контейнере покрышек, отправленном в Россию, я зарабатываю больше, чем за все предыдущие годы службы. Это только на покрышках». Да, кого на что учили. Десантник уже всеми мыслями в воздухе, а тыловик на свалке с покрышками. Наверное, это правильно. Рапорта, как ни странно, подписали, хотя и предупредили, что о дальнейшем карьерном росте можно забыть.

Я опять пристал к Славике: «Покрышки кончатся, а дальше?». Славик, видимо от радости, пустился в объяснения: «Происхождение спасёт. Оно у меня рабоче-крестьянское. Происхождение, брат, – это великая сила. Здесь ни закон, ни уставы не работают. Если происхождением не вышел, то можешь рассчитывать только на доверие тех, кто вышел. Рост – на доверии, продвижение – на доверии. Хотя, конечно, важно угадать, кому служить. Не переживай, те, кто сегодня в ГСВГ, не пропадут. Они там тренируются, а здесь начнут полномасштабный грабёж. И я со своим происхождением вместе с ними. Я просто покупаю доверие. Причём, заметь, ценой каких жертв. От академии отказался». Мне показалось, что Славик готов «взрыднуть».

Все мы по отношению друг у другу – твари, хоть и твари божьи. Код офицера «Честь имею» умер в армии вместе со смертью кода священника «Аминь».

Отправили патрулировать улицы. Всё спокойно. Видимо, в этот раз крейсер «Аврора» палить не будет. Не видно желающих кровь проливать, хотя «бомжеватых» мужичков много, но, судя по выправке, это наши.

Демократы ГКЧП победили. Как оказалось, и биться было, особо, не с кем. «ГКЧПисты», видимо, насидевшись при Михаил Сергеиче без спиртного, дорвались. Три дня пили, потом сдались.

Ребятишки, спросили бы меня, что вам надо делать? Я с вашим вождём в одном доме жил. Для меня вы всё «просрали», когда «отмазали» нашего начальника политотдела от заслуженного наказания. По вашим историческим решениям так выходило, что весь офицерский корпус моего родного полка, давший миру двух космонавтов, должен был сначала напиться «вдрызг», затем подраться, а потом выстроиться в медвытрезвитель за орденами, медалями и повышением по службе. Кто же вам после этого поверит? Вы выглядите так же, как и белогвардейские банды времён гражданской войны. У них тоже везде были свои люди, даже в ВЧК, но они всё «просрали».

Местный мэр Собчак на вершине счастья. Под суматоху начал звать представителей царской крови вступать в права наследства питерским имуществом. Народ ропщет и не хочет

вновь уплотнятся до коммуналок. Это минус, но, народ явно отдохнул от телевидения и это плюс. Почти три дня его никто не донимал разного рода «дурью». Господи, а сколько её ещё будет. Питерцы сделали заявку на престолонаследие, а это безудержное местничество, семейственность. А потом опять Александр Невский или Иван Грозный придут из Москвы и спалят всю эту «приблуду» на хрен».

Люблю Россию. Замечательная страна. Душевная. То князь русский – «москаль проклятый» выйдет к диким племенам с мечом. Обопрётся на него и начнёт эти дикие племена жизни учить. Тут заслушаешься. От покорных слушателей задремлет князь, и тут как тут появляется вечный жид – «новгородец-питерец». А он, в свою очередь, рассыпает перед дикими племенами золотые монеты. Тут засмотришься. И здесь абсолютно ни при чём ни русские, ни евреи. Они – то как раз подтягивают дикие племена к общей грамотности и ликвидируют их дремучую безграмотность. Ильич этот процесс так и называл «ликвидация безграмотности» и ликвидировал самых «отстающих». А Хрущёв, посетив США, вдруг обнаружил, что на примере СССР весь Запад у себя социализм уже построил. И потянулись в страны развитого социализма все детишки высшей партийной номенклатуры, включая и детишек самого Хрущёва. Они то, как Хрущёв и обещал начали жить при коммунизме, только в другом месте. Так что же вы хотите от диких племён? Они хотят самостоятельности. Они же не слепые, видят, что одно «дикое» племя создало себе государство Финляндию, другое – Болгарию, третье – Англию, четвёртое – США и т. д. И все брали своё начало в России. Если бы не русская эмиграция, то французы так бы до сих пор и вычёсывали вшей деревянными палочками. Племена хотят свободы и самостоятельности. Но вот с этого места в России начинается кошмар, а у всего остального мира – ликование. Начинают уезжать из России русские и увозить с собой идеи и порядок, следом утекают и евреи. Они увозят все те монеты, которые показывали. Ни те, ни другие ни в чём не виноваты, а если и виноваты, то только в том, что всегда стремятся ликвидировать чужую безграмотность.

Вообще-то, государство – это очень интересный феномен, придуманный кем-то для человека. Кто-то дал это понятие человеку для различения им порядка и хаоса. Благополучие государства зиждется только на том, как далеко продвинулось человечество по пути эволюции. Если в государстве хаос, значит его населяет и народ мало что знающий о порядке. Россия объединила разные народы, самые разные. К счастью, России, как государства, в ней периодически появляется Государственник, который из хаоса выстраивает порядок. Обычно это человек с европейской кровью, но сильно улучшенной русской кровью, в которой полным полно восточной мудрости и коварства. Такому человеку найти опору среди своих чрезвычайно тяжело. Свои на огромной территории грабят друг друга, выясняют, кто «круче». Государственник оглядится вокруг и увидит, что внутренней созидательной силы нет. Одни уроды, причём самых разных национальностей. А раз нет внутренней созидательной силы, значит надо искать силу внешнюю. Тот Государственник, который привёл на Русь монгол, был не так уж и не прав. Почти 300 лет был порядок. Русь спокойно торговала. Налог составлял лишь 10 %, до этого свои князья сдирали всё с тех, кто попадал под руку. Хотя в это же время и западные короли и вассалы обирали свои народы не менее жестоко.

Но огромное пространство и богатства Руси и с монголами сыграло злую шутку. Они тоже стали дробиться на отдельные ханства, дробя и армию. А ханы в свою очередь стали сеять хаос точно так же, как и русские князья до их «ига».

Государственникам пришлось искать новую силу. Такой силой стали московские князья, делавшие упор на казачество, т. е., на армию. Великий князь Александр Невский был одним из таких государственников. Потом был Иван Грозный – большая умница. Даже Пётр Первый, ярый западник, положивший начало оголтелому разврату и воровству чиновничества, своё восхождение начинал с «потешных» полков.

В Питере прижились оба петровских начинания: и разврат, и военные. Пропорции сохранились до наших времён: много и того, и другого».

Военный аспект Питера Сергея мало интересовал. А вот к питерским женщинам он был очень даже неравнодушен. Портовый город, вечно пасмурная погода, красота, хоть и сильно обветшавших, но великих зданий, делали всех женщин загадочными и недоступными. Но при первом же подходе и фиксации, оказывалось, что они все страшно недоласканные. А в этом городе всё располагало к длительным вечерам вдвоём, возле тёплого камина, за бутылочкой коньяка или рома.

Сергей через любимых женщин влюбился и в Питер. Сергей обнаружил, что до Питера он о женщинах не знал ничего. Да, у него была первая любовь «до глубины души», но она не коснулась тела. Потом была вторая, и третья, но эти женщины выматывали и душу, и тело. Они чего-то хотели, чего то просили, были чем-то недовольны. Они больше «охотились» за ним и ублажали какие-то свои мысли, чем любили. В Питере Сергей нашёл совершенно других женщин. Им, кроме него самого, ничего более нужно не было.

Это открытие так поразило его, что на него навалилось тяжким грузом вся его никчёмная жизнь до такой степени, что он впервые в жизни в объятиях женщины разрыдался, как ребёнок. Это были не просто слёзы. Это были реки слёз. Он ревел и бормотал: «Почему это именно сейчас и именно со мной».

Те вершины, до которых поднимался Сергей с питерскими женщинами, многим его одно-йцовым коллегам даже не снились. Только два любящих сердца могут слиться в экстазе. Всё остальное, как говаривал герой из фильма, «брехня». Бог браков не придумывал, но любовь он дал. Он даже определил места для любви. И Питер стал для Сергея таким местом. Многие книги классиков открылись для него другими гранями. Он интуитивно понял, что о той любви, которую испытал он, знали М.Булгаков и В.Орлов. Именно они привели человечество к мирскому пониманию таких понятий, как Бог – Отец и Богиня – Мать. Одно целое, неделимое, вечное. Тосковал о такой любви Ф.Достоевский. Догадывались, но так и не достигли понимания Л.Толстой, Э.Золя, Н.Гоголь, Куприн и многие другие. Да почти все великие писатели догадывались. Если бы они не догадывались, они бы просто ничего не написали. Иронизировали на тему любви (как люди могут иронизировать над Богами?) А.Чехов, Г.Байрон и, конечно, А.Пушкин. Александр Сергеевич знал о нашем мире всё, поэтому Богом считал себя – «старика», а Богиней – «старуху», вечно из-за своих капризов, сидящую у разбитого корыта.

Учёба в академии пролетела быстро. Выбор округов для дальнейшей службы в распадающемся СССР значительно сузился. Сергей не предпринимал никаких мер по их выбору. Его «сослали» в Забайкальский военный округ.

Оказавшись на задворках России, Сергей разве что не был волком на луну. Его охватила такая тоска при виде бескрайних степей, заваленных мусором, брошенных военных городков, домов без окон и дверей, что он «разразился» длинным трактатом, который назвал «Даурия как отражение власти».

В нём он писал: «Родина. Какая она? Для каждого своя. Забайкалье, 18 июня, 1891 года. Цесаревич Николай, будущий Царь – Николай II путешествуя по Дальнему Востоку, был проездом в Чите, где и позавтракал с казаками. В 1894 году цесаревич становится царем. Благодарное казачество в порыве святой радости и умиления от его восшествия на престол устанавливает на месте завтрака чугунную плиту с указанием числа, года и рода занятия».

Плита эта и поныне хранится в Читинском музее боевой славы, расположенном в Доме офицеров, и первой встречает каждого посетителя. Может быть, сама эта чугунная плита и была выдержана в стиле Гоголя или Салтыкова-Щедрина, но казаки народ хитрый и свободный, зря стараться не станут, поэтому уже через год после вступления Николая II на престол начинается строительство Китайской военной железной дороги. Железную дорогу проклады-

вали быстро. Как грибы вдоль неё появлялись разъезды. Наиболее важные из них: торговые, военные, перегрузочные, сырьевые – разрастались до поселков и получали названия.

Так в 1905 году один из железнодорожных разъездов получил название «Даурия». Поселок этот становится одним из самых важных военных поселений на всей КВЖД. До революции 1917 года в нем дислоцировались первый Аргунский и второй Аргунский казачьи полки, занимавшиеся охраной границы с Монголией, Китаем, и выполняли таможенные функции. Непосредственно военный городок по приглашению русского царя строили австрийцы с 1905 по 1912 гг. Ими были построены госпиталь, офицерский клуб, церковь и несколько казарм из красного кирпича. С ростом военного городка рос и гражданский поселок, бурно развивалась торговля. Народ ехал туда в основном на заработки или на государеву службу. Ехали ненадолго, а часто получалось, на всю жизнь: Забайкалье крепко удерживает всех, кто туда приезжает.

Трактат получился длинный, скучный, нудный и совершенно не похожий на «лебединую песню» военной службы. Сергей писал: «Человек смертен, но отношение к смерти у живых разное. В те годы и в том месте оно заслуживало уважения. Кладбище разместили на самой высокой сопке так, чтобы видно оно было отовсюду, и поселок с этой сопки был виден весь. Сочетание жизни и смерти, радости и грусти, а, главное, вечности. Хоронили русских, австрийцев, бурят на одном кладбище, ставили им добротные бетонные памятники.

Надеялись, что простоят эти памятники, как и дома, хотя бы сотню лет, уж очень основательно они строились. По работе и надгробье на долгую память.

Память? Если судить по красоте обломков разбросанных плит, это кладбище могло бы стать заповедным. Одним из тех заповедников, которые есть в Москве и Санкт-Петербурге и которые охраняет от нас весь мир. Даурскому не повезло: по нему прошла автомобильная дорога, кости были разбросаны по всей сопке, памятники пошли в дорожный фундамент. О чем думала власть, а, главное, созидающий народ? Наверное, зависть, что вот эти плиты с барельефами голов, орлами, некоторые с готическими буквами стоят на самой вершине, вроде как парят над живыми, над нами, а мы их – в фундамент – пусть будут под нами. Дело тут не в войнах и революциях. Сходите на наши погосты, родные русские погосты. Могилы напозают друг на друга, между оградами не пройти. Почему? У нас что, земли мало? Нет, мы и после смерти мешаем друг другу. Мы все перекаати-поле, сегодня здесь нагадили, завтра там. А главное, мы ни при чем, у нас жизнь такая. Но я играю за Россию!».

Во все времена в России при слове «закон» вышестоящий начальник просто звереет и начинает «матерно» ругаться прямо цитатами из него. В России законы не нужны, тут холопство – средство к возвышению. Здесь порядок. Командир приказал, начальник приказал – вот главный аргумент на всякое мнение. Тут страшно, если ты новичок. Умом Россию не понять.

Сколько тех, кто клеймил русский народ позором, называя его ленивым, грязным, пьяным. Сколько тех, кто его возносил, называя святым, оправдывал, списывая все беды на врагов его. Где тут правда? А правда – она в Даурии. Когда приезжаешь сюда, ужасаешься этому убожеству, скотству, пьянству, должностному беспределу. Пожив немного, привыкаешь, опускаешься сам и уже не хочешь уезжать. А если тебе удалось нажиться на этом бедном народе, обворовав его, ты будешь его бойко защищать. Защищать выгодно, но только не кого-то в отдельности, а всех сразу. И нас защищают: церковь, Дума, разные министерства. Разорвало на куски журналиста Холодова, и сразу в далеком Забайкалье во всех частях округа командование собирает офицерские собрания и ставит перед фактом уже написанного от их имени открытого письма с призывом не дать опорочить армию. Сняли с должности за воровство, так ведь не посадили – значит, сомневаются: банда-то одна. Почему к власти у нас приходят одни воры? В ответе на этот вопрос, наверное, скрыт код народа, а в коде заключён и ответ всем защитникам деловой, моральной и духовной жизни русского народа. А из кого выбирать? Вернее, из кого выбирают, а достойные – хотят ли? Или они просто прохожие в России, игроки: «Проходи прохожий, не топчи мой прах, я – то уже дома, а ты ещё в гостях».

Тоска в этом гарнизоне сквозила отовсюду. А там где тоска, там и вопросы. Сергей писал: «С чего начинается Родина? А если я скажу, что с бутылки, много ли шуму это вызовет? Увы, нет. Ведь это не я говорю, что Россию спаивают, это мне внушают с детства. Чтобы я осознал с пеленок, что это национальное бедствие, вернее, достоинство, с которым, конечно, надо бороться, но не сильно, о котором надо говорить, но в полголоса. И голос, самое главное, подавать о пьянстве не в связи с тем дерьмом которое нас постоянно окружает, а исторически. Не говорить в совокупности, например, о власти и пьянстве, об армии и алкоголизме, о трезвости и эмиграции, а говорить обо всем отдельно, чтобы высокая добрая русская душа сознавала, что только затуманенная «пьяным алкоголем» она, бедная, и соответствует загадочной русской ментальности. Но она действительно соответствует, иначе за Россию бы не играли.

Я уже давно человек сильно пьющий по медицинским меркам, ибо пью каждый день, но трезвый по общепринятым, ибо доношу до дому себя сам, а, главное, пью исключительно в кругу друзей и по поводу.

Трезвому никогда не понять, какое иногда озарение находит после удачно выпитой четвертушки. Должен, правда, заметить: тут кого куда понесет. Меня вот в литературу, и все больше на сочетание «хлеб с маслом», «сигареты с кофе», «трезвые – в эмиграцию». И чем больше таких сочетаний лезет в голову, тем дольше запой, тем глуше тоска. А ты попробуй, возносясь и охватывая Россию умом с её нищетой и богатством, урожаем и недородом, сытостью и бедностью, не впасть в тоску. Вот я и впадаю, но всё равно играю.

Почему уезжают из России трезвые и умные? Природа им не нравится, или в наших необъятных просторах тесно? Нет, не это. От своей ненужности здесь, от нежелания жить в алкогольном бреде. Начинает такой трезвый умник необычно работать или мыслить и сразу получает в «поддых». Не высовывайся, если повезло тебе родиться от нормальных родителей, а не быть зачатым в «пьяном алкоголе». Не высовывайся, если в доме или квартире, где ты рос, не было потомственных пьяниц. Не высовывайся, если жизни тебя учили не в подворотне, а в школе, где не издевались над отличниками. Трезвый, ты не наш человек, не ты определяешь лицо моей страны. Пока ты не высовываешься, мы ж тебя не обижаем. Работай, не будем тебе мешать, но не надо новаторства. Думай, не будем тебе мешать, но про себя. Откуда вы только беретесь? Мы вас учим, учим уму-разуму, а вы вместо благодарности совершаете предательство, покидаете нас.

А кто вам жить мешает? Запил, и сразу наш человек, и ехать никуда не надо. Мы, весь русский народ, всегда тебе будем рады. Делай, что хочешь, твори, создавай, только пей вместе с нами. Нашего Левшу весь мир почитает, а мы больше всех. Почему? Потому что протрезвел, блоху быстренько подковал и опять запил. А пока он в запое, этот наш истинный гений, не покинувший нас, и мы, недоумки, своих блох подкуем, свое производственное задание выполним. Ведь это для себя мы все гении и таланты с отобранными человеческими правами, а для других? А на деле? А какие условия мы создаем вам, трезвенникам, чтобы вы пили с нами и каждый день? Всюду грязь и запустение. Зато какой покой во всем этом и ожидание чего-то лучшего, светлого. Где ты еще такое найдешь? Где ты найдешь народ, который живет надеждой, каждый день надеждой. Ты попробуй на трезвую голову каждый день надеяться – свихнешься. Вот мы, настоящие русские, наши, и пьем. Ибо надеешься-надеешься, надеешься-надеешься, а оно, настоящее, не меняется. Бац и запил. Пока пьешь, жизнь легка и удивительна, а протрезвел – как заново родился, опять весь готов к новым надеждам. А надежды у нас какие светлые, душевные. Вот власть из запоя выйдет, жизнь облегчит. Она же, родная, в свою очередь на нас надеется, что, пока мы в запое, бунтовать не начнем, водку дешевле делает. Главное, равновесие сохранять. Опять же надеемся на загробную жизнь в раю, вот детей на ноги поставим – по миру пойдут. Душевно. Церкви у нас есть, попы свои, в народ они, правда, неохотно идут, разве что на базарах толкуются, пожертвования собирают. Один поп в Думу один пролез, рясу до сих пор снять не хочет, так подают больше. Но мы в церковь ходим и подаем. А как же иначе?

Напьешься пьяный, морду кому-нибудь набьешь, а то и зашибешь ненароком. Пойдешь, покаешься, она, родная, все грехи отпускает.

Кстати, трезвенник, только наша родная церковь все грехи отпускает, с пьянством не борется и к труду не шибко призывает, все больше к нищете и милостыне зовет. А что взбрыкнет иногда против чуждых нам религиозных влияний, так это нам понятно. Они ж, чужеземцы, все хотят бесплатно оттяпать, даже веру. Кому же такое понравится? Хоть мы и за соединение, и за солидарность со всем миром за одним общим столом, но при условии: стол с закуской от них, а земля пусть, так и быть, от нас, пока у нас демократия, а то ходить за тридевять земель пьяному несподручно. Надо сказать, мир нас понимает: то кредит в протянутую руку положит, то дом для офицеров в Москве построит. Как же иначе, мощь-то какая, попробуй не дай! Вот соображай, трезвенник, почему мы так живем и что лучше: уехать или остаться. Уехал, считай, пропал, ностальгия одолеет. Остался, закалился как сталь. И тот, кто над нами хохочет, это понимает и этого боится. Он наставит силков и ловушек для нас, и ждёт, когда мы в них «заблудимся», а мы то пьяные, то с похмелья всё время проходим мимо и спасаемся, обрывая его хохот. И вот он уже ревет, и всё рушится и горит, смывается волной и тонет, а мы от этого рёва только трезвеем и ему надежду подаём, что пить бросим. Но ему ведь тоже надежда нужна. Выбирай, с чего для тебя начинается Родина и чем заканчивается».

Даурия, однако. Сто лет ей исполнилось, однако. Разрушали её и строили. Из воспоминаний одного сторожила: «Не было в городке ни благоустроенных казарм, ни домов начальствующего состава, ни столовых, ни клубов, ни других помещений, считающихся ныне обязательными для повседневной жизни воинской части. Жили бойцы и командиры в частных домах, пища готовилась в походных кухнях, лошади же размещались во дворах местных жителей, но никто не считал такие условия жизни ненормальными.

Вся Советская страна переживала тогда исключительные трудности. Лишь осенью 1922 года полки бригады стали квартироваться в «красных казармах» на окраине городка. В 1922 году со дня строительства последней казармы с полуметровыми стенами, с печным отоплением каждого подъезда, где на первом этаже были конюшни, а на втором этаже жили казаки, не прошло и десяти лет. За это время семеновцы успели, отступая, взорвать церковь – это те еще русские офицеры взорвали храм божий, а мы говорим, вера была. Вера то, конечно, была, вот только не в попов. Попам ничего офицеры оставлять не хотели, так как это они паству довели до атеизма. Растащили и сломали все, что смогли и успели. Казармы в 1912 построили, в 1920 разрушили, в 1922 году восстановили, и с тех пор история повторяется с периодичностью в 20-30 лет». Но если в 1920 году для разрушения были вполне объективные причины, власть менялась, то дальше мы следовали нашей ментальности, неизменной до 1917 года и после».

В этом контексте проходила и служба Сергея. Он писал, когда был трезв: «Созидающей силой у нас всегда выступает начальник. Раньше это был барин, дворянин, потом номенклатурщик, сегодня «народный» избранник. Остальные же находятся в совершенно равнодушном состоянии или в «здоровом недобре» и желании это созидание разрушить. Сегодня, когда «избранники» насозидали по всей России шикарные особняки, народ, затаившийся в «хрущевках», опять ждет, когда же будут ломать. Мы друг о друге не думаем, не успеваем. Но не об этом, однако. Поговорим вновь о Даурии.

Главной созидающей силой в Даурии всегда был начальник гарнизона. Мне повезло служить там при двух. Первый говорил о вверенном ему гарнизоне: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца», второй: «Это ужас, летящий на крыльях ночи». Но несмотря на отсутствие денег, на сокращение армии и почти полное отсутствие солдат, они были «творцами». Они и стали генералами.

Им с курсантской поры внушили, если ты хочешь, чтобы тебя заметили и продвинули, надо совершить героический поступок, непременно надо уморить множество солдат, но если такой возможности нет, то что-то переделать, разрушить старое, построить новое. Только так,

без перспективы, без альтернативы, пока все пьяные. Ублажить того, кто хохочет, можно только «кондовым», «мелкотравчатым» поступком.

Главное не рядом с тем, что уже есть, улучшая и дополняя его, а вместо. Это общий принцип, стиль жизни, если хотите, нашей власти. В Даурии она как под микроскопом. Но у того, кто хохочет, есть деньги, и на них он покупает души.

Степи, голые сопки вокруг. Твори, застраивай, сажай деревья, вноси свое живое, облагораживай, развивай. Наверное, первым и единственным после австрийских инженеров, русских купцов, которые что-то хотели оставить после себя на долгую, добрую память, был Рокоссовский. В марте месяце 1932 года он был назначен начальником гарнизона. По его инициативе был разбит парк. Деревья успели вырасти и стать большими. Старики помнят, что по выходным дням в парке играл духовой оркестр, работал тир и продавался квас. Шумел листвою этот парк еще лет тридцать после Великой Отечественной войны. Рокоссовский понимал красоту, любил женщин, так понимал и так любил, что мог забыть о всех земных делах и умчаться в водовороте других событий. Сталин его не трогал, наверное, понимал и любил.

Менялись начальники. После войны каждый ставил памятники погибшим в боях воинам, ставили их как в городках, так и на территории каждой отдельной части. Самые смысленные просто ставили самые большие танки ИС или КВ на бетонные пьедесталы. Быстро делается, сразу видна работа, а сломать уже невозможно. Эти «скульптуры» стоят до сих пор и во множестве. Но так или иначе начальствующий ум лет тридцать был занят, и до парка руки не доходили.

Потом его срубили и разбили на его месте стадион. Почему на месте парка? Ведь там, куда ни глянь, степь да степь кругом. Но как же показать рвение и преданность тому, кто хохочет? Памятников полно, парк есть, и лучше его в голой степи ничего создать невозможно, значит, надо вырубить, а на его месте сделать стадион. Кости по сопкам, танки на пьедесталы, стадион вместо деревьев, единственных, рукотворных в степи деревьев. Дальше – больше: приходит плеяда «необыкновенных», «выдающихся» начальников гарнизона. Строится новый городок. Главный строитель становится министром обороны. Ломаются старые памятники ветеранам. Ветераны пытаются их защитить, но «государственное» дело важнее, ломаются автономные котельные, грабят и ломаются казармы, вечные строения. Строятся «хрущевки», пятиэтажные панельные дома с одной центральной котельной, это в Забайкалье-то! Все эти дома скоро рухнут сами по себе, но пока они питают и мучают мысль вновь приходящих начальников, которые проводят дни в молитвах, чтобы рухнуло это не при них.

Мне «посчастливилось» застать совершенно анекдотичные порывы к карьере и росту. Задумал очередной начальник обнести все дома железной оградой, и задумал он это зимой, при температуре в минус 35 градусов. На отопление земли носили последние полы, двери, перила из полуразрушенных красных казарм, на ограду – из них же вырванные водопроводные трубы. Долбили в вечной мерзлоте лунки, ставили в них трубы, заливали их водой, которая моментально превращалась в лёд. Ограда стояла, правда недолго, порыв был отмечен, награда получена, а дальше – весна, таяние льда, ну и сами знаете – «пусть хоть не рассветает».

Почему этот маразм из века в век возможен? Есть в Даурии второе кладбище. История его возникновения связана с началом Великой Отечественной войны. Для прикрытия границы тут была оставлена 111 стрелковая дивизия. Кормили и одевали солдат плохо, умирали они от дистрофии и холода. Зимой могил не рыли, сжигали трупы в котельной, видимо, госпитальной.

Летом похоронная команда рыла впрок, в том числе и для себя. Пока земля мягкая и какая – то сила есть, не ровен час помрут все или с места авралом тронутся, копать будет некому, так и останешься на земле до лучших времен (сколько из наших «задержалось» незакопанными). Рыли неглубоко, на 30-40 см, хоронили помногу, надгробий, конечно, нет. Только шутят, уходя на пенсию, что все, пора в 111 стрелковую дивизию: «Проходи прохожий, не

топчи мой прах, я уже дома, а ты ещё в гостях...». Не по-людски, а зачем по-людски, и как по-людски?».

Считать народ, населяющий Россию, святым можно или из монастырской кельи, проводя время в молитвах о нем, или из-за ученого стола. Главное, оторванность от народа. Чтобы считать его великим и святым, нужно быть от него страшно далеким. Находясь же в народе, дыша с ним одним воздухом, поражаешься бестолковости, мазохизму и лени.

Дороги и дураки – это родное понятие. Святая Русь – это путаное, хотя и приятное. Мы, видимо, до сих пор еще первобытны, близки к природе. Понимаем только силу, думать и работать самостоятельно и ленимся, и боимся. Всегда впереди себя ищем либо вождя, либо козла-провокатора. Больше любим и помним начальников, которые всегда нас «давили». Мягких не любим. Почему? По глупости и лени. Мы с радостью бы не работали и воровали, где только можно, но испытываем чувство страха перед наказанием. У мягкого начальника все пущено на самотек. Между нами возникает конкуренция, многие украсть не успевают и жаждут мести. Сильный же гнет всех, конкуренции нет, ворует сам больше всех, это сплачивает других, а, главное, это нам понятно: «хоть худо – да любо» – ведь сила! Демократия у нас не приживается, мы для нее не созданы, мы сразу идем вразнос и остановиться мирным, законным путем уже не можем. Да это и невозможно. Та власть, которую мы растим и ставим над собой, уже предопределяет исход.

Виноват народ, виноват в том, что лучшие выходцы из него не имеют возможности расти за счет своих дел. Эта невозможность расти за счет своих мозгов выводит особую породу начальников, хитрых, злых, жадных, без чести и совести. В нижнем звене еще можно быть честным. Будут переводить, не давать «роста», уволят, наконец. Но нижнее звено – основное звено, где к тебе присматриваются, отбирают из «народа» наиболее «достойных». Проверяют не на ум, а на преданность, на изгиб, на вредность, на жадность и терпение. Попасть в «стаю» очень непросто. Но уж если попал... Что в стае замечательно, в ней даже предать невозможно. Это за рубежом возможны скандалчики, разоблачения, у нас нет. У нас такое чистилище, такой отбор, что даже, если совесть тебя загрызла где-нибудь на самом вершине, сам по себе ты уже не интересен и не опасен, а найти себе подобного не сумеешь. Поменять что-либо вряд ли возможно. Тут нужно время, воспитание, выращивание элиты. Это на Западе рекомендации, деньги, заслуги. У нас отбор, чистилище, наш не наш. Круче наших мужиков, наших начальников, власти нет нигде. Чистилище наше не чистит, а разлагает. И чем замедленнее процесс, тем страшнее результат. Забайкалье все время было житницей и кузницей таких кадров из народа. А Даурия – центром, жемчужной этой кузницы. Но это всего лишь чей-то хохот и искушение, которое нас, конечно, задевает, но не поражает. Иначе, кто бы играл за Россию?

Даурия – это особый отпечаток, это совсем другое понимание жизни, это дно. Люди, которые были там и которые там не были – это совершенно разные люди. Мне ближе те, которые там были и остались людьми, а начальники, власть, наше отношение к ней – это искушение того, кто хохочет, но он же и ревет. Реформы в России, в том числе и военные, всегда приходились на периоды, когда казнокрадство, взяточничество и должностной беспредел становились просто опасными, когда из-за этих злоупотреблений государства уже не было видно.

Наши сегодняшние реформы – это, вообще, явление в истории уникальное. Вместо того, чтобы ослабить тот опасный предел, до которого мы дошли в период «застоя», остановить разложение, вместо этого и всему этому был дан зеленый свет. Мы все личное, человеческое, что называется гордостью, независимостью, патриотизмом, забиваем друг в друга с особым старанием, будучи трезвыми и следуя за очередным «мудрым» руководством. Это формирует в нас комплекс «маленького» человека. Лицемерие и хамство – основной гнет нашего терпеливого народа. Страшно даже не это хамство. Обидно, что эти униженные люди даже не обижаются. Эта беззащитность, лицемерие, хамство, глупость порождают новое творение того, кто хохочет, нового начальника, и чем больше он растет в чине, тем хуже он становится. Наш началь-

ник – это болото, чем оно больше, тем непролазнее и вонючей. Но что нам до того, что бываем оплеваны и охаяны своей же властью, «собака лает – ветер носит», да и жить спокойно долго мы ей не даём. Цареубийства, народные войны, бунты, революции, перестройки – это всё наша жизнь. Я знаю. Я давно играю за Россию.

Еще одно рабское проявление русской ментальности нагоняет на меня страшную тоску. Шутят, говоря, что в России секса нет, врут! Есть, еще какой! Мы лижем начальника и сами получаем кайф. Хотя везде наоборот. Надеюсь, и мы к этому придем. А у нас лизун «тащится», облизываемый злится, а тем, кому лизнуть не удаётся, всегда готовы к бунту. Вот они условия, вот она среда, вот они мы. Но мы ли это?

Чтобы творить, сочинять стихи, писать картины нужно общение с себе подобными. Чтобы творить талантливо, к этому надо добавить недовольство собой, жизнью. Чтобы творить гениально, надо дойти до предела отчаяния.

Писатели, поэты, художники даже при внешнем благополучии все время на грани этого предела. И хорошо, если каждый день находишь, чем свое отчаяние подкормить, какой новой мыслью себя утешить, а если не находишь и уже на грани, быстро угасаешь здесь, но где-то рядом спасение.

В России есть с чего затосковать. Едва рассветает, бомжи уже ползают по мусорным ящикам, за ними следом идут кошки, собаки, а в Забайкалье даже коровы, невозмутимые, живучие забайкальские коровы. Они медленно жуют консервные банки, я о таком даже подумать не мог. Изо дня в день по одной тропе ходят бомжи, кошки, коровы, собаки и все остальное население. Настроение на Родине – это что-то безликое, видимо, в силу того, что, совершая ошибки, мы приобретаем опыт. Становясь опытной, опять совершаем ошибки, но эти ошибки переживаются уже не так остро, а часто просто не замечаются. Даурия, после тебя уже нет ничего, чему бы можно было удивляться, чего бы можно было испугаться, здесь стареешь не по дням, а по минутам.

Жизненный опыт – это когда в 35 лет ты выглядел на тридцать, а потом сразу на 45. Набравшись ума, опыта, успокоившись и став максимально полезным этой Земле, приходится уходить. Живет незрелое, «зеленое», надеющееся. Хотя от созревания никуда не денешься, но это созревание необходимо на что-то направить, раз уж родился. Раз так неудачно получилось, в том смысле, что человека формирует не время, а семя. Вот это семя кому-то открывает глаза, а кому-то нет. Первым, конечно, хуже, но и видеть не мало.

Видеть? Что я видел за прожитые годы? Что видели недавно родившиеся и уже прожившие жизнь?

Дикость разных народов под общим названием РОССИЯНЕ.

По многонациональности мы сравнимы с Америкой, но население США составили представители наций, в том числе и русской с богатейшей культурой, со сложившимися моральными принципами, с чувством собственного достоинства и уважением к закону, пусть и воровскому. Кто бы они ни были первоначально, бандиты, воры, мошенники, лодыри, они видели и знали, как должно быть. Россия же несёт тяжелейшую ношу. Она объединяет народы еще очень и очень дремучие. На этом фоне каждое выделяющееся лицо сразу кажется святым. И это незаурядное рвется за границу само, или его от нас просто выхватывают, а оно несильно сопротивляется. Куда «зрячему» деваться, если чувство патриотизма губят в нем с детства. Гражданином быть обязан, несмотря ни на что. Восхождение через всё общество, а если оно «тёмное» и дремучее?

Родина моя, мой очаг, приют и защита. Счастливы те, кого это чувство не покидает всю жизнь? Есть ли оно у нас? Может быть, под этим вопросом необходимо собирать подписи и проводить референдумы, пока еще кое-где и кое у кого выскакивает здоровый сперматозоид, то есть то самое семя, которое открывает глаза. Хотя тут уже начинается юмор. Сначала мы доводим до «ручки» «зрячих», а потом начинаем ими восхищаться, говоря о литературе, живо-

писи и даже научно-технических «шарашках» как о великой русской мысли. Мы все при этой русской мысли теоретики. Это и интеллигенция, которая «улетает» от реальной жизни; это и богатые, которые так доворачиваются, что любой катаклизм вроде революции или перестройки принимают как наказание за грехи, но ни остановиться, ни думать о будущем не могут. Это и обыватель как трезвый, так и пьяный, много рассуждающий о судьбе России, забыв при этом о своей. Мы все теоретики. Теоретикам не надо думать о следствиях, а, главное, не надо принимать решений ни сегодня, ни завтра. Как будет, так и будет.

Теоретически Россия обречена на успех. Но кто к этому успеху приведет?

Русские женщины? Они слишком глупы, много и впустую работают, когда надо просто трудиться.

Мужчины? Они сильны только в массе своей и объединенные чужой волей. Поодиночке они никакие и дороги женщинам, своим женам, матерям, чаще всего как память, ибо взять с них больше нечего, они слишком долго и усердно самоуничтожались.

Дети? Кто бы дал им образование?

Старики? Они слишком злы, да и не успеют уже.

Власть? Это уже юмор. Наверное, Россия – единственная страна, где нет и не было ни одного царя, генерального секретаря, президента, которого бы благодарно помнила вся нация. Не было, нет и... надежда умирает последней.

Церковь? Она во многом и есть суть нашей дикости и дикости власти над нами. Церковь, которую нам навязывают, – это вечное чувство вины, страха наказания ни за что, а просто так. Много смеешься, церковь накажет. Если постоянно в горе, то церковь не накажет, а за подаяние и утешит, но жить в горе сам не хочешь. Наша церковь, как и чиновник, все видит, за все наказывает и прислуживает только сильным. Даже татаро-монгольское иго обирало народ меньше, чем церковь. Это порождает вечный страх, боязнь самой жизни, поэтому рушили и взрывали «божьи» храмы. Народ интуитивно рвался на свободу. Теперь восстанавливаем с мыслью о том, что все, что произошло, – это наказание за грехи, за отказ от Веры, Царя и Отечества, за попытку отказаться от вечного страха. Но мы себе не изменяем, опять церкви – попам, а себе – Православие. Пока попы и чиновники воруют, мы верим в православие и в искупление. Главное, нас в тоску не вводить. Боятся, в основном, люди совестливые, им не прощается, все же остальные в нашей церкви могут свои грехи замолить.

Россияне – это люди, которые не знают, чего хотят, и, не зная, пробуют всё подряд: от водки до полётов в космос. Вот в чем весь ужас для внешнего мира и, наверное, благо для нас! Пока они там разберутся с нашим очередным «вывихом», мы уже успеем «свихнуться» по – новому.

Под строительством, реставрацией церковей сегодня мы понимаем искупление вины. Как просто. Рушим – искупаем, строим – искупаем. Каждому поколению свое искупление, свое покаяние. Ни больше, ни меньше.

Душа согрешила, а тело в ответе. Из всего числа всевозможных ответов на вопрос «Почему мы так плохо живем?» более других нам знакомы эти: первый, самый знаменитый – «дороги и дураки», второй – «власть тьмы и тьма власти», третий вытекает из первого и второго – «Россия – страна пространственная, чтобы управлять ей, нужны особые люди, не люди, а звери». Все эти выражения оправдывают диктатуру, самодержавие, любую сильную власть в России. Люди, которые хотят видеть Россию сильной державой и за счет этого занимать сильное, личное положение в мире, борются за свою власть над Россией. Они меньше всего думают над законностью власти, ибо если и встречают сопротивление своим целям, то только со стороны таких же, как они, «волков». А между ними, этими «волками», и народом огромная армия чиновников, развращенных жизнью полудурков, которым все равно куда и за кем идти. Россия пережила нашествие татаро – монголов, Рюриковичей, Романовых, она пережила

нашествие большевиков, сегодня она переживает нашествие реформаторов, но она никак не может пережить нашествия чиновников.

Развращает чиновников, в основном, собственная нищета и, конечно, полное беззаконие, которое они и творят, чиновникам законы не нужны. Они должны быть послушны до раболепства «волкам», с них только за это и спрашивают. Наша сегодняшняя демократия должна была накормить именно этот класс – чиновников, отделяющий «волков» от полных дураков. Но из этого сделали тайну. Перестройку начали люди, несомненно, умные, но, к сожалению, опять большие плуты. Наши идеологи, воспринявшие искренне перемены, бросились будить народ, рассказывать ему правду.

Народ ошалело стал эту правду искать и для себя, но быстро выдохся, столкнувшись с чиновниками, с еще большим беззаконием. Чиновники обрадовались и стали брать взятки, воровать, уж не таясь совсем. Они получили на это вышестоящее «добро» того, кто хохочет. И давай обирай ближних: «Богатей, а там видно будет, кому «направо», кому «налево».

Виток спирали повторился, дураки сидят без зарплаты, полудурки находятся в томящем душу ожидании новых перемен и готовности вновь предать, а «волки» пытаются разобраться, созрел чиновник для новой жизни или нет. Загадочная русская душа. Совершит ли чиновник новое предательство, несмотря на все приобретенные блага, вертящееся «заморское» кресло под задницей, компьютер перед глазами с разными «заморскими» играми, покой и сытость вместо материалов очередного пленума ЦК КПСС, газеты «Правда» и ужаса партийной комиссии.

Я думаю, он не должен от всего от этого отказаться. А раз «волки» и «полудурки» уже сыты, остался один шаг к «дуракам». А тут уже нужен закон, ограничивающий беспредел «волков» и «полудурков» над нами, над «дураками». Но закон нужен дуракам, которые к его написанию не допущены. Может быть, все и не так плохо, может быть, наконец-то в очередной раз Россия на правильном пути. Может быть, может быть. Но сходила ли она с него?

Чиновник. Это родное, уголовно не наказуемое явление, которое мы возвели на пьедестал и теперь все время закатываем глаза близ его и тьякаем на него внутри своей «будки», вместо того, чтобы определить, что ему можно и чего нельзя. Россия – страна единоначалия, с одной стороны звероподобные держиморды, поддерживаемые жадными, трусливыми овцами, зато с другой... Начальника постоянно преследуют два чувства: либо невыносимое чувство неудачника, либо всемогущего руками – водителя – онаниста.

К сожалению, они подобны и, ничего не давая уму, только усиливают все его дурные наклонности и еще больше толкают на хамство и воровство. Он считает, раз я начальник, читай чиновник, читай командир, значит, красть надо как можно больше. Надо давить всех, кто рядом, испытывая их терпение. Может эти бессловесные скоты вспомнят, что у них должен быть досуг, отдых, нормальная человеческая жизнь, а не вспомнят, им же хуже. Вообще, доводить народ до отчаяния, особенно на российских задворках, сегодня стало для чиновника навязчивой идеей. В центре демократия, народ перестал разбегаться из российских столиц и даже начал туда съезжаться.

Перестали отлавливать бомжей. У чиновника появились конкуренты от демократии. Это очень опасно, все, что начальник может передать по наследству, это свою должность. Значит, гнет надо усиливать, чтобы умные снова убежали, хоть в Сибирь, хоть на Запад. А для этого надо создать условия и первому заявить о непереносимых тяготах в новых условиях, заставить народ «бурлить». То ли чиновники вырождаются, то ли «народ», который их плодит, уже сам стал настолько слаб и подл, что ничего хорошего уже родить не может. До чего дошло, даже воровать стало неинтересно. Пришел – взял – ушел, пришел – взял – ушел, пришел – не дают, наорал – взял – ушел. Выродились, совсем выродились. Хватают все подряд. Тумбочку солдатскую дай, обои на стены дай, карниз для штор дай мне. Дай, а то закричу! Как дети у прилавка с игрушками: дай мне, а то будет истерика. А что значит забрать у трудового «народа»?

Это значит, что он утратит настрой на хорошее созидающее начало. Начальник, которого уже умудрил жизненный опыт, будет стараться взять столько, сколько по его разумению можно брать вообще, чтобы хоть что-нибудь осталось последнему человеку в армии, в государстве.

По всему этому промежутку: от генерала до солдата, от президента до нищего с протянутой рукой – на то, что брать уже вроде как нельзя и нечего, всем глубоко наплевать, а чем они хуже? Вот и оказывается, что нет ни средств, ни денег. А чтобы мы не задумывались над тем, что творят над нами, на нас все время орут и пугают. Надо сказать, мы того заслуживаем. Обычная картина не только для армии: командир, насосавшись с вечера коньяка, часто дарового, отчитывает своего подчиненного. Коньяк не дает запаха перегара и позволяет чувствовать себя над всеми, «все люди навоз, а я именно та муха, которая на этом навозе произрастает». А бедный подчиненный, он ничего не слышит, он с вечера нажрался плохой водки, в лучшем случае закусив ее кислым винегретом. Весь взъерошенный и поцарапанный, ибо где-то ткнулся лицом в перила. Он стоит, ничего не слышит, но понимает, что его пример другим наука, что начальник такой же скот, но сегодня он начальник, и надо выдержать до конца. Потом они оба разойдутся как на дуэли, только не стреляться, а похмеляться.

В России уже давно обижают не слова, а действия. Это страшно, это деградация языка, народа. Разве может затуманенный алкоголем мозг утрачивать слово. А до реального дела, как правило, не доходит. Во-первых, здесь нужно начинать с себя, это значит противопоставить себя укладу жизни, традиции, а главное системе. В России издавна ведется, что все решается в пользу того, кто больше поставит вина. Во-вторых, пьяница – это твой раб. Любому начальнику легче с пьяницей. Его легче сделать лично преданным. Пьяный может совершить множество проступков, ведущих в кабалу, а главное, ему и надо-то немного, и этим умело пользуются. С трезвым же очень тяжело. Он с моральной точки зрения неуязвим. Но с деловой уязвим значительно больше любого алкаша.

Ничего шкурного, личного поручить ему нельзя, лично не предан, значит, независим и делать ему больше нечего, не пьет, значит, не болеет, не страдает, вот и пусть пашет. Эта трезвая «Сивка» пашет, но все свезти не может и ищет выход. Хорошо, если оптимист, а если наоборот? Почитайте Достоевского, Гоголя, Некрасова, Л. Андреева, поинтересуйтесь их жизнью и, может быть, задумаетесь над своей.

Сергей впал в нешуточную тоску для офицера и занялся самоанализом: «Как изменила меня Даурия? В Даурию я ехал без надежд, без умения радоваться, трудоголиком. Словом, со всем набором тех положительных человеческих качеств, которые могли загубить любую соприкоснувшуюся с моей жизнью. В Даурии же очень быстро понимаешь, что все это не нужно и даже бесполезно. Работать надо как можно меньше, отдыхать как можно больше, радоваться каждому дню, в котором была вода, свет, тепло, и ничего не брать в голову. Ибо вся руководящая власть живет именно так: от рюмки до рюмки ей некогда ни думать, ни работать. Она наша плоть от плоти. И здесь два пути: либо запить со всеми вместе вглухую, либо хохотать над всеми и над собой. Причем, оба варианта примерно одинаковы, только первым на все наплевать в силу физического воздействия алкоголя, а вторым в силу состояния души. И живем мы в одном общем дурдоме, и жили бы счастливо, если бы время от времени не попадались умники, которые спьяну пожелали стать полковниками, генералами, депутатами и министрами. Без этих умников жизнь была бы просто легка и удивительна. Дни похожи друг на друга, как близнецы, в них нет ничего нового, но к ним невозможно привыкнуть. Каждый день чувствуешь себя персонажем из анекдота.

Хочется посмеяться, но это невозможно, ибо ты сам – анекдот, о тебе анекдот, а сочинили его другие, они хохочут. Ежедневные 4-часовые совещания при 8-часовом рабочем дне и 2-часовом обеде, но говорим мы после рабочего дня. У редкого командира в голове мыслей ровно на рабочий день. Обычно жена стерва, сын двоечник, вышестоящий начальник – тварь. От всего от этого у командира совершенно беспредельный полет мысли, и им, полетом, хочется делиться

с войсковыми товарищами. Часа два выступает он, сольным номером. Потом спрашивает, что имеют сказать замы. А я и есть один из тех замов, и у нас у всех уж мозгов нет, но есть рвение к службе, основанное на тех же проблемах, что и у командира. Оно, это рвение, потому только и есть, что больше ничего нет. И тут начинаются выступления по 30-40 минут, в зависимости от прожитого дня, съеденного обеда, встречи с женой или любовницей. Это рвение, этот страх, что если будешь говорить мало, значит, так и работаешь, значит, у тебя все хорошо, а это уже нехорошо, разжижает мозги полностью. Зачем думать, если можно озадачивать. Скука. Тоска. Пытался на совещаниях рисовать, писать, но какой бред все несут, поддаешься этой массовой шизофрении, роняешь голову на стол и тупо слушаешь, и некуда деваться.

А впрочем, что такое 4-часовое совещание, пусть даже ежедневно: и в субботу, и в воскресенье, если подведение итогов может затянуться на целый день? Как правило, ничего там не подводят. Что подводить, если и так все «подвинуты». Начинает обычно самый большой по чину командир, и все об одном и том же из года в год: «Вор должен сидеть в тюрьме. Вы это должны понять, товарищи командиры, правильно и к этому готовиться. Отсутствие всякого присутствия ведет к преступлениям, воровству, которые походят на обычную повседневную жизнь». Иногда промелькнет здравая мысль: «Почему мы такие закоренелые дубы, почему мы не думаем?», но такие мысли, как мимолетные виденья. Вроде правильно всё говорит. Но это фасад. А за фасадом делёж власти, вымещение своих мелких обид, взятки и подношения....

И снова: «Вызвать к себе в кабинет и понюхать. Сознательное приведение себя в алкогольное опьянение, потому что офицер не загружен, ему нечем заняться. Каждый становится бугром и т. д.». Это не юмор, это дословное цитирование.

За командиром по-прежнему в бой рвется заместитель по политической части, видимый боец невидимого фронта. Он борется с дедовщиной, с пьянством, с воровством уже лет 25 и все время терпит поражение, под старость лет от частых связей с общественностью начинает путать слова. Никогда не поймешь, о чем он думает и что говорит. Но речь всегда эмоциональна и ярка. Тема одна: «Плохо кормят, плохо одевают, плохо заботятся о солдате и почему мало дают рассолу». С первых рядов подсказывают: «Товарищ полковник, не рассолу, а подливы», но разве собьешь с толку увлеченного борьбой человека. Тем более, что в этой борьбе он готов продать всё.

Ну, а за ним уже власть говорят все остальные. Так много говорить и так часто, наверное, умеют только офицеры и депутаты, а я вот еще писать начал. Все-таки «шиза косит наши ряды».

А бывают дни веселые. Это когда командир приказывает собрать коробку со жратвой семье, чтобы с голоду не померла, любовнице, чтобы исправно давала и чувствовала «ласкающую руку», вышестоящим друзьям.

Было бы с чего. В России, когда еще один мужик двух генералов кормил, а теперь мужиков сократили. Семье еще кое-как тыл набирает, а остальных приходится забыть и давать по мере поступления жалоб. Вот тут мы веселимся. Ведь это «чудо», которое командует (предпоследнее было под символической фамилией Лукошко), не прибежит и не скажет, что из-за того, что мы не насыпали его любовнице мешок ядреной гречки, сахара и т. д., с ней случился нервный припадок, и она не дала.

Он будет орать, что тыл ничего не делает, что тыл плохой, а заместитель по тылу хуже всех, ибо даже «графин со склада украсть не может», и что он всех стгноит, хребет ломает, и так громко он все это орет, что приходится делиться, даже в Забайкалье. Но это уже терпимо.

Наш тыл удивителен, с ним все борются, ему все вредят, а он живет, не сдается. Тыловики настоящих, правда, мало осталось. Всё больше назначают на тыловые должности перезрелых комбатов, спившихся замполитов и прочих, кто готов все отдать «из-за кормов Родины» очередному жулику и пойти за это хоть на плаху, но только за это.

У них есть рвение, они преданные слуги, а у тыловика, который проходит этот путь с училища, есть знания, он профессионал. Это неравноценно, знание – это муть, которая усложняет жизнь в России. А рвение – это умение быстро завернуть селедку в бумагу и сунуть ее в начальственный портфель. Для армии подобное рвение – стихийное бедствие, но именно это и ценят больше всего.

Но самые веселые дни начинаются тогда, когда кто-нибудь приезжает что-нибудь инспектировать. В основном это люди мирные и тихие, хоть и в больших чинах. Напьются себе тихонько в бане, в поле, в «греческом зале», проживут пару дней и уедут. Бывает, правда, как орда налетит, это когда кого-нибудь от должности отстранить надо. Эти приезжают сразу злыми, их пои не пои, только время зря потратишь. Они сразу бросаются на тыл, ибо в тылу всегда все всё знают, между кружками и ложками все герои. Тех, которых снимают-проверяют, от ужаса сначала ничего не видят и не слышат, только записывают: «Почему двери в кабинетах одностворчатые? Когда президент входит в кабинет, перед ним открывают две створки. Почему на столе меньше двенадцати салатов? Во Франции на обедах не меньше.» и т. д.

Это не юмор, это дословное цитирование. НАТО окончательно открыло нам окно в Европу и приблизило наших командармов к «евростандарту».

Но и это еще не «веселье». Смешно, когда король голый, а народ одет. Веселье начинается тогда, когда свои родные отцы-командиры, опираясь на свежие, приобретенные знания «евростандарта», начинают ставить задачи.

Реформа армии не грозит, да и всей нашей власти тоже. Пока не будут выдвинуты на административные, командные должности новые люди, не будет ничего хорошего, ибо старых обезьян новым трюкам не обучишь, сколько ни пыжься. А пока так и живем. У людей слишком много способов выживания и уничтожения друг друга для того, чтобы не называть взаимоотношения как между народами, так и внутри одного народа естественным отбором.

Но там, где нет ограничений законом, там нужны «звери», следящие за порядком и какие-то дни «водопоя» (Юрьев день). В таких условиях возникает острая необходимость в силе подавления как собственного народа, так и защиты его от внешних врагов. Эти функции призваны исполнять армия и службы безопасности. В глубине этих структур традиционализм и преемственность живы, так как это огромный объем информации, знаний, который «наскоком» не освоишь и даже не поймешь. Но удивительная вещь, начиная с 1812 года Россия не выиграла ни одной войны, ни одного крупного сражения, если не имела преимуществ в живой силе и технике. А во всех выигранных войнах потери во много раз превышали потери противника (разве это победы?).

Почему? России с большим трудом удается сохранять только остов (кости) своих силовых структур, а остальное с приходом каждой новой власти идет вразнос. Казалось бы, в стране, где борьба за власть составляет чуть ли не главную основу жизни, борьба за армию (возьмем только армию) должна вестись постоянно. Но армия интересуется только ту власть, которая ставит свое личное благополучие в зависимость от благополучия страны. В России этого не происходит.

Гражданская власть в России никогда не допускала к управлению армией умных и честных людей. В основном армией командовали люди удобные, послушные той или иной власти, причем главным условием назначения на высшие должности была несомненная ограниченность (слабоумие) этих людей».

КВЖД, маньчжурская ветка. На Севере г. Чита, на юге г. Забайкальск. Каждый день туда и обратно ходит по ней теплый и уютный поезд из десяти вагонов, на котором синим по зеленому написано «Даурия». Стоянка «Даурии» на ст. Даурия всего две минуты, но это более чем достаточно для тех, кто уезжает и для тех, кто приехал. Для тех, кто долго жил в Забайкалье, такие пригородные поезда как трамваи, автобусы и троллейбусы. Они не связаны с расстоянием, с расставанием, они просто везут нас с окраины в центр «города» и наоборот.

Все бы было также как, например, в электричке: купил билет, сел и вышел, если бы не время, которое проводишь в пути, и не народ, с которыми едешь.

Это в основном люди, которых жизнь или судьба все время водит «мордой по батарее». И не потому, что жизнь такая, а потому, что они такие. Одни всю жизнь ищут правду, другие не сопротивляются злу, у третьих обстоятельства. Поезд этот удивителен своим настроением, разговорами, выпитой водкой... Этот поезд как наркотик: когда долго никуда не едешь, страшно его боишься, боишься нарушить свой тусклый, вялый уклад существования, но проехав раз два, тянет и тянет, ведь и дел то всех, что купил билет, занял место, седи и слушай, да кивай иногда, делая вид, что понимаешь, хотя часто ничего не понимаешь: Молодой человек, вы тут видели хоть одну православную церковь, не считая той, что в Чите, да и та часто на замке? А я вам скажу, их тут нет, поэтому я сюда и приехал. России необходимы, как воздух, люди честные, умные, порядочные. Словом, святые люди. Но где ж их взять? У честного человека на Руси с государством всегда были отношения простые: либо его купили, либо его убили. Купленные, естественно, в святые не попадали, убитые – иногда, но уже мертвыми. Ведь я попростому, по народному – поп, причем поп со стажем. Все вроде у меня было: и приход, и достаток. Сегодня у нас демократия, церкви государство возвращает духовенству, вроде бы и хорошо, но для многих духовных лиц раньше было лучше.

Церковь была в оппозиции у государства, значит, ближе к народу. Государство – есть аппарат насилия, а церковь несёт веру, добро и любовь. Сегодня церковь заодно с государством, а народу от этого не легче. Опять же приходов было меньше, и все в местах людных расположены. Теперь же отдали нам церкви заброшенные, кого-то посылать надо и туда. Борьба тут внутренняя разгорается, а веру нельзя делить. Уехал я от всего этого. Кто мы? Вот главная мировая задача, главное чудо света, еще не открытое. Посмотрите вокруг и подумайте, к какому лику святых можно отнести лучших из нас? Только к последнему: мученики, страстотерпцы и исповедники, великомученики, священномученики и преподобные до многострадальцев. В кого ни ткнешь – в россиянина попадешь, а выбора нет. А кто в этот лик-разряд не попадает, тот непременно антихрист. Ведь кто такие большевики? Это одуревшие от произвола чиновника люди, которые захватив власть и не зная, что с этой властью делать, усилили все ее дурные проявления. По сути они вернули России знаменитый лозунг: «За Веру, Царя и Отечество», разрушенный в 1917 году церковью признанием временного правительства, а в их лице узурпаторов царской власти, а большевики дали вместо царя вождя. Имела ли церковь право на это? Имела ли церковь право разрушать? Итоги страшные, вы это знаете. Можно допустить, что сегодня происходит не то же самое, что и в начале 20 века, но имеет ли церковь право «вертеться» на 180 градусов, говоря, это вам гоже а это вам не гоже, в угоду каких-то третьих сил между собой и народом. Я не понимаю этого, поэтому и здесь. Может это слабость, но я уже приехал. Прощайте, молодой человек».

Кто-то выходит, кто-то заходит, а поезд стучит по рельсам.

– Скучаешь, командир? А ты посмотри на меня, и станет веселее. Я себя все с Чеховым сравниваю. Он был врачом, и я врач. Он приходил в ужас от того, то видел, и я прихожу. Он согревал свою душу юмором, и я в самые тоскливые дни смеюсь сквозь слезы. Ты, например, что-нибудь слышал о реабилитации? Ага, нет, однако. Это когда все, ты уже дошел до предела, навоевавшись на войне, насидевшись в тюрьме, належавшись в больнице, и вернулся вроде как в нормальную жизнь и не можешь себя к ней приспособить. Вот тут-то и должен появиться врач – реабилитолог, который должен примирить тебя с этой нормальной жизнью. Но весь ужас в том, что нормальной жизни в России нет. У нас надо реабилитировать всех.

Больше того, ограбить от нас всех остальных, закрыв, к чертовой матери, опять все границы. Привезите сюда, однако, иностранца и скажите ему, что это навсегда. Все, его сразу же надо реабилитировать для его западной дохлой свободы. Но если его не пугать, а просто дать ему пожить здесь год-два, то это уже будет наш человек, навсегда потерянный для них. Права,

человеческие права! Не быть убитым, не быть голодным, иметь жилье и работу, не быть без вины, виноватым. Это права? Убивать, сажать. морить голодом, не давать – вот право человека. Воля, воля у нас. Будь злей, хитрей, если хочешь жить, и никаких запретов. В этом Россия, в воле. Это манит, в этом ностальгия. А раз есть ностальгия, значит, у нас не так уж и плохо. Там, за «бугром», нам не хватает воли. С воли да на свободу. Россиянина – да в загон, где все поделено, все расписано, ешь, пей, только ближних не трогай. Богатство богатым, сытость остальным, и нету места главному живому делу, жить как хочешь, нет воли на одурь. А в России все это есть. Понимаешь, есть. Мы самые живые из всех народов, и лица у нас самые симпатичные, если, конечно, не синюшные от пьянства. Мы вольные. А вот и мой вольный город Борзя. Будете у нас, заходите.

Жмутся руки, и поезд едет дальше. За окном сопки, заброшенные военные городки, горы мусора и ясное забайкальское небо.

– Вы в Читу по делам?

– Да в Читу, но что касается дел, то больше нет, чем да. Какие сейчас дела, так, одна имитация.

– Вот, вот. Я к сыну ездил, он у меня здесь командиром роты. Ужас. Даурия! Дружба! Войсковое товарищество!

Когда тебе уже за 30 лет, новых друзей находить трудно, но, оказавшись в экстремальных условиях и не на день, и не на два, к людям начинаешь относиться совсем по-другому. Недостатков не замечаешь и радуешься возможности общения. Там не расстаются с людьми, с которыми коротал хотя бы два-три вечера. Допустим, поссорились, разбежались, а что дальше?

Тоскливые, долгие дни, вечера, ночи в одиночестве, поиск новых друзей. Так ведь выбора почти нет. А это шлифует многие пороки, делая из совершенно нетерпимого характера ряд милых недостатков, не таких уж и страшных, если присмотреться, а главное понять. Вечера, ночи, проведенные вместе, переходят в большую дружбу между семьями на всю оставшуюся жизнь. Потом, где бы вы ни встретились, это будет по-прежнему там, а не здесь. Неслучайно выбившиеся в люди забайкальцы «тянут» за собой всех тех, с кем были там рядом.

Не место красит человека, а человек место. Я думаю, что это словосочетание родилось не в кабинетах, и придумали его не начальники и просители. Родилось оно на задворках, на выселках. Окраины России – это огромные территории для неуживчивых людей. Может быть, более жестких в поступках, с холодом в душе, но лучших. Души эти оттаивают, пусть редко, но именно это потепление и создает человека. Я часто слышу рассуждения о Великой Русской Соборности, Державности, Духовности. Что именно толкает нас к рассуждениям на эту тему?

Чахлая почва «серой дикости», где наш индивидуализм переродился в народное одиночество. Но одиночество – это не индивидуальность. Одиночкам не нужна семья, экономика, политика, образование.

Одиночка находит оправдание и лжи, и воровству, и насилию, и страданию, если додумывается до этого, а если нет, то просто лжет, ворует, насилует и т. д. Очень выгодно навязывать народу программу народного возрождения, программу патриотического воспитания, и что-то безликое: соборность.

Выгодно сводить все к утере главного «качества» русского народа – соборности, коллективизма, чувства локтя. Но это не так. Крестьяне жили общиной! Когда? Если они все время то крепостные, то беглые, то бунтующие, то убивающие друг друга за землю и всегда голодные.

Армия? До революции в армии служили 25 лет, солдат били палками и вешали без особого разбора, а сегодня, хоть и издано много новых законов, но суть прежняя – фактическое бесправие младшего и среднего служивого брата. Это соборность? Почему мы непобедимы? Потому что наша мирная жизнь все время настолько ужасна и бесцельна, а главное непредсказуема, что только война дает ей какой-то смысл и цель – победить. Экстремальные обстоятельства объединяют одиночек, на время они перестают предавать и продавать друг друга.

Под лозунгом «Соборности» русский народ готовят к очередным крупномасштабным акциям государства, но считать это жизненной потребностью населения – это сильно лукавить. Соборность для наших идеологов – это крестный ход всем гуртом к светлому будущему.

Даурия. В Забайкальских степях многое начинаешь понимать по-другому, вернее, только в «диких степях Забайкалья» что-то и начинаешь понимать. Если на «материке» русские народные песни поют, не понимая слов, душимые какой-то внутренней тоской о чем-то, уже пропавшем навсегда, об утерянном счастье, которое не суждено больше найти, то в степи до тебя доходят и слова. До тебя никому нет дела. Никому, никогда. Какая тут Соборность. Все деревни, да и маленькие города, поголовно пьяные, бывает часто и так, что где живут, там и сидят. За что? Брат убил брата, сосед соседа, сын отца. Сколько я ни разговаривал с людьми, не лез, грубо говоря, в душу, ни разу не слышал желания породниться со всем народом. Соборность по-русски, на примере одной женщины, сегодня уже старушки, очень показательна. Во время войны 1941-1945 гг. она вместе с мужем работала на оборонном предприятии. Директор этого предприятия, видимо, одуревший от власти, как своей, так и над собой, на выходные дни отбирал себе очередную женщину из работниц завода.

От моей собеседницы он получил отказ. Через неделю ее мужа забрали на фронт, через две убили. Это Соборность. Все в стаде должны подчиняться прихотям власти, ибо законов, сохраняющих индивидуализм, в стаде нет и быть не может. Только сила, только одиночки. Мы выживаем и своей живучестью удивляем весь мир.

Каждое утро, чтобы, попросту говоря, не сдохнуть, я бегал на зарядку. По степи, в любую погоду, пробежав километров десять, и согреешься, если холодно, и надышишься, это в любом случае. Во время такой пробежки мы и познакомились. Мы бодро бежали навстречу друг другу, и вдруг он крикнул: «С добрым утром! Здоровья, удачи». С утра и так много хорошего мне никто никогда не желал. Словом, на другой день мы бежали вместе. Своими пожеланиями здоровья и удачи он «купил» меня. Наши пробежки переросли по выходным дням в долгие разговоры. Один раз мы бегали три часа, и это при том, что мне за 30, а ему далеко за 60 лет. Это был мудрый, проживший интереснейшую жизнь человек, совершенно уникальный. На мои вопросы он не задавал своих, а отвечал. За годы Великой Отечественной войны он прошел через 11 концентрационных лагерей. В 1941 году ему не было еще и 14 лет. О себе он рассказывал удивительно, с большим чувством юмора: «Представляете, молодой человек, еврей прошел через 11 немецких концентрационных лагерей, ну и через два своих, и живой. Спасали меня, наверное, исключительная худоба, малый рост и мальчишеское отсутствие страха. При первой же возможности я старался сбежать, и надо же, все попытки были неудачными, но способности побегов настолько хороши, что я оставался в живых. Однажды я убежал через лагерный туалет (выгребную яму). Конечно, меня сразу же догнали, помню собаки сильно погрызли, но фашисты даже близко подходить не стали. Во время второго побега мне прострелили ноги, одна рана так до сих пор и «плачет». Человек ко всему привыкает, а главное, если ты человек, то везде нужен». Такого оптимизма, такой любви к жизни я больше не встречал, а то, что он мне рассказывал, было откровением: «В больших стационарных лагерях смерти была очень сильная подпольная сеть, на сегодняшний лад ее можно обозвать мафией. Ее очень жестоко уничтожали в начале войны, а в конце, когда фашисты начали проводить операцию «ОБЕР-ВОЛЬФ» (волк-оборотень) по внедрению своих агентов в ряды узников, делая им легенды ярых антифашистов, разобраться кто, где и по какую сторону было очень трудно.

Сталин, видимо, и по этой причине всех пленных загнал в Сибирские шахты, зачем разбираться, голову ломать. Так вот, в одном из лагерей мою «мелкоту» сразу заметили, и я стал добытчиком, лазил в овощехранилище. Меня проталкивали в окно, в подвал, я набирал картофель и передавал его тем, кто был снаружи. Однажды, а в общем-то как обычно, это был уже седьмой по счету лагерь, видимо, нашумел. Немцы меня тепленького и поймали. Утром было показательное избиение, на котором мне сломали руки и ноги (весь этот человек состоял из

пишек, ран, вен) и, видимо, без дыхания и без сознания бросили меня в барак для «дохлых», чтобы затем сжечь в пользу будущих урожаев Германии на удобренной мной земле. Но тут сработали подпольщики, причем коммунисты, они меня из этого барака буквально выкрали: ведь я никого не выдал. Оказался я в лагерной санитарной части. Меня откормили, поменяли «робу», а также имя и фамилию, вместе с номером. Стал я совсем другим человеком, что меня и спасло. Освободили меня американцы, предложили любую страну на выбор. Я попросился в Россию, где были у меня мать и брат. Дали мне бумажку «следует в Русскую зону» и отпустили. В русской половине меня сразу же арестовали и посадили, видите ли, молодой человек, опять в лагерь, в один из тех, в каком я уже был.

И стали меня проверять, ну никак не могли поверить, что еврей прошел через 11 лагерей и живой. Проверяли просто, подводили к макету того или иного лагеря и просили показать, где была столовая, барак N 1, N 2, санитарная часть и т. д. Дважды мне говорили, что я вру, но когда находили людей из тех, кто был там со мной в одно время, мои слова подтверждались. Лагеря ведь тоже перестраивали, достраивали. Немцы – большие умельцы не только рушить, но и строить. Конечно, так возились как со мною, не со всеми.

Ну, во-первых, еврей, надо вывести на чистую воду. Во-вторых, моя легендарная биография была поистине героической. В-третьих, в свои девятнадцать лет я на них уже не выглядел. Доказал я служащим из НКВД, что я это я, но на все четыре стороны меня не выпустили. Предложили на выбор, либо Кузбасс с его залежами угля, либо Чувашия с зарослями леса. Выбрал я последнее. Вы, молодой человек, наверное думаете, ну еврей, ну дает, не задушишь, не убьешь. А я вам отвечу. Нас всюду не любят и везде при первой же возможности уничтожают. Здесь не столько по заслугам плата, сколько исторически сложившийся имидж. Вы наверняка слышали выражение «еврейская нищета», а когда-то это было для нас в России традиционно – национально, а надо было жить и для этого держаться друг друга, и очень крепко. Почему еврей может больше и лучше? Потому что он не может дать себе слабину, он всю жизнь должен больше других думать, больше работать, по происхождению он не конкурентно способен. Он второгодник и двоечник. И это из поколения в поколение, это уже в крови, мы очень сильны именно своим трудом и своей внутренней национальной политикой. Тут нет какого-то особого ума. Увы, еврейские дети на школьных олимпиадах уступают многим другим, но дальше за счет своего труда, за счет образования, за счёт семьи мы выбиваемся в люди. Ведь там, где труд заложен «во главу угла», национальный вопрос даже не поднимается, мы такие же, как все, и даже слабее, но там, где «в край угла» заложены плутовство и жульничество, там мы просто быстрее приспосабливаемся. Опыт, молодой человек, опыт. Мы приспосабливаемся, но не лезем к власти, что нам все время приписывают. Если начинаются гонения, то мы стараемся стать незаметными, уйти в кочегары, музыканты, врачи и т. д., если оттепель, то почему бы и не поуправлять. Власть в России во все века была упоительной своим беззаконием, но это шло не от нас. Мы-то как раз законопослушны. А если законов нет, то все повторяется: и заморозки, и оттепели, все четыре времени года. Вы, молодой человек, поймите главное: русский человек приспособился раз и навсегда, он запил, он перестал бороться за себя, держать удар, ему легче не связываться, чем бороться. Это величайшая мудрость, она на порядок выше любого самого сильного практического учения нашей жизни об успехе, удаче, деньгах. Запил – то он не от своей тусклой жизни, а от какого-то внутреннего понимания чего-то неведомого другим народам, давая выход своему куражу. Понимание это можно сформулировать двумя словами: «Быть или иметь». Русский человек хочет, прежде всего, быть. Но на трезвую голову быть и не иметь очень тяжело. А «иметь» не дает именно это «быть», это та самая загадочная русская душа. А те из вас, кто хочет и «быть», и «иметь», уподобляются Римским Цезарям вроде Нерона, Калигулы, они издеваются над своим народом, как только могут, экспериментируют над его терпением, но, главное, что этот кураж живет в каждом из вас. Русский может

справиться и с огнем, и с водой, его могут сгубить только медные трубы. Это хорошо известно, и этим умело пользуются, вы же знаете: «Всю власть народу».

Даурия. В памяти Сергея сохранились обрывочные воспоминания о дедушке Косте, и том, что рассказывала ему о нём мама. То он на спор коня в избу завел, а там так развернул, что выйти он не смог. Пришлось разобрать одну из стен избы, и это зимой, в Сибири. То он собрал все продукты, какие были дома, и отнес их другу. Друг его только что освобожден из нашего лагеря, где сидел за то, что, будучи сильно пьяным, не смог выговорить слово «вождь», и получилось так, что Сталин – вошь, а собутыльник решил возвыситься и «стукнул» на него в НКВД. Загремел бедолага на десять лет. А у него была семья в десять человек, о которых дед и стал заботиться как о своих. После отсидки он приехал к семье. Дед сказал, хотя у самого было семеро: «Мы не пропадем, а ему сейчас все сначала начинать надо, да и показать надо, что хозяин домой вернулся».

При всех достоинствах и недостатках для него главным, действительно, было Быть, а не Иметь. Но это наше внутреннее чувство перерастает в гамлетовское «Быть или не быть», и не справляясь с Быть, мы начинаем пить. Но свою власть он любил не меньше, чем народную справедливость, вот только всю жизнь направлял ее на детей и бабушку, а если бы ему досталась в управление страна, то кто его знает, что бы из этого вышло. Однажды в день похорон своего друга дед подошел к гробу и запел:

*С вином мы родились,
С вином мы помрем,
С вином похоронят
И с пьяным попом...*

Народ зашипел, и только вдова сказала: «Пусть поет, у них такой уговор был: кто останется, тому и допивать, допевать». Это были сильные мужики. Да мы никогда слабыми и не были. Даурия! Дружба! Войсковое товарищество!

А попутчик продолжал: «По Даурии ходит поезд с одноименным названием. Сколько я не колесил по России, ни один поезд, ни одна электричка не стали мне родными. А этот свозил несколько раз в г. Забайкальск и в г. Читу, и все, как «зеленый змий», совсем родным стал. Едешь, смотришь в окно на бескрайнюю степь с пограничными вышками, ДОТаами, танковыми башнями, горами мусора и понимаешь, что это именно та Родина, которая будет с тобой до самой смерти. Та ностальгия, которая будет охватывать тебя тоской, если вдруг станешь богатым и сытым и сможешь предаться размышлениям о своем народе, или, наоборот, обида, гнев на эту убогость, если так и ничего не добьешься по жизни. Москва слезам не верит, а Россия тем более. В России все наоборот, сильные могут и всплакнуть, а слабые... Слабость не в бедности, а в глупости. Родные русские люди, если в соседях окажется старожил, то он всю дорогу прокомментирует. Если два – это почти «трагедия»:

– Вон видишь разъезд, там Семенов, однако, пострелял казачков, которые с ним в Китай не хотели идти.

– Врешь, не могли казаки казаков убивать, я точно знаю. Оружие он у них отобрал и лошадей. Выпорол, конечно, и отпустил.

– А вон там, на сопке, видишь, ДОТ видн еетс я. Его сам Карбышев строил.

– Опять врешь, не Карбышев, а раскулаченные мужики с бабами. Строили они такой ДОТ, а их тут полно, дотов этих, затем лезли внутрь, и по ним из пушки стреляли, однако. Если он обрушивался, то и могилу рыть не надо.

– Теперь ты врешь, ты видел, какие там стены, наверное, и сейчас такой пушки нет, которая могла бы пробить их.

– А вон разъезд, видишь? Сюда после войны с японцами все трофейное имущество свозили.

– А вон серое здание, это и раньше, и теперь комендатура военная. Здесь семеновцы С. Лазо держали.

А еще дальше, видишь... После таких поездок я все время думал, ведь степь кругом, ковыль-трава, взгляду не на чем остановиться, а каждый метр пропитан историей, и каждый историю этой степи трактует по-своему, и похожа она больше на сказку, на легенду.

Рассказывают о своих дедах, меньше об отцах, и совсем ничего о себе. Да и что о себе рассказывать? О том, что разломали, разворовали, раскурочили все военные укрепления вдоль китайской границы, так ведь «русский, китаец – братья навек». О том, что, продавая китайцам медь, повыкапывали все медные кабели, оставив военные части и поселки без связи. Или о том, что в поисках бревна для своей кошары попиливали столбы электролиний, а там, « пусть хоть не рассветает». А ведь то прошлое и это настоящее мало чем отличаются.

Памятен мне один разговор о нашей действительности. Ехать мне довелось с отставным генералом, с одним из тех, кто государственную службу считает не «кормушкой», а профессией. Это большая редкость. Ездил он навещать сына, которого отправил сюда, видимо, для закалки, «преодоления трудностей», помня свою молодость. Навестив его, он был очень расстроен. Разговор у нас получился какой-то трагикомический. Мне в голову все время лезли кадры из фильма «Семнадцать мгновений весны», в котором Штирлиц едет в поезде с боевым генералом, отозванным с Восточного фронта. Генерал рассказывает, что всё, – Вермахту капут, но скопом нестрашно, а на другой день они приветствуют друг друга возгласом: «Хайль Гитлер», и генерал произносит лукаво: «Мы слошим им голову». Беседа наша началась с обсуждения очередной телевизионной программы «Время», которая накануне обвинила министра то ли в присвоении себе нескольких десятков миллионов долларов США, то ли в том, что у него двойное гражданство, и все его потомство давно живёт и плодится на Западе, то ли... Одним словом, телевизионный канал «Время» рассказало о «своих людях», сосущих российскую кровь хуже чужих.

Событие, в общем – то, заурядное, и, даже если оно и было доказанным фактом, то ни общество, ни армию не возмушало. И я не мог понять, почему? Вернее, я понимал, но хотел услышать подтверждение своим мыслям. Искал оправдания себе как русскому офицеру, который ничего не может сделать, которого несет этот мутный коррумпированный поток в омут, в бесстыдство, в бесчестие. И как только я узнал, что передо мной генерал, пусть и отставной, то сразу был готов набить ему морду. Просто так, по старой доброй русской традиции, потому что должен быть выход, окончание, точка. Похороны должны заканчиваться пьяными поминками, чтобы не висела эта тоска над душой дальше. Танцы – обладанием желанной женщиной, чтобы не мучила потом мысль, что мог, а не сделал. И, конечно, неслужебная встреча с генералом – битьем ему морды как внесение крупного вклада в развитие наших вооруженных сил, чтобы хоть настрой на дальнейшую службу и жизнь сохранить.

Мог и сделал. Я начал его задирать, тем более, что это был не тот тип дряхлого генерала в кителе с подогревом, со свитой поваров, массажисток, адъютантов, чистящих ему сапоги, несмотря на погоны подполковников. Передо мной сидел нормальный, крепкий мужик, знающий себе цену и, как оказалось, другим тоже. Вообще, встреча с умным человеком – большая удача. Умные не хотят говорить с остальными, отдавая все на откуп телевидению, радио, печати, но это совсем не то. Умные наблюдают за нами, не дают совсем упасть, но не дают и высоко подняться. В России, правда, бывают срывы, но тут виноваты дороги. Хорошие дороги сокращают время до встреч между глупыми и умными, многое может происходить по-другому. Ведь только дураки и дороги – суть национальной трагедии: пока умный из Москвы доедет до Даурии или наоборот, там уже непоправимое успеет произойти.

Если бы мы встретились в другом поезде, разговора бы не получилось. Но «Даурия» – это не просто поезд, это поезд вне времени, вне наших желаний. Беседа прошла все-таки мирно:

– Вы хотите знать, что происходит?

– Нет, я просто хочу знать, что об этом думает отставной генерал.

– Ничего нового. Меня, как бывшего офицера, угнетает не сегодняшняя армейская нищета, а настроение моего сына, его друзей-сослуживцев. Они одурели до такой степени, что в общежитии из пяти этажей с первых трех выносят мусор в подвал, с верхних двух – на крышу. Им лень выйти из подъезда и дойти до мусорного ящика. И живут они между этим дерьмом отупевшие, одичавшие..., золотые погоны. А что касается обвинений в адрес министра обороны, вы, как я вижу, на скандал напрашиваетесь, именно с этой стороны видя все зло в высшем командовании. Это не совсем так. В России принято с самого низа народного показывать пальцем на руководителя, министра и говорить – вот они, главные воры, «рыба с головы гниет».

С другой стороны, любой человек считает себя способным навести порядок – лишь бы дали волю. Сегодняшний министр обороны воплотил в себе обе эти стороны: с одной стороны, искреннее желание перемен с «колокольни» маленького человека; с другой, видимо, совсем одуревший от открывшихся возможностей министр. Когда наш русский человек попадает из грязи в князи, он сразу же начинает реализацию открывшихся возможностей. В России не ворует только ленивый, еще, наверное, глупый. Но если в гражданской жизни быстрый взлет может быть и не так губителен, замечен меньше, то в армии, прежде чем стать капитаном, надо командовать ротой, майором – батальоном, полковником – полком, лучше дивизией, а министром – округом, и не один год. И дело здесь не только в уважении к послужному списку.

Просто, если всеми Вооруженными силами начинает командовать командир дивизии, то он и переносит эти свои дивизионные методы на все вооруженные силы. А методы эти общеизвестны и давно описаны. Вы читали «Баязет» Валентина Пикуля?

– Читал.

– В этой книге два героя, первый – поручик Карабанов, второй – полковник Пацевич. Так вот, Карабанов – это миф о нашей армии, это то, что мы хотим видеть, это то, во что мы верим, верим в то, что это было и должно вернуться. А вот полковник Пацевич – это реальность нашей армии, а еще большая реальность – это статья Л. Н. Толстого «О реформе в армии», написанная им где-то в 18... году после войны в Севастополе. Найдёте если, прочтите. Он ее словно сегодня писал. Так вот, задача министра сохранять баланс между Карабановыми и Пацевичами. Если министром обороны становится Карабанов, для которого честь и достижение результата превыше всего, то начинает теряться основное для России предназначение армии, миротворческое. Она начинает выполнять функции профессиональных волонтеров. А если Пацевич, то ему все равно, война или мир, он работает на свой карман, все задачи, которые выполняет армия, переходят на второй план. Главное – свое личное обогащение. Сразу же возникает круговая порука, где все скрывается, а для армии это смерть. И тот, и другой герои одинаково плохи. Карабанов, видя обман, готов рубануть шашкой по любому черепу, не задаваясь вопросом «почему?». А Пацевич может скурвить любую светлую душу. Сегодня армией командует Пацевич. Я еду от сына, а сын, служа в армии, занимается извозом, возит, кстати, бывших офицеров на базар торговать. И возит, кстати, каждый день. Я его спрашиваю: «Как же вас командир контролирует?». А он мне отвечает, что командир имеет свою долю, и командир командира имеет свою. И вот мы уже «банановая республика».

Половина из выпускников его училищной роты уже на вольных хлебах, а едва-едва капитаны. Я его начинаю ругать, а он мне: «У нас же династия, и я не могу прервать процесс, да и чем ты недоволен? Радоваться должен, что сын у тебя не балбес, научился и в армии зарабатывать деньги». Он не понимает, что для армии он уже потерян, что его элементарно подставили жулики. Из них, научившихся зарабатывать в армии, толку уже не будет, они не в боях зара-

батывают, не как волонтеры, а на распродаже, по большому счету, Родины. Ведь нормальный человек сегодня служить не станет. В армии, где каждый имеет свою долю, служба становится бесчестием. В армии, где у каждого есть своя доля, честный человек служить не станет.

– Генерал, что ты мне жалуешься. Извини, конечно, что на ты. Но я в этом паровозе не новичок, да и мысли наши совпадают. Но я бы лучше был твоим сыном, и в его дерьме, чем в том, в каком нахожусь сам. Быть генеральским детенышем хорошо, это лучше, чем бронжилет. Если ты просто солдат, то тебя обязательно убьют и в Афганистане, и в Чечне. Да где угодно. А если ты детеныш, то покараулил мандариновую плантацию в Афганистане – получил орден, спяну попал под обстрел – вот уже и герой. Детеныши это знают. А не детеныши не хотят воевать, их труд по – другому измеряется, но их заставляют, вроде как за Россию, за Родину. Детенышей война через дворцы, «греческие залы», бани ведет прямо к славе, а других, не детенышей, через грязь, раны и боль к нищете. И ты это знаешь, генерал. И ничего не делаешь. И я это знаю. И тоже ничего не делаю. Ты меня презираешь, а я тебе завидую, а в итоге мы равны, равны перед богом, и ему мы оба не нравимся, мы ему противны.

– Ты не совсем прав, раз уж завели такой разговор. В военное, в смутное время карьеру делать легче, чем в мирное, тихое, застойное. Майор, полковник, генерал 1995 года – это совсем не то, что до 1985 года.

В те годы дослужиться до майора большим счастьем было. Сегодня лейтенант получает сразу роту, еще не видя ни одного солдата, а на должность комбата, вообще, никого не найти. Вакансий подполковников видимо-невидимо. Что тебе мешает расти, пробиваться в элиту армии? Льготные условия, только не будь дураком.

– Ничто. Мне способы, методы не нравятся, и вам, как я понял, тоже.

– А чем они плохи? Мест для совершения боевых подвигов, слава богу, хватает. Риск, конечно, есть, но ведь и военная удача бывает. А там награды, должности. Это высоконравственный путь, при котором и мораль соблюдена. Конечно, и героев не всех судьба к высоким должностям, звездам ведет, но, в принципе, пробиться можно, только голову иметь надо. Есть и второй путь. По нему идут чаще. Вы же в Даурии служите. Наверное, обратили внимание на вновь назначенного командира. Он уже близок к элите, остался пустяк – академия генерального штаба. А ведь пробивается он сам, оценивает обстановку, а она плачевная, командовать уже и некому, и некем. Принимает решение – служить. И служит. Строит в столовой «греческий зал» для инспектирующих чинов, обвешивает его картинами и шторами для уюта, сервирует посудой с золотой каемочкой, набирает официанток с высокими попками и отгораживает это «образование» от остального «бедноватого» внешнего мира, от своей воинской части. Строит баню, ибо немало судьбоносных решений принимается именно там. Налаживает охоту, рыбалку и т. д. Он интуитивно двигается в совершенно правильном направлении. Не делай он этого, все его усилия по поддержанию боевой готовности ничего бы не стоили. Генерал из Москвы едет к полковнику в Даурию не для поиска вшей у его подчиненных. Он едет отдохнуть, он знает: его оторвали от разных «шкурных» дел, и он должен их компенсировать.

Я вот другу недавно звонил, зная что он в отпуске, предложил съездить дня на четыре поохотиться. А он мне: «Не могу говорит, предложили одну воинскую часть проинспектировать. Надо ехать, а то денег не хватает: стройка, долги, дети... Правда, это и есть та самая доля, но иначе не пробиться».

– Но вы только что осуждали своего сына, и вдруг такой вывод. На лицо двойная мораль.

– Тут дело в другом. Мой сын в армии офицером меньше 5 лет, через 10 пусть хоть на уши встанет, это уже проблема государства, но десять лет ты должен служить, как говорится, честно. А больше десяти, ну максимум двенадцати, служить не надо, если ты, конечно, не фанатик. Но десять первых лет государству надо отдать, это потом опыт, долги, дети. А когда сразу к корыту – это очень для страны опасно. Ладно, поздно уже, давайте спать».

Спать. Хорошо ему, спит и видит Москву, а тут Москва, как сладкий сон. Москва. Труден путь в неё. Любая российская глушь, по которой проходит железная дорога, ютится вокруг неё, наползая на рельсы и к месту, и не к месту. С нашей очередной перестройкой количество поездов, колесящих по России, сильно уменьшилось. Если раньше, проезжая Урал, Сибирь, только и слышались паровозные гудки, и вагоны грохотали, проезжая мимо друг друга, вызывая тревогу у родителей, дети которых норовили вылезти из открытых окон по самый пояс, то нынче можно ехать и час, и два, и три и не встретить ни одного встречного поезда. Что и говорить, комфорта, тишины, стало больше. Поэтому пассажирский поезд в российской глуши – это событие. О «Даурии» я уже рассказывал, но это поезд-дилижанс, он родной, его можно обозвать «бичевозом», оставить в купе кучу мусора и пустых бутылок. Ловить всю ночь проводницу или ползать по вагону, пытаясь подняться, – это нормально, привычно, ежедневно, это неотъемлемая часть жизни. А вот второй поезд, скорый, Москва-Пекин/Пекин-Москва.

Это симфония, это связь с другим миром, это событие. С этим поездом связаны судьбы военных, ибо именно в нем они едут служить в Даурию и именно на нем стараются уехать обратно. Но об этом чуть позже.

Этот поезд – символ нашей страны, ее уклад, ее характер. Не выезжая со ст. Даурия, просто встречая и провожая его два раза в неделю по расписанию, можно провести глубочайший анализ нашей жизни. Стоянка поезда на ст. Даурия, как и у местного, две минуты. Но если поезд «Даурия» и двух минут не выдерживает, тоска-то какая, и срывается быстрее в Читу или Забайкалье, то «Москва-Пекин» – может стоять и 10, и 15, и 20 минут на любой станции по всей Маньчжурской ветке. Это его вотчина, здесь, на окраинах, жиреет Москва. От Москвы до самых до окраин он хозяин, он везет товар, эмиссаров, надежды, увозит деньги. Он здесь один, других нет. Все, от машиниста до проводника получают чисто гангом. Москва-Пекин – это поезд новой рыночной экономики. Нужно на захолустной станции стоять час, будет стоять час. Ящики должны быть выгружены, деньги получены, нужные слова сказаны. На границе он может стоять и дольше, ибо русский-китаец хоть и братья, государственная система у братьев очень похожа, и мздоимство признается незарегистрированным пунктом закона. Халявщик тут не пройдет. Сколько бы не пришлось ждать его созревания до «святой» мысли о том, что надо, надо, понимаешь, дать, иначе «не подмажешь – не поедешь». Впрочем, из Москвы он уходит минута в минуту и прибывает в Москву минута в минуту. А все его дорожные издержки никому не мешают. Те, кто едет в Забайкалье первый раз, не очень рвутся туда. Тем же, кто уезжает, лишний час, два – это лишний поцелуй, стакан, напутствие. Сам поезд тоже совершенно уникален. Это один из немногих поездов, в котором нет ночи как времени для сна. Одни засыпают, другие просыпаются, и почти все торгуют.

Торгуют всем: от зажигалок, кожаных курток до предварительной договоренности на крупные оптовые поставки меди, рельсов, автомобилей и т. д. Через г. Забайкальск проходит единственный торговый путь в Северный Китай. Кстати, китайцы на сегодня единственная созидательная сила по обе стороны границы, на нашей земле они работают в колхозах, арендуя землю, строят дома, занимаются ремонтом зданий до самого Иркутска. Есть еще одна особенность. Сегодня в поездах уже не отделяют русских от иностранцев, можно ехать в одном купе с американцем, французом, немцем и т. д. Китай для любопытного человека притягателен, как магнит, своими огромными трудовыми ресурсами, своей древностью, мудростью, восточными единоборствами и др. Поэтому пассажиры в поезде другие, чем в «Даурии».

Чиновники, торговцы, миссионеры и путешественники. Однажды со мной в купе ехали мужчина из Англии и женщина из Испании. Как я их понял, лет семь они встречаются «для души» в различных экзотических странах, после чего разъезжаются опять по своим и, наверное, пишут друг другу письма.

У богатых, вернее у небедных, свои причуды. Страны они выбирали самые комфортно не удобные, Монголия, Китай, Россия, где питерские цены за элементарные услуги привели их

в ужас. Китайцев удивляет одно, почему у нас столько земли, и почему мы на ней не работаем. Видимо, не работая, у них прожить нельзя, а у нас можно. Они этого не понимают, соглашаются у нас работать на таких условиях, на каких даже наши нищие работать не станут. А китайцы работают, осваивают наши земли, с большой охотой берут в жены буряток, обрусевших китайцев. Это сразу меняет их статус, облегчает их въезд и выезд. А мы, мы замечаем следы. Военная забайкальская традиция – привязывать к хвосту поезда большой веник, который долго тащится за поездом, заматавая следы, чтобы не найти следов обратно и не вернуться сюда вновь.

Те, кому эта земля была родной, были изгнаны в Китай или сосланы в Казахстан на совершенно голые места. Видимо, имелся ввиду их прежний богатый опыт освоения Забайкальских степей. Сегодня потомков тех ссыльных уже гонят из Казахстана, и они возвращаются в родное Забайкалье. Возвращаются и из Китая, и из Австралии, и из Канады. Но надолго ли, что с нами будет дальше, что мы придумаем для себя еще? А пока те, кто жил здесь раньше, робко пробуют возвратиться обратно и начать здесь жить. Это, в основном, старoverы, приуральские казаки. А те, кто был прислан сюда служить и работать, стремятся уехать и «замести следы». А Москва плодит законы.

Закон. «Не бесследно же идеи свободы долго зрели в такой стране, как наша». Но раньше, чем рассказать о характерных законах, по которым живет Россия вплоть до наших времен, остановимся на вопросе, каково отличие России традиционной, народной от России государственной? В немногих словах это отличие может быть охарактеризовано так, если «высокие государственные умы» поменяют еще одну власть, то Россия этого не переживет. Россию учат жить давно, но особенно настойчиво и «успешно» с петровских времен. Петр I начал учить россиян с самого верха, прививая им западную культуру, а для того, чтобы «верхи» шевелились, разбавлял их умными «низами – птенцами». Но даже его «птенцы», сравнивая Россию с просвещенным Западом, находили, что она «немытая», и уходили от «грязи», становясь страшно далекими от народа. А когда в одном и том же государстве власть и народ живут по разным законам, хорошего ждать не приходится. В итоге и Романовы пришли к закономерному финалу, образованные интеллигенты – птенцы – западники их одолели и свергли самодержавие. Интеллигенты сбили с пути истинного и церковь, которая признала временное буржуазное правительство.

Если раньше она молилась «За Веру, Царя и Отечество», то с 1916 по 1917 г.г. не понятно за что. Большевики, в свою очередь, одолели и интеллигентов, и церковь и вернули народу прежний лозунг, поменяв в нем слова: «За Вождя, Веру в Вождя и Отечество» то есть «жил, жив, будет жить», но продержались они даже меньше, чем Романовы, опять же благодаря интеллигентам. Власть, становясь «образованной» («цивилизованной»), начинает засматриваться на Запад, в сторону «Просвещенной Европы», не видя разницы между государственностью Европы и России. А разница есть.

В чем уникальность России? Наверное в том, что «тёмная и страшная сила» всегда ищет на Руси хорошего чиновника, способного выполнять волю этой «страшной и тёмной» силы. И такой чиновник всегда находится. Как в среде правящего класса, так и в среде церкви. Ордынцы нашли Александра Невского, очень хорошего чиновника, собиравшего дань со своего народа под благим предлогом «меньшего зла». Церковь его быстренько канонизировала за «откат» от дани, собираемой с народа. На Руси всегда было и есть слишком много «делителей». Делителей, которые понимают историю России только как возможность тырить, опираясь на силу, даже на чужую силу. Если бы Запад уяснил, что на Руси чиновник и правящий класс не склонны думать о собственном народе и размышлять о гражданском обществе, но склонен подчиняться тупой и тёмной силе, то Запад давно бы нанял наше правительство и собирал через него «бакшиш» с дремучего российского народа. Но Запад всё время вносит хаос в мозги наших чиновников. Чиновники хотят делить, а Запад призывает делиться. Более того, и Восток стал призывать делиться, а российский чиновник по прежнему хочет только делить.

Когда на Руси появилась эта зараза? До XIV века на Руси была полная свобода, воля для всех и вотчинное (то есть частное) землевладение. Бояре были полными частными собственниками своих вотчин и при этом еще и могли свободно переходить от службы у одного князя к другому (так называемое «право отъезда»). Свобода бояр от жесткого вассалитета логично дополнялась и свободой крестьян: в до московские времена (то есть до конца XV века) они могли свободно менять землевладельцев, в имениях которых жили (а на Севере даже и самих боярских вотчин не было). «Либерализм» взаимоотношений, даже Средневековой Руси, впечатляет (особенно на фоне того, что творилось в схожий период в Западной Европе). Западное общество уже было внутренне бюрократизировано и подчинено принципу жесткого социального расслоения, личность была полностью подавлена и подчинена Закону. А в России в это время была воля. Все внешние враги, которые шли на Русь подчинить ее единому порядку, очень быстро выдыхались на необъятных просторах. Но при этом, в начале XIV века только Северо – Восточная Русь была раздроблена на более чем 250 уездов, и все они платили дань (выход) Золотой Орде. Татаро-монгольское иго и продержалось на Руси 300 лет только потому, что «не лезло в чужой монастырь со своим уставом». Платите дань и можете нападать и грабить и друг друга, и саму Орду, если сил хватит, сохраняйте свое естественное право.

Монголы ввели разветвленную сеть чиновников, контролирующих жадных русских князей, которые, отдавая десятину Орде, десятину церкви, готовы были остальные 8/10 хапнуть себе. А зачем голодные бунты? Лучше всю власть отдать народу – чиновнику, пусть кормится с доходного места по праву, а не гибнет с голодухи от ненасытности предателей – князей да бояр. Но сошла Орда, и князья развернулись во всю мощь, проявив всю свою ненасытную жадность. Утвердилось крепостное право.

Если боярин вместе с землей получает еще и крестьян, то уже не ему надо платить, а с него можно брать тот самый откуп за эксплуатацию, теперь уже фактически государственной земли и государственных людей (налоги). На таких условиях любой «вольный» дворянин за своего Государя – в огонь и в воду; Бог – высоко, Царь – далеко, а сумма откупных много меньше реально заработанного трудом крестьян богатства. Эксплуатируй, наглей, богатей, но и делись с более сильным, откупайся. Вот только вопрос, сколько брать и сколько отдавать – воровство меры не знает, а законов нет.

Недовольство крестьян ограничениями их прав, неприязнь боярской знати и дворянства вылились в смутное время, в крупномасштабную гражданскую войну начала XVII века. От воли народ отказываться не хотел, предложить альтернативный вариант правительство не могло.

Примирение наступило, когда гражданская война плавно переросла в открытую иностранную интервенцию, и регулярные польские войска вошли в Москву. Интервенты «примирили» враждующие стороны. Патриарх Филарет вознёс «до небес» нижегородское ополчение, как своё вотчинное войско и сели на царство филаретовы родственники – «Романовы».

Правительство, в лице царя Алексея Михайловича (отца Петра I) в 1649 году окончательно оформило крепостное право. С этого началась Россия сегодняшняя. Царем Алексеем Михайловичем был введен бессрочный сыск беглых. На этом для народа России закончилось единственное право человека на справедливость. А где нет надежды на справедливость, может ли быть закон?

Свобода для русского человека была вывернута наизнанку, ему дали свободу беглого узника. Крестьянин, уйдя от помещика, а фактически от государства, на всю жизнь ставил себя вне закона. Такой свободы, такой воли не было ни у одного народа. Но все же оправдание тому правительству найти можно. Глубинная историческая правда состояла в том, что народ – то тянет туда, где лучше, где безопасней и теплее. Это всегда центральная часть государства. А кто будет осваивать задворки Империи? Поэтому гнет в Центре усиливался, крестьяне бежали на окраины. Государству это было выгодно. На задворках увеличивалось население, усиливалась

охрана границ, росла мощь Державы. А то, что почти все беглые, так это даже хорошо, они же все вне закона, драть можно три шкуры, куда им идти жаловаться? Опять же все время пугать можно сдачей властям, «откупные» за молчание требовать. Страшно так было жить, но привычно. Если кто-то из богатых сильно «зарывался», его просто убивали. Сохранялось право на волю.

Да и сами князья, бояре, дворяне могли в любую минуту расстаться с тем, что имели в пользу Государства, если чем-либо прогневали царя-батюшку. И так из поколения в поколение. Если ты беглый – ты никто, и вся твоя семья вроде бы есть, вроде бы работает, создает материальные ценности, но в любую минуту, в любом поколении может всплыть, что твой дед или бабка с прабабкой были беглыми, и ты должен за них ответить перед тем, кто сегодня в силе, фактически перед Государством. И вот ты уже раб, которого просто надо кормить, чтобы не сдох и работал. Русский народ веками был лишен возможности прогнозировать свой достаток, а значит, и свое будущее, и поэтому никогда ничего не копил, а с петровских времен вообще запил. Что толку, если завтра все отберут, если не внешние враги, так свои, что чаще бывало еще хуже. Отсюда и постоянная дилемма для русского «быть или иметь», «быть» это – значит, жить, чем беднее, тем больше шансов выжить, ты мало кому интересен; «иметь» – это значило, что в любой момент ты мог не понравиться государю (и он все отбирал), либо народу, который «пускал петуха». Россия никогда не жила будущим, и в целом в России не сложились поколенческие связи и отсутствует социальная группа, отвечающая за сохранение традиций.

В России, как в Государстве, нет ни будущего (детей), ни прошлого (стариков), а есть только дряхлеющее настоящее, которое принципиально ограничено процессом потребления взрослого работоспособного населения в системе производства, войнах, да еще в условиях предельной неразвитости систем восстановления сил и здоровья населения. При таком государственном устройстве возникает ситуация, когда власть и закон воспринимаются населением как некая абстракция, которой и интересуются, только «когда гром грянет». Но почему этому несчастному народу никто не может навязать свои законы, свои правила игры, свою веру.

Почему? Войти в Россию победным маршем и навязать ей какой-то единый, пусть и цивилизованный порядок невозможно. Порядок подразумевает деление общества на горизонтальные связи. Кому такое деление выгодно в России? Западное общество силой жесточайшего насилия поделено на социальные пласты и только для того, чтобы окончательно не «захиреть», так как «порода имеет свойство вырождаться», оно вынуждено культивировать индивидуализм как механизм, стимулирующий социальное «перемешивание», при котором отдельная личность может подняться от дворника до президента, но только как показательный пример при особо выдающихся заслугах перед Государством. Это именно тот принцип Петра, который им начинался и им же закончился. В России же действуют лишь вертикальные связи. Парадокс государственной власти в России заключается в том, что единственным юридическим источником закона для государства признавалась и признается только воля главы аппарата власти (монарха, генерального секретаря, президента). Поэтому от Главы Государства в России зависит сама жизнь в этом государстве, а главное, совершенно безграничная власть для окружающих его чиновников. Прочной основы внутри государства ни одна власть не имеет и прекрасно это сознает. Поэтому в России действительны лишь законы прямого действия, которые, как правило, направлены на укрепление государства и, как следствие, на укрепление действующего правительства. За исполнением этих законов осуществляется самый жесткий контроль. Но эти законы прямого действия часто не соответствуют принятому и исторически сложившемуся законодательству, поэтому они сразу же порождают оппозицию. В России еще не было случая, при котором оппозиция была бы готова сотрудничать с правительством.

Система, при которой тот, кто сегодня у власти, становится неподсудным, а все его окружение получает возможность вседозволенности. Человек из оппозиции должен либо предать своих, либо добиваться ликвидации существующей власти, не ее смены, это невозможно, а

именно ликвидации. Поэтому в России постоянно кто-то кого-то ликвидирует. В середине XVIII века ликвидируется боярство. К началу XX века фактически ликвидируется дворянство, а после революции 1917 года ликвидируется буржуазия. Причем, это не был плавный переход из одного состояния в другое. Это была смена аппарата власти по вертикали, новая власть поднималась «из грязи в князи», и хоть каждая новая власть начинала свою работу с одного и того же, с воровства, но для того, чтобы удержаться, она вынуждена укреплять Государство. Но ворами интересно что-то укреплять, пока это что-то даёт возможность воровать. Укрепление государства ради его разворовывания является абсурдом, поэтому власть в России столь неустойчива и бывает уничтожаема постоянно.

Стабильным является государственное устройство, при котором власть медленно модернизирует традиции, медленно пытается что-то менять, даёт народу долго присматриваться к государственной «эволюции» делая для него всю законотворческую информацию доступной.

В России все наоборот. Власть соображает быстро, законотворческий процесс не прекращается ни на минуту, народ об этом творчестве вообще ничего не знает, да ему это и не надо, потому что он раз и навсегда понял, что «закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло». К сожалению, это историческая традиция. Это единственная хорошо отработанная Российская технология (ноу-хау), главной целью которой является на «этом постоянном безобразии» воспитание долготерпимости у народа. И это всем выгодно. Власти выгодно потому, что она ни за что не отвечает, живёт в своё удовольствие в так называемом «имперском борделе». Народу выгодно потому, что он эту власть ни во что не ставит. И пока одна правит, а другая уже готовится ее свергнуть, гуляй «голь перекатная».

Но кое-кто понимает, что менять власть легко, но грабить всё без остатка можно только при долготерпимости «горячо любимого» народа (пусть даже эта новая власть – суть самого народа). Поэтому кто-то воспитанию долготерпимости народа уделяет издавна огромное значение».

Даурия оказала на Сергея неизгладимый след. По ночам он часто стал в полном одиночестве напиваться «вдрызг» составляя знаменитые забайкальские коктейли из всех горючих жидкостей, оказавшихся под рукой. Но именно в Даурии он познавал настоящие грани российской военной службы и российской жизни. Эта служба была неотделима от остальной жизни России. Действительно, у России есть только два союзника. Это её армия и её флот. Но сразу это трудно понять.

Часть вторая. Будни СССР

Глава 4. Армейские будни

В армии Сергей нашёл многое из того, что искал, думая о смысле жизни. Тело его кормили, тренировали и выгуливали. Мозги тоже тренировали и постоянно тестировали на умение выживать. Что касается души и её участия в поиске смысла жизни, то о душе он почти забыл, ей просто не за что было зацепиться. Служба и быт были поставлены на рельсы дисциплины. Расписаны были все дни, все часы. Служба чем-то напоминала белку в колесе. Одно и то же выполнение одних и тех же обязанностей день за днём. Стоило допустить халтуру или слабинку в выполнении служебного долга, как сразу начинались проблемы не только у него, но и у других. Смысл жизни был ему вполне понятен: долг, служба, ритм.

И вдруг, именно вдруг, вся его налаженная жизнь рухнула. Оказалось, что кухонные разговоры по поводу развала империи СССР – это правда. Просто та воинская часть, в которой он служил, была слишком далека от всех столиц, и о тех, кто в ней служил, забыли.

Его часть была в самом дальнем Забайкалье, а миграция народов началась на Запад. Обязательные замены по выслуге лет в определённых местах прекратилась, служивые люди стали массово увольняться и тоже уезжать на Запад. Сергей ещё держался. В том, войсковом товариществе, которое его окружало, было много офицеров, одно знакомство с которыми можно было считать за счастье. Несмотря на их молодость, он каким – то странным образом чувствовал это и называл всех своих братьев по оружию «старыми» и мудрыми забайкальскими воинами. Им это нравилось, и они дружно продолжали тянуть «служивую ляжку». Но «чумовая» среда разваливающейся империи добралась и до них. Огромная армада офицеров, служивших во всех бывших Союзных республиках, была оттуда вытесняема и искала себе прибежище в России.

Запад России был «забит» до отказа. Сама служба в западных округах требовала огромных денег на постоянные взятки или такого же огромного воровства. Выдерживали эти новые «воинские отношения» далеко не все. Тех, кто не выдерживал, переводили всё дальше и дальше....

Но это уже были потерянные для чести и армии люди. Они знали, как выстраиваются «отношения» на самом верху, ни во что не верили и воровали. Наплыв этих офицеров был равносителен налёту саранчи. Перестали выплачивать и должностные оклады, так как все выделяемые бюджетом деньги армейскими финансистами под прикрытием «группы столичных товарищей», называемой в офицерской среде «райской группой», сразу же вкладывались в товар. Должностные оклады выплачивались по мере реализации товара. Никто сильно не роптал, так как служба фактически прекратилась, а плату за безделье можно и подождать, как говорится «честь имею».

Из служебных обязанностей у Сергея осталась одна – дежурство по части. В караулы ходили младшие офицеры и прапорщики. Их часто не меняли по два, три дня. В караульные помещения водили женщин. В караулах давно пили.

Солдатский досуг проходил примерно также. В казармах пытались установить ночное дежурство офицеров, но инициатива не прижилась. Солдат было мало, а те, кто ещё оставался в сокращаемых частях, ночевали где угодно, только не в казармах.

Это было очередное, похожее на все остальные дежурства той поры. Сергей сидел в прокуренной «дежурке» и играл в карты со своим помощником. Чередой в «дежурку» шёл «служивый народ» с докладами о том, кто что и где сдал – принял. Доклады он почти не слушал. Слух его обострялся только при слове «оружие». Оружие оставалось единственным матери-

альным средством, за пропажу которого можно было понести серьёзное наказание, вплоть до увольнения из армии.

Оружие пропадало везде и повсеместно, но можно было быть уволенным из армии «достойно» при краже по «согласованию», а можно было «вылететь» по «недосмотру» без всяких льгот. Сергей неплохо знал историю. Он знал, что сюжеты повторяются и, как ему казалось, на каждом витке спирали, несколько «мягче», чем на предыдущем. Он знал, что XX век начался с того, что «белых офицеров», отдававших долг своей стране в таких же далёких и глухих гарнизонах, как тот, в котором он служит теперь, властный клан той поры «развёл» значительно хуже, чем очередной властный клан конца XX века разводит «красных офицеров». Тех просто стреляли, этих сокращают – прогресс на лицо.

Но Сергей был чрезвычайно наблюдателен, его «на недосмотрах» развести было практически невозможно. На слово «оружие» он реагировал в силу прекрасной выучки и некоторых знаний, что это за «игрушки» и насколько они могут быть «вредны» и «проблемны». Докладывал начальник караула: «Охраняемый объект №, опечатан печатью № и т. д., замки в порядке, ограждения не нарушены и т. д.». Сам себе доложил, сам у себя принял. Сергей проводил его словами: «Ну, спи дальше».

Начальник караула, вместе с часовыми отвечали за печати на дверях и ангарных воротах. Что за ними, их совершенно не касалось. Сергей служил давно и прекрасно знал, что нет такого закона в России, который нельзя было бы нарушить, если дан приказ. Приказ «воровать» был дан, и «армейскую материю» защищали только пластмассовые слепки печатей на дверях и воротах. Вся дежурная служба за них и отвечала.

Игра в карты помогала коротать время. Удачно сбрасывая прикуп, он слушал очередного «докладчика» – прапорщика дежурившего по автопарку. Утром он доложил, что ночью из автопарка «угнали» автомобиль. Сергей сразу же доложил дежурному на «верх». На «верху» его в шутку спросили: «Кто продал и за сколько?». Теперь этот же прапорщик «вспомнил», что на автомобиле находился миномёт с полным боекомплектом.

Сергей с трудом сдержал гнев. Настроение было испорчено. Душа проснулась и металась: «Сколько же это может продолжаться? Всё продали: корабли, самолёты, танки, Родину».

Душа проснулась. Это был стресс. Дело было не в наказании, дело было в принципе. За машину, не поставленную в ангар своевременно и не сданную под охрану, отвечал тот, кто за ней был закреплён. Но оказалось, что машина была, а должностного лица, отвечающего за неё уже не было. Все «полководцы», хоть и находились на службе, но почему-то были «за штатом». Словом, всех можно было пощупать, но спросить было абсолютно не с кого.

Сергей уже смирился с пьянством на службе, с картами и откровенным бездельем, даже с огромным наплывом женщин, которые попадали в перекрёстный «огонь» страсти «отцов – командиров», и которые их «кошмарили», задрав им юбки кверху, даже во время «втыкания» телефонных штуцеров во все «дырки» далёких абонентов.

Это был даже не разврат. Это были остатки «имперского борделя». Сегодня и в его воинской части продали оружие, которое было призвано защищать его страну. Если оружие продаётся бесконтрольно, значит, его производят разбойники и продают они же.

Стресс был сильным. Он даже не подозревал, что ещё способен так переживать. Он уже давно смотрел на всё происходящее иронично и цинично.

Спать Сергей завалился не раздеваясь. Положив ноги в сапогах на спинку кровати, он продолжал размышлять. Засыпал он с мыслью о законе и о его влиянии на честь и достоинство. Во сне он увидел примерно тот же сюжет, что много раз видел в прокуренной дежурке. Форма сюжета была та же, хоть чины были повыше, но содержание отличалось значительно, и главным действующим лицом был князь Владимир.

Снилось Сергею, что сидит он в белокаменном доме только что захваченного им города, во главе длинного стола, с самыми близкими и преданными дружинниками. Горят и потрес-

квивают свечи. Лётся хмельное вино, а обсуждение прошедшего боя вызывает громкий смех. Все живы, можно и посмеяться. Сквозь сон Сергей не понимает одного, почему его зовут Владимир. Но эта мысль уставшего ума скоро оставляет его, и он окончательно погружается в сон.

Ему снится, что он ведёт приём послов, которых прислали к нему народы, завоёванные им и населяющие эту землю. Землю, в которую князь Владимир пришёл проявить удаль молодёцкую, казну пополнить и союзников найти, которые могли бы сдерживать на этих землях таких же «проворных» воинов, как и его дружинники, но донимавших набегами его Родину. Победа Владимира была полной, о чём свидетельствовала идущая друг за другом череда послов. Местные народы с подобной силой никогда не сталкивались и теперь наперебой спешили высказать почтение и прощупать почву для своих оставшихся прав.

Послы были чудные, и это добавляло веселья Владимиру и его боевым товарищам, а речи их были так просто уморительны.

Сначала зашёл красивый рослый воин в блестящих доспехах, в короткой юбке, с круглым щитом, длинном плаще, закрывающем его спину, и коротким мечом. Послов дружинники Владимира не разоружали. Владимир от послов сидел в отдалении, а посмотреть на оружие чужестранцев, а главное, где и как оно крепится, всегда интересно.

Воин очень лаконично высказал восхищение мужеством, проявленным русскими воинами, и предложил заключить военный союз. При этом он долго говорил о законе и праве. Особенно о праве, которое получит Владимир в рамках закона распорядиться всем и всеми на этих землях. Говорил он уверенно. Говорил он так, словно Владимиру всё уже было известно о законе и о праве. Речь его была предельно точна и походила на военные команды: «Равный среди равных», «Без гнева и пристрастия», «Там, где согласие, там победа».

Владимир слушал его, но думал о своём, о родном: «Там, откуда пришёл я, нет ни первых среди равных, ни даже вторых, не равных первым, как нет и закона, и права. Там даже слов таких не знают. Это я тут, пока вас «воюю», узнал о ваших «заморских» диковинах. У нас проще, есть дружина – есть сила, значит, прав. Нет дружины – каюк. Или ты, или тебя без всякого выбора».

Владимир слушал воина, но сердце Владимира этого воина не принимало. Дослушав его до конца, Владимир обещал подумать.

Следом за воином вошёл человек в длинной рясе в высокой конусообразной шапке. Владимир уже знал, сколь опасны такие послы, называвшие себя миссионерами – христианами. Но он сталкивался больше с простыми и бедными людьми, бродившими с этой миссией по всему свету. Владимир даже принёс пару таких миссионеров, «варягов – христиан», в жертву своим Богам. Этот же миссионер, судя по всему, был если не за самого главного, то явно бродил где – то рядом с ним.

Свои мудрецы, они же разведчики, сопровождавшие Владимира в походе, рассказывали ему о падении огромной империи. Империи, которая рухнула благодаря одному человеку, которого звали Иисус и который открыл глаза народам, населяющим её на своих угнетателей. Империя жила по единому закону, и стоило зародиться зерну сомнения в справедливости закона, как империя рухнула. Его мудрецы рассказывали и о том, что на обломках старого закона там теперь устанавливается единобожие и вводится тот же самый единый закон, но называется он теперь – закон божий. Но это неправильный закон, так как в его основу положен мирской закон рухнувшей империи.

Владимир прислушивался к мнению своих мудрецов, и для себя решил, что, пожалуй, стоит присмотреться к носителям этого нового «божьего закона». Всё-таки не каждый возьмётся из обломков рухнувшей империи начать выстраивать новую, ещё более могущественную империю.

Он с интересом и любопытством смотрел на миссионера. И пока тот выдерживал паузу, ожидая вопроса, адресованного ему, думал: «Земля хороша и плодородна, женщины чудо как хороши, да и народ послушен и дисциплинирован. Здесь более выгоден мир, чем война».

Миссионер, не дождавшись вопроса, начал говорить сам. Он очень пространно высказал мысль о стремлении Господа к единству мира, о святой миссии воинов на путях единства мира, о крестовых походах, в которых участвуют лучшие из лучших воинов. Он говорил и о законе божьем, едином для всех.

Миссионер не предлагал союз, он предлагал принять его закон. Владимир был не против единства мира. Он уже убедился на примере завоёванных им земель в пользу закона, дисциплинирующего народы. Но он прекрасно видел, что в центр этого единства миссионер, называющий себя христианином, ставит ни его Владимира – победителя, а себя как истинного проводника закона божьего и посредника между собой и ещё кем-то, Владимиру неведомого, но явно не господом. Но если всё обстоит именно так, тогда чего он топчется в его шатре. Владимир обещал подумать. Когда посол ушёл, Владимир сказал друзьям: «Пришёл дружить с нами против нас самих же».

Последними из послов в шатёр вошли трое. Они были очень похожи на мудрецов из окружения Владимира. Один из них сказал, что они долго шли к нему и очень устали с дороги, а потому хотят есть и пить. Для Владимира такое начало речи было неожиданным. Времена были свирепые, и посольские грамоты послов не спасали. Но эти трое выглядели беспечно и, похоже, искренне хотели пить и есть.

Владимир пригласил их за стол и налил им вина. Они выпили, и самый младший по внешнему виду произнёс: «Хорошо вот так, вместе, соборно посидеть».

– Соборно, – повторил Владимир это слово в уме, вспоминая, слышал ли он его раньше.

– Да, соборно посидеть хорошо, – вторил ему второй посол, раззадоривая интерес Владимира.

– Что значит соборно? – спросил Владимир.

– Соборно, – заговорил самый старший из послов, молчавший до этого. – Соборно, это значит, что мы в своём кругу, в Соборе, решаем, что делать дальше, какую и чью волю проводить. С каким противником дружить, и с каким другом драться.

По лицу Владимира пробежала тень гнева: «Сговорились с миссионером, уж очень похоже говорят». Но посол продолжил:

– Соборность – это только воля. Воля божья на ведение всех дел земных. Бог не может следовать людским законам. Эти законы устанавливаются людьми и для людей. У Бога свой промысел, свои законы, мы только пытаемся понимать их. Один человек Христос разрушил империю, ибо на всё воля божья. Есть воля, есть и сила, есть и действие, есть и результат. На всё воля божья. Делай, что хочешь, отвечать всё равно тебе перед Богом, ибо на всё воля Господа...

– Это ваша вера, – прервал посла Владимир.

– Да, – ответил посол и добавил: «Это вера Христа и то, как они её понимают. Людской закон привёл Христа на крест казни. Значит, такова была воля Бога, и таковым было безволие людей окружавших Иисуса».

Владимир задумался, вспомнил народы, населяющие его Родину и не поддающиеся никаким людским законам, и спросил:

– А ваша соборность позволяет пить, гулять, иметь множество наложниц, совершать набеги и жить так, как хочется?

– Наша вера и наша соборность позволяет делать всё, но до тех пор, пока людские законы не придут в соответствие с волей и законами Господа нашего.

– Ну, это будет не скоро – сказал Владимир и расхохотавшись продолжил расспросы:

– А как называется ваша вера?».

– Православие, – ответили послы хором.

– Значит, я буду прав и славен, – опять расхохотался Владимир и подвёл итог:

– Хорошо, я готов принять вашу веру. Думаю, что и нашим Богам она не повредит, по крайней мере, и у наших народов появится хоть один Бог, который их будет объединять. И этим богом стану я – и он вновь расхохотался.

– Да будет так, – произнёс посол и, словно читая мысли Владимира, продолжал:

– Соборность – это выстраивание тайных отношений вопреки принятым людьми законам, но на основе существующих традиций тех или иных народов. Традиции народов – это воля Бога. Местные традиции предписывают родство и порядок через брачные союзы. Ты готов взять в жёны местную царевну?

– Хоть всех, – ответил Владимир, войдя в благодушие и проявляя мужское нетерпение, продолжил:

– Где она?

– Ты готов, – продолжал посол, – огнём и мечом насаждать в своих землях веру Христову.

Владимир вспомнил своего родного брата, глаза его сверкнули лютой ненавистью, и он сквозь зубы произнёс: «К этому я всегда готов».

Один из послов вышел и очень скоро вернулся обратно с девушкой удивительной красоты. Посол сказал, что эта женщина, став его женой, поможет ему крестить русскую землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.